

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского»

На правах рукописи

Колупанова Татьяна Юрьевна

**ОБЪЕКТИВАЦИЯ ЛИНГВОМЕНТАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА
РОССИЯ/РУССКИЙ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ
РУССКОГО ЯЗЫКА**

10.02.01. – русский язык

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Е.А. Попова

Липецк – 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ И КОГНИТИВНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ НАУКИ О ЯЗЫКЕ.	14
§ 1. Антропоцентризм как важнейшая система научных представлений в современной лингвистике	14
1.1. Антропоцентрическая парадигма современного языкознания	14
1.2. Языковая личность как парадигмообразующее понятие антропологической лингвистики	23
§ 2. Язык и культура как две взаимосвязанные и взаимообусловленные категории национального менталитета	32
2.1. История возникновения и развития проблемы взаимосвязи языка и культуры	32
2.2. Современные лингвистические направления, изучающие триаду «язык – культура – этнос»	42
2.3. Языковая картина мира как отражение национальной культуры и ментальности	52
§ 3. Концепт как базовый элемент лингвоментального комплекса	59
3.1. Современные трактовки концепта как основной единицы концептуального анализа.	59
3.2. Структура концепта и методика его описания	65
Выводы к 1 главе	73
ГЛАВА 2. ОБЪЕКТИВАЦИЯ ЛИНГВОМЕНТАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА <i>РОССИЯ/РУССКИЙ</i> В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА РУССКОГО НАРОДА	75
§ 1. Описание лингвоментального комплекса <i>Россия/русский</i> по данным лингвистических и энциклопедических словарей	75

§ 2. Ассоциативное поле как средство вербализации лингвоментального комплекса <i>Россия/русский</i>	97
§ 3. Объективация лингвоментального комплекса <i>Россия/русский</i> в русской фразеологии	119
Выводы ко 2 главе	136
ГЛАВА 3. ЛИНГВОМЕНТАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС <i>РОССИЯ/РУССКИЙ</i> В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЕ МИРА (ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)	141
§ 1 Языковое представление лингвоментального комплекса <i>Россия/русский</i> в языковом сознании писателей XIX века	141
§ 2. Лингвоментальный комплекс <i>Россия/русский</i> в художественных произведениях XX века	166
§ 3. Лингвоментальный комплекс <i>Россия/русский</i> в языковой стихии XXI века	192
Выводы к 3 главе	203
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	205
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИССЛЕДОВАНИЯ	214
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	217

ВВЕДЕНИЕ

Языкознание XXI века рассматривает язык в тесной связи с сознанием и мышлением индивида, его ментальными и мировоззренческими установками, практической и духовной жизнедеятельностью. При таком подходе в качестве центральной единицы исследований, способной дать представление как о собственно языковой, так и о когнитивной обусловленности языкового знака, выступает концепт, представляющий собой объективно существующую в языковом сознании индивида многомерную ментальную единицу, кодирующую и транслирующую комплексную информацию об отражаемом объекте действительности. В наши дни исследуется большое количество как универсальных концептов (например, *время, пространство, дом*), пронизывающих собой международное языковое пространство, так и концептов национально-специфических (например, *тоска, воля, лень*), отражающих самобытные черты русского языкового сознания. В этом ряду особое место принадлежит концептам, именем которых служит оним и этноним, поскольку они несут в себе яркую и выразительную характеристику называемых ими объектов действительности. В связи с этим представляется необходимым подробное исследование концептов *Россия* и *русский*, образующих единый лингвоментальный комплекс.

В настоящее время, когда русский народ находится на пути национального самоопределения, исследование данных этнически маркированных единиц приобретает особую **актуальность**, поскольку оно дает востребованные знания об особенностях художественного мировоззрения и мироощущения русских классиков как представителей русского языкового пространства. Значимость исследований подобного рода обусловлена особым вниманием к языку как одному из главных факторов сохранения народного самосознания в условиях современного глобализирующегося мира, в котором теряются истоки национальной самобытности и ментальных установок русского этноса.

Объектом исследования выступают языковые единицы и тексты, вербализующие лингвоментальный комплекс *Россия/русский* в языковом сознании носителей русского языка.

Предметом исследования являются особенности лексической объективации лингвоментального комплекса *Россия/русский*.

Источником исследования послужили данные различного рода энциклопедических и лингвистических словарей: этимологических, толковых, синонимических, словообразовательных, частотных, фразеологических, словаря сочетаемости, ассоциативного словаря, а также сборников пословиц и поговорок.

Материал для исследования составили примеры из художественных текстов русских писателей XIX – XXI веков (произведения А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.А. Некрасова, Н.С. Лескова, Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева, А.П. Чехова, И.А. Бунина, А.А. Блока, С.А. Есенина, М. Горького, К.М. Симонова, А.Т. Твардовского, Е.А. Евтушенко, Т.Н. Толстой, Д.А. Глуховского, З. Прилепина, С.С. Минаева, А.В. Рубанова). Выбор в качестве материала для исследования произведений русских писателей XIX, XX и XXI столетий обусловлен необходимостью дать исчерпывающее описание вербализации лингвоментального комплекса *Россия/русский* в диахроническом аспекте на материале его языковой реализации в русской художественной литературе. Общее количество проанализированного материала составляет свыше 3000 примеров.

Цель работы – описание объективации лингвоментального комплекса *Россия/русский* в русском языковом сознании и в русском художественном тексте.

В соответствии с поставленной целью в работе предусматривается поэтапное решение следующего ряда **задач**:

1) Определить характер взаимодействия лингвистической, лингвокультурологической и когнитивной проблематики в антропоцентрической парадигме науки о языке;

2) Описать лингвоментальный комплекс *Россия/русский* в языковом сознании носителей русского языка:

- Выявить и описать объективацию лингвоментального комплекса *Россия/русский* по данным толковых, энциклопедических, фразеологических словарей, а также по данным ассоциативного эксперимента с носителями современного русского языка;

- Определить когнитивное содержание лингвоментального комплекса *Россия/русский* в языковом сознании носителей русского языка.

3) Проследить динамику развития лингвоментального комплекса *Россия/русский* в русском художественном сознании на материале русского художественного текста в произведениях XIX – XXI вв., выявить специфику отражения данного лингвоментального комплекса в творчестве писателей разных эпох.

Концепты *Россия* и *русский* уже изучались в рамках современного антропоцентрического языкознания [Абрамова 2012], [Апанасенко 2007], [Белоусова 2011], [Грищенко 2012], [Евтушенко 2007], [Кобозева 1995], [Меграбова 2009], [Онищенко 2009], [Орлова 2005], [Свинцова 2008], [Федосюк 2010], [Юрьева 2008], но их исследование велось преимущественно в рамках одной определенной картины мира (национальной, художественной или публицистической) и преимущественно в синхроническом аспекте. **Научная новизна** диссертационной работы заключается в выявлении лингвоментального комплекса *Россия/русский* и исследовании динамики его формирования на основе анализа художественных текстов XIX – XXI вв.

Основными **методами анализа** в работе являются: 1) описательный метод, предоставляющий возможность на базе эмпирических данных формулировать теоретические заключения; 2) функциональный метод, способствующий выявлению особенностей вербализации исследуемых концептов; 3) метод лингвистического моделирования, применяемый при структурировании содержания концептов; 4) сопоставительный анализ, позволяющий проследить динамику объективации лингвоментального комплекса *Россия/русский*; 5) психолингвистический метод, помогающий раскрыть психологически реальное содержание лингвоментального комплекса; 6) семантико-когнитивный анализ,

закрывающийся в описании концептов через семантику объективирующих их языковых единиц.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в анализе и систематизации исследовательских позиций, раскрывающих сущность триады «язык – культура – этнос», в систематизации научных подходов к определению понятия концепта, в обосновании существования лингвоментальных комплексов, объединяющих языковое и когнитивное сознание носителей языка, а также в разработке методики изучения и описания таких комплексов. Полученные результаты могут применяться при дальнейшем изучении языка с точки зрения его активного участия в когнитивной и познавательной деятельности как всего народа в целом, так и его конкретных представителей в частности. Кроме того, диссертация вносит определенный вклад в целый ряд лингвистических дисциплин: лингвокультурологию, когнитивную лингвистику, этнолингвистику, психоллингвистику, лингвистическую аксиологию.

Практическая значимость работы состоит в возможности использования ее материалов и выводов в вузовском преподавании лексикологии и фразеологии современного русского литературного языка, в спецкурсах с этнокультурологической, культурологической, психоллингвистической и когнитивной направленностью, в научно-исследовательской работе студентов и аспирантов. Материалы и результаты проведенного исследования могут быть использованы в лексикографической практике, прежде всего для создания лингвокультурологических словарей.

Более того, выводы, полученные в ходе диссертационного исследования, могут найти применение и в системе школьного обучения, поскольку материалом для анализа послужили произведения русской классической литературы, в большинстве своем входящие в перечень художественных текстов, обязательных к прочтению учащимися средней и старшей школы. В связи с данным обстоятельством мы можем говорить о том, что результаты исследования могут применяться на уроках русской литературы, при проведении внеклассных мероприятий, а также при разработке элективных курсов, направленных на

углубленное лингвокультурологическое изучение художественных текстов XIX – XXI вв.

В качестве **теоретического основания** диссертационной работы выступают исследования отечественных и зарубежных ученых, выражающих различные точки зрения относительно взаимосвязи компонентов триады «язык – культура – этнос»: В. фон Гумбольдта [1964], В.А. Звегинцева [1984], [Звегинцев 1982], Э. Бенвениста [1974], Ю.С. Степанова [1974], Г.О. Винокура [1959], Я. Гримма [1964], Ф.И. Буслаева [1992], А.Н. Афанасьева [1986], И.И. Срезневского [1959], А.А. Потебни [1999], [1989], Й.Л. Вайсгербера [2004], Э. Сепира [1993], Б. Уорфа [1960], Н.И. Толстого [1995]. Кроме того, теоретическим базисом работы служат исследования ученых в таких областях научного знания, как этнолингвистика, когнитивная лингвистика, лингвокультурология, лингвистическая аксиология: Н.И. Толстого [2013], Е.Л. Березович [2007], Т.И. Вендиной [1998], В.В. Воробьева [1997], С.А. Кошарной [2002], Г.В. Токарева [2009], Н.Ф. Алефиренко [2011; 2013], В.А. Масловой [2008], М.В. Пименовой [2011], З.Д. Поповой и И.А. Стернина [2010], Е.С. Кубряковой [1997], Е.Ф. Серебренниковой [2011], Т.В. Маркеловой [1993], А. Т. Хроленко [2004], С.Г. Тер-Минасовой [2000], Ю.С. Степанова [2004].

На защиту выносятся следующие основные положения:

1. Лингвоментальный комплекс – это единство дискретного концептуального ментального образования с языковыми средствами его выражения и актуализации в текстовом пространстве народа. Будучи связанными между собой когнитивным признаком «относящийся к России, русский», концепты *Россия* и *русский* образуют единый многомерный и многокомпонентный лингвоментальный комплекс, основу которого составляют признаки, отражающие самосознание русского этноса и восприятие им родной страны – России.

2. Лингвоментальный комплекс *Россия/русский* имеет сложную структуру и членится на три сегмента – «государство», «страна», «общество», каждый из

которых образован набором определенных констант, объединяющих совокупность определенных признаков.

3. Лингвоментальный комплекс может быть описан и смоделирован совокупностью лингвистических, психолингвистических и когнитивных методов, а динамика его развития, становления и изменения в языковом сознании носителей русского языка может быть прослежена по языковой актуализации данного лингвоментального комплекса в текстах русских писателей XIX – XXI вв., отражающих взгляды писателей определенного столетия на социальное, политическое и экономическое устройство нашей страны. Исследование текстов писателей разных эпох позволяет проследить динамику развития и изменения лингвоментального комплекса в сознании носителей языка.

4. Писатели отражают представления о России, не только воплощая национальное содержание лингвоментального комплекса *Россия/русский*, но и внося собственные изменения в его смысловое наполнение. Художественная интерпретация лингвоментального комплекса *Россия/русский*, при которой он обогащается новыми когнитивными признаками, отражает изменения, характерные для общественного сознания России XIX – XXI вв.

5. Репрезентируясь в художественных произведениях XIX века, лингвоментальный комплекс *Россия/русский* включает константы *власть* и *армия*, которые формируют сегмент «государство». Сегмент «страна» содержит константы *холод*, *простор*, *центр/периферия*, *бедность*. Сегмент «общество» составляют константы *необразованность*, *праздность*, *неволя*, *вера*, *неправедность*, *величие*.

6. В художественных текстах XX века сегмент «государство» лингвоментального комплекса *Россия/русский* включает константы *революция*, *социализм*, *война*. Сегмент «страна» состоит из констант *простор*, *прогресс*, *бедность*. Сегмент «общество» содержит в своем составе константы *труд*, *мужество*, *саморазрушение*.

7. В художественных текстах XXI столетия сегмент «государство» лингвоментального комплекса *Россия/русский* формирует константа *власть* и

соответствующие ей когнитивные признаки. Сегмент «страна» содержит константу *неразвитость*. Сегмент «общество», в свою очередь, включает константы *пьянство* и *бездумность* и соотносимые с ними содержательные компоненты.

8. В исторической перспективе в содержании лингвоментального комплекса *Россия/русский* сохранной оказывается константа *власть* с соответствующим ей когнитивным признаком «управляемая властями, поступающими вопреки справедливости, нарушающими справедливость». Существенными для нескольких столетий оказываются также константы *бедность* с признаком «не имеющая достаточных средств к существованию» и *простор* с признаком «свободное обширное пространство». Другие константы (например, *армия*, *революция*, *прогресс*, *неразвитость*) раскрывают динамику лингвоментального комплекса *Россия/русский*, поскольку являются актуальными для текстов определенного столетия. С течением времени в данном лингвоментальном комплексе ослабляются константы *армия*, *революция*, *социализм*, *война*, *прогресс*, *вера*, *неволя* и усиливаются признаки самокритичности, на которые нам указывают константы *необразованность*, *праздность*, *неправедность*, *саморазрушение*, *пьянство*, *бездумность*.

Апробация результатов исследования осуществлялась в виде докладов на научных конференциях различного уровня: X Международном форуме «Задонские Свято-Тихоновские образовательные чтения "Любовью и единением спасемся"» (Липецк – Задонск, 2014), XI Международном форуме «Задонские Свято-Тихоновские образовательные чтения "...Где дух Господень, там и свобода"» (Липецк – Задонск, 2015), XII Международном форуме «Задонские Свято-Тихоновские образовательные чтения "Ищите же прежде Царствия Божия и правды его"» (Липецк – Задонск, 2016), XIII Международном форуме «Задонские Свято-Тихоновские образовательные чтения» (Липецк – Задонск, 2017), VII Международном Толстовском конгрессе «Л.Н. Толстой и литературный Крым в историко-культурном пространстве России» (Севастополь, 2015), XXXVI Международных Толстовских чтениях «Л.Н. Толстой и его современники»

(Москва, 2015), Международной научной конференции «Творческое наследие И.А. Бунина в контексте современных гуманитарных исследований» (Елец, 2015), Международном Круглом столе по теме: «Проблема авторства стихотворения «Прощай, немытая Россия» с точки зрения современной филологической науки» (Пятигорск, 2017), XIV Международном форуме «Задонские Свято-Тихоновские образовательные чтения "Святитель Тихон Задонский на перекрестке традиций (Афон – Валаам – Задонск – Оптиная Пустынь – Соловки)"» (Липецк, 2018), II Международной конференции «Образ Родины: содержание, формирование, актуализация» (Москва, 2018), Всероссийской научной конференции «Иван Бунин в духовно-культурном пространстве современности» (Елец, 2013), Всероссийской научно-практической конференции «Малая родина – большая литература: проблемы развития современной филологии» (Липецк, 2015), Всероссийской научной конференции с международным участием «Первые Щеулинские чтения» (Липецк, 2016), Всероссийской научной конференции «XV Барышниковские чтения "Русская классика: проблемы понимания и языкового своеобразия"» (Липецк, 2016), Всероссийской научной конференции «Слово, предложение, текст, коммуникация» (Липецк, 2017), Всероссийской школе молодых ученых с международным участием «Современные естественнонаучные методы исследований в гуманитарных науках» (Липецк, 2017), Всероссийской научной конференции «Вторые Щеулинские чтения» (Липецк, 2018), Региональной научной конференции «Русский язык в этнокультурном аспекте» (Липецк, 2014), Региональной научной конференции «Русское слово в Великой Отечественной войне» (к 70-летию Великой Победы) (Липецк, 2015), Региональной школе молодых ученых по филологическим наукам «ФИЛОLOGOS» (Елец, 2016), Областном профильном семинаре «Школа молодых ученых по проблемам гуманитарных наук» (Елец, 2013), Областной научной конференции «М.Ю. Лермонтов в истории и культуре» (Липецк, 2014), Областной научной конференции «Актуальные проблемы гуманитарных исследований» (Елец, 2014), Областном профильном семинаре «Школа молодых ученых по проблемам гуманитарных, естественных, технических наук» (Елец,

2014), Областной научной конференции «Актуальные проблемы гуманитарных исследований» (Елец, 2015), Областном профильном семинаре «Школа молодых ученых по проблемам гуманитарных наук» (Елец, 2015), на научно-практических конференциях «Русское слово в современном образовательном и лингвосоциокультурном пространстве» (Липецк, 2017, 2018), на научно-практических конференциях студентов, аспирантов и соискателей ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского» (Липецк, 2013 – 2016), на заседаниях кафедры русского языка и литературы Института филологии ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского». Результаты исследования отражены в 26 научных публикациях, 4 из которых опубликованы в изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Структура диссертационного исследования подчинена решению поставленных задач. Работа содержит введение, одну теоретическую главу и две исследовательских, выводы по главам, заключение, список источников и список использованной литературы, который включает 213 наименований. Текст изложен на 237 страницах рукописи.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении определяются объект и предмет диссертационной работы, характеризуется языковой материал, на базе которого осуществляется исследование, ставится цель и описывается ряд задач, поэтапное решение которых способствует ее достижению, обосновывается научная новизна, раскрываются особенности методологии исследования, говорится о теоретической и практической значимости диссертационной работы, формулируются основные положения, выносимые на защиту, приводятся сведения об апробации результатов исследования.

В первой главе «Лингвокультурологическая и когнитивная проблематика в антропоцентрической парадигме науки о языке» рассматриваются основные постулаты антропологической лингвистики и места языковой личности в ней,

исследуется история возникновения и развития триады «язык – культура – этнос», описываются отличительные особенности таких междисциплинарных отраслей научного знания, как этнолингвистика, когнитивная лингвистика, лингвокультурология, лингвистическая аксиологии, а также рассматриваются основные подходы к определению понятия концепта и методики его описания.

Вторая глава «Объективация лингвоментального комплекса *Россия/русский* в языковой картине мира русского народа» посвящена исследованию особенностей лингвистической актуализации рассматриваемого лингвоментального комплекса в национальном языковом сознании. В данной главе проводится описание лингвоментального комплекса *Россия/русский* по данным словарей, интерпретируются ассоциативные поля организующих его концептов, а также исследуются особенности их лексической объективации в русской фразеологии.

В третьей главе «Лингвоментальный комплекс *Россия/русский* в художественной картине мира (диахронический аспект)» рассматриваемый нами лингвоментальный комплекс исследуется в диахроническом аспекте. В данной главе устанавливается его языковое представление, выявляются особенности его структуры и содержания, описываются особенности его объективации на материале художественных произведений XIX – XXI столетий.

В заключении подводятся итоги проведенного исследования, а также формулируются выводы, полученные в ходе лингвокультурологического и семантико-когнитивного анализа лингвоментального комплекса *Россия/русский*.

Глава 1. Лингвокультурологическая и когнитивная проблематика в антропоцентрической парадигме науки о языке

§ 1. Антропоцентризм как важнейшая система научных представлений в современной лингвистике

1.1. Антропоцентрическая парадигма современного языкознания

Современный этап развития лингвистической мысли характеризуется радикальными переменами, затронувшими не только всю теоретико-методологическую базу языкознания, но и изменившими основополагающие, ранее незыблемые, представления о языке как о знаковой системе, структурно упорядоченной и не зависящей от человеческого сознания, общественного мышления и культурного фона. Вследствие этого, по словам Н.Ф. Алефиренко, «к концу XX века обнаружилось, что кумулятивные представления о характере развития нашей науки (языкознания. – Т. К.) не отвечают объективному ходу лингвистического познания» [Алефиренко 2005, с. 17]. Оказалось, развитие языкознания отнюдь не прямолинейно, а, напротив, представляет собой довольно противоречивый и сложный процесс, который выступает как органическое единство двух противоположностей: «рождения новой, более адекватной концепции языка и процесса поступательного развития знаний в рамках данного видения предмета исследования» [Там же, с. 17]. Особенно явно это прослеживается в постнеклассической лингвистике, характеризующейся бурным ростом и стремительной разработкой революционных идей.

Многие представители научного сообщества считают, что необходимые сведения о новом этапе развития языкознания как нельзя лучше укладываются в понятие «парадигма». Данный термин восходит к работе Т. Куна «Структура научных революций» [Кун 1977], и определяется исследователем следующим

образом: «Парадигма – это признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений» [Там же, с. 11]. Если же мы обратимся непосредственно к интересующей нас науке – лингвистике, – то увидим, что здесь зачастую парадигмой называют какой-либо подход или метод к изучению языка, а это не совсем точно отражает исходное определение данного понятия, которое мы находим у Т. Куна. Поэтому, на наш взгляд, целесообразно понимать лингвистическую парадигму, исходя из ее трактовки М.А. Косарик: лингвистическая парадигма – это «доминирующая на каждом этапе истории науки система воззрений на язык, определяющая предмет и принципы лингвистического описания и тесно связанная с культурным и философским контекстами эпохи» [Косарик 1995, с.104].

Стоит отметить, что в науке о языке неоднократно предпринимались попытки представить историю лингвистических учений как последовательную смену парадигм научных знаний. Традиционно в языкознании выделяют три парадигмы: сравнительно-историческую, системно-структурную и антропоцентрическую. Стоит отметить, что среди ученых-лингвистов до сих пор нет единого мнения относительно того, какое название должна носить современная, постмодернистская, парадигма науки о языке. Несмотря на то, что она зародилась уже несколько десятков лет назад – в конце прошлого столетия, – в работах отечественных лингвистов новая парадигма фигурирует под большим количеством наименований: антропоцентрическая (В.А. Маслова), социальная (Ю.Н. Караулов), теоантропокосмическая (В.И. Постовалова), интерпретирующая (В.З. Демьянков), когнитивная (В.Н. Телия, Г.И. Берестнев, Р.М. Фрумкина, Д.И. Руденко). Нам же близка точка зрения В.В. Щеулина и Е.А. Поповой, которые считают, что именно «эпитет "антропологическая" применительно к современной парадигме изучения языка представляется более удачным, так как позволяет "обнять" как когнитивную линию изучения языка, так и функционально-коммуникативную, этнолингвистическую» [Щеулин, Попова 2002, с. 13]. Вследствие этого в нашей работе сложившуюся в настоящее время

лингвистическую парадигму мы будем называть антропологической, или антропоцентрической, рассматривая данные наименования как синонимические понятия.

Стоит отметить, что антропоцентрическая парадигма научного знания характеризуется, по словам В.А. Масловой, «переключением интересов исследователя с объектов познания на субъект, т.е. анализируется человек в языке и язык в человеке» [Маслова 2008, с. 10]. В связи с этим исследователи, в частности Н.В. Бугорская, высказывают мысль об «антропологическом повороте» [Бугорская 2004, с. 19] в науке о языке, суть которого заключается в том, что именно человек теперь задает вектор лингвистического анализа и языковых изысканий. Как отмечают В.В. Щеулин и Е.А. Попова, «человек – это тот центр, через который проходят координаты, определяющие предмет, задачи, методы, ценностные ориентации современной лингвистики» [Щеулин, Попова 2002, с. 3]. Иными словами, язык в настоящее время рассматривается во взаимосвязи с сознанием человека, его мышлением, ментальными и мировоззренческими установками, практической и духовной деятельностью, поэтому, по утверждениям ученых, «возникла необходимость изучать язык "внутри нас"» [Шулежкова 2008, с. 375], тот язык, который служит средством накопления, формирования и передачи знаний человека об окружающем его мире.

На сегодняшний момент идею антропоцентричности языка по праву можно считать одной из ключевых и основных в современной лингвистике. Подтверждением этому служит мысль В.И. Карасика о том, что «если раньше ученых интересовало преимущественно то, как устроен язык сам по себе, то теперь на первый план выдвинулись вопросы о том, как язык связан с миром человека, в какой мере человек зависит от языка, каким образом ситуация общения определяет выбор языковых средств» [Карасик 2002, с. 4].

Стоит отметить, что подобный подход к языковым исследованиям бытовал в ученой среде еще задолго до того, как начал представлять собой цельнооформленную парадигму научного знания. Первым среди лингвистов, положивших «в основу своей концепции антропологический принцип» [Шаклеин

2012, с. 5] и связавший воедино «языковедческую, культурологическую и социологическую проблематику» [Там же], был Вильгельм фон Гумбольдт, считавший, что «язык есть орган внутреннего бытия, само это бытие, находящееся в процессе внутреннего самопознания и проявления. Язык всеми тончайшими фибрами своих корней связан с народным духом, и чем соразмернее этот последний действует на язык, тем закономернее и богаче его развитие» [Гумбольдт 1964, с. 86]. В своих работах лингвист не раз указывал на то, что именно язык играет активную роль в процессе формирования человека с присущими ему мировоззрением и мировосприятием: «Создание языка обусловлено внутренней потребностью человечества. Он не только внешнее средство общения людей в обществе, но заложен в природе самих людей и необходим для развития их духовных сил и образования мировоззрения...» [Там же, с. 87].

Кроме того, по убеждению В. фон Гумбольдта, язык неразрывно связан с внутренней природой общества, в связи с чем в его исследованиях язык и человек выступают как две взаимосвязанные и взаимообусловленные сущности: «Язык есть как бы внешнее проявление духа народа; язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык – трудно представить себе что-либо более тождественное» [Там же 1964, с. 88-89]. Иными словами, язык находит свое воплощение в образе мыслей народа, а образ мыслей народа отражается в его языке. Это положение получило многообразную интерпретацию не только у лингвистов XX века, но и у современных мыслителей, проводящих свои исследования в русле антропоцентрической парадигмы научного знания.

Одним из немногих направлений, выступающих в XIX веке за антропологическое изучение языковых явлений, был младограмматизм. Так, представители Лейпцигской школы (А. Лескин, Г. Остгоф, К. Бругман, Г. Пауль) критиковали натуралистическое и логическое направления за то, что их сторонники изучают язык как автономное и самостоятельное образование, не уделяя должного внимания говорящему человеку, выступающему у младограмматиков творцом языка. Г. Остгоф и К. Бругман считали, что «язык не

есть вещь, стоящая вне людей и над ними и существующая для себя; он по-настоящему существует только в индивидууме, тем самым все изменения в жизни языка могут исходить только от говорящих индивидов...» [Остгоф, Бругман 1964, с. 193]. Язык, по мнению младограмматиков, зависит от индивида, который в процессе оформления и воспроизведения своих мыслей воздействует на язык, каждый раз привнося в него что-то новое. Однако, несмотря на подобные заключения, антропоцентризм младограмматиков остался на уровне декларативных заключений и не был реализован в практике лингвистического анализа.

Ключевой фигурой в истории становления и формирования антропоцентрической парадигмы научного знания в лингвистике по праву можно считать Э. Бенвениста – выдающегося французского исследователя, считавшего: «В мире существует только человек с языком, человек, говорящий с другим человеком...» [Бенвенист 1974, с. 293]. Э. Бенвенист в одном из разделов своей «Общей лингвистики» под названием «Человек в языке» писал, что «именно в языке и благодаря языку человек конституируется как *субъект* (здесь и далее курсив автора. – Т.К.), ибо только язык придает реальность, *свою* реальность, которая есть свойство *быть*, – понятию "Ego" – "мое я"» [Бенвенист 1974, с. 293].

Через все работы французского лингвиста проходит идея об отражении человека в языке, которая нашла свое окончательное воплощение в концепции субъективности – одной из определяющих концепций современного языкознания. Субъективность, по Бенвенисту, «есть способность говорящего представлять себя в качестве "субъекта". Она определяется не чувством самого себя <...>, а как психическое единство, трансцендентное по отношению к совокупности полученного опыта, объединяемого этим единством, и обеспечивающее постоянство сознания. Мы утверждаем, что эта "субъективность" <...> есть не что иное, как проявление в человеке фундаментального свойства языка» [Там же, с. 293-294]. Субъективность, согласно исследователю, определяется языковым статусом говорящего, в связи с чем Э. Бенвенист одним из первых ввел понятия автора и адресата в качестве обязательных компонентов языкового

функционирования. По мнению лингвиста, «язык возможен только потому, что каждый говорящий представляет себя в качестве *субъекта* (здесь и далее курсив автора. – Т.К.), указывающего на самого себя как на *я* в своей речи» [Там же, с. 294]. Как отмечают ученые, «за субъективностью вскрывается, таким образом, еще более общее свойство языка: язык есть семиотическая система, основные референционные точки которой непосредственно соотнесены с говорящим индивидом» [Степанов 1974, с. 14]. Как мы видим, лингвистическая концепция Бенвениста глубоко антропоцентрична, выстроена в соответствии с человеческим фактором в языке, что и предопределило развитие современного языкознания.

Антропологическая проблематика не была чужда и отечественным ученым-лингвистам. Так, еще в 70-е годы прошлого столетия Ю.С. Степанов призывает исследователей изучать язык в человеке и человека в языке, относя антропоцентризм к главным и определяющим принципам, которыми должны руководствоваться ученые при рассмотрении языковых процессов: «... язык создан по мерке человека, и этот масштаб запечатлен в самой организации языка; в соответствии с ним язык и должен изучаться. Поэтому в своем главном стволе лингвистика всегда будет наукой о языке в человеке и о человеке в языке, наукой гуманитарной, словом такой, какой мы находим ее в книге Бенвениста, не столько завершающей пройденный, сколько открывающий новый этап...» [Степанов 1974, с. 15].

Положить антропологический принцип в основу изучения языка призывал и В.А. Звегинцев. По мнению исследователей, «в начале 80-х гг. он увидел в человеке не только третью и главную величину социолингвистики, величину, которая должна стать связующим звеном между двумя ее величинами – языком и обществом, но и главную величину лингвистики в целом...» [Щеулин, Попова 2002, с. 11]. Оценивая состояние мирового языкознания конца XX века, Звегинцев отмечал, что человеческий фактор стал определяющим не только в социолингвистике, но и во всей науке о языке. Ученый утверждал, что «требование гуманизации не ограничивается рамками социолингвистики... Это требование в действительности также вписывается в общую тенденцию, которая

становится все более ощутимой в современной лингвистике в целом» [Звегинцев 1982, с. 254].

Окончательное оформление антропоцентрической парадигмы в науке о языке произошло в 80-е – 90-е годы XX века, когда при помощи антропологического подхода стали решаться конкретные языковедческие задачи. Именно в эти годы выходят монографические работы, в которых лингвисты рассматривают проявление человеческого фактора в языке. Так, в рассматриваемый период были опубликованы труды Ю.Н. Караулова «Русский язык и языковая личность» (М., 1987) и Б.А. Серебренникова «Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление» (М., 1988), исследования Л.П. Крысина «Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка» (М., 1989) и Е.А. Земской «Словообразование как деятельность» (М., 1992), монографии Е.С. Яковлевой «Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия» (М., 1994) и Т.Г. Винокур «Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения» (М., 1993).

В современной лингвистике антропоцентризм представляет собой ведущий принцип, согласно которому «научные объекты изучаются прежде всего по их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности, по их функциям для развития человеческой личности...» [Кубрякова 2006, с. 54]. В данном случае человек, задающий направление вектору лингвистических исследований, признается центральной фигурой в науке о языке. В свою очередь, язык в настоящее время мыслится учеными, в частности С.Г. Тер-Минасовой, как «зеркало, показывающее не мир вообще, а мир в восприятии человека. Мир в данном случае – это окружающая человека реальность» [Тер-Минасова 2000, с. 259]. Также в языке непосредственно отражается и сам человек, его мировоззрение, ценностные установки, образ жизни, духовные и нравственные приоритеты, поэтому, по мнению лингвистов, «язык как зеркало отражает оба мира: вне человека, то есть тот, который его окружает, и внутри человека, то есть тот, который создан им самим» [Там же].

Как отмечает Е.С. Кубрякова, «при всем внешнем разнообразии представлений о языке современной лингвистике все же свойственно следование определенной системе общих установок» [Кубрякова 2006, с. 52]. Помимо антропоцентризма, ученые, в частности Е.С. Кубрякова [Кубрякова 2006], В.В. Щеулин и Е.А. Попова [Щеулин, Попова 2002; Попова 2004], С.Г. Шулежкова [Шулежкова 2004], выделяют такие основополагающие принципы антропологической лингвистики, как экспансионизм, функционализм (неофункционализм), экспланатарность, текстоцентризм. По мнению ученых, именно данные понятия «определяют идеологию современного языкознания как науки о человеке» [Щеулин, Попова 2002, с. 15].

Так, например, экспансионизм (иначе говоря, расширение границ языкознания, проявляющееся в возникновении новых лингвистических дисциплин и в формировании междисциплинарных областей знания) заключается, как утверждает А.А. Леонтьев, «в разработке комплексных, пограничных проблем, в развитии "смежных" областей, где языкознание работает бок о бок с другими науками, такими, как социолингвистика, этнолингвистика, психолингвистика; это общая тенденция в проникновении "за" язык, в раскрытии сущностных характеристик деятельности человека в целом, в том числе не столько языка, сколько говорящего человека» [Леонтьев 1969, с. 3]. Кроме того, экспансионизм характеризуется появлением новых объектов исследования (к примеру, лингвокогнитивная структура сознания, психолингвистический аспект мышления), а также рассмотрением традиционных проблем с новых, зачастую революционных, позиций.

Еще один важный принцип современной науки о языке – функционализм – выдвигает на первый план триаду «значение – форма – функция», в которой доминирующее значение приобретает последний компонент, понимаемый учеными следующим образом: «Функция – это предназначенность элемента к определенному способу существования в системе, к определенному служению этой системе» [Золотова 2004, с. 45]. При таком подходе «язык представляет собой инструмент, орудие, средство, наконец, механизм для осуществления определенных целей и

реализации человеком определенных намерений – как в сфере познания действительности и ее описания, так и в актах общения, социальной интеракции, взаимодействия с помощью языка» [Кубрякова 2006, с. 56]. Вследствие этого главным требованием антропоцентрического функционализма является изучение функциональных особенностей языка в действии, т.е. в процессе человеческой коммуникации.

В число определяющих принципов постмодернистского языкознания входит также принцип текстоцентризма, обусловленный, по словам исследователей, «стремлением объяснить язык как глобальное явление с точки зрения современного языкознания, как цельное средство коммуникации, глубже изучить связи языка с различными сторонами человеческой деятельности, реализуемыми через текст» [Тураева 1986, с. 5]. По мнению современных лингвистов, именно в данной коммуникативной единице, представляющей собой «сложное целое, функционирующее как структурно-семантическое единство» [Там же, с. 11], отражаются социальность, психологичность и структурность человеческой деятельности. В связи с данным положением мы можем говорить о том, что именно в тексте отображается образ окружающего нас мира, передается движение мысли, а также запечатлеваются способы ее воплощения при помощи различных языковых средств. Поэтому, по словам Е.А. Поповой, «все единицы языка обретают свой подлинный смысл только в тексте, которому предназначены» [Попова 2004, с. 94]. Пытаясь преодолеть односторонность языковедческих изысканий, современные исследователи все чаще обращаются к данной коммуникативной единице, что приводит к возникновению новой отрасли языкознания – лингвистики текста, изучающей текст в тесной связи с человеком, который является его создателем и адресатом.

Антропологическая направленность лингвистики, как уже было отмечено выше, связана и с принципом экспланаторности, или объяснительности. Это, по мнению исследователей, проявляется в том, что современное языкознание «как зрелая наука может и должна объяснить изучаемый ею объект – язык, – но не только "в самом себе и для себя", а для более глубокого понимания и объяснения

человека и того мира, в котором он обитает» [Кубрякова 2006, с. 58]. Это и предопределяет изучение языка по его роли для человеческого сознания и мышления, коммуникации и общественного развития, ментальности и национального характера, чем, собственно говоря, и занимается современная лингвистика.

Таким образом, антропоцентрическая парадигма языкознания, как считает В.А. Маслова, «ставит на первое место человека, а язык считается его главной конституирующей характеристикой, его важнейшей составляющей» [Маслова 2008, с. 15]. При таком подходе именно человек служит ориентиром для лингвистических исследований и предстает в качестве непреложной точки отсчета для многих языковедческих концепций и теорий.

1.2. Языковая личность как парадигмообразующее понятие современной антропологической лингвистики

В современной антропологической лингвистике ведущей является точка зрения, согласно которой «нельзя познать сам по себе язык, не выйдя за его пределы, не обратившись к его творцу, носителю, пользователю – к человеку...» [Караулов 1987, с. 7]. При таком подходе центральное место в языковедческих исследованиях отводится личностному аспекту рассмотрения языка, а ключевым и парадигмообразующим понятием становится понятие языковой личности, вокруг которого, по мнению ученых, «разворачивается обсуждение наиболее интересных сегодня <...> проблем общего и русского языкознания» [Караулов 2006, с. 207]. Подобный интерес к феномену языковой личности, как считает В.В. Красных, объясняется тем, что представители лингвистических дисциплин «проявляли и проявляют все возрастающий интерес к тому, что стоит за языком, за речью, за речевой деятельностью, т.е. к самому человеку, при этом не только как к носителю некоего сознания, осуществляющему некую деятельность, но как к носителю – в том числе – сознания языкового, осуществляющему – в ряду других

видов деятельности – деятельность речевую» [Красных 1998, с. 14]. Несомненно, что и в рамках нашего исследования, выполненного в русле антропологической парадигмы, понятие языковой личности играет одну из ключевых ролей, поскольку именно оно как нельзя лучше отражает способность человека к языковому творчеству, которое оказывает значительное влияние на формирование как национальной, так и художественной концептосфер. В связи с этим, на наш взгляд, нам просто необходимо рассмотреть феномен языковой личности с точки зрения современной лингвистики антропоцентризма.

Стоит отметить, что столь актуальное в наши дни понятие берет свое начало в понятии личности вообще, которое определяется в философии как «динамичная, относительно устойчивая целостная система интеллектуальных, социально-культурных и морально-волевых качеств человека, выраженных в индивидуальных особенностях его сознания и деятельности» [Философский... 2001, с. 289]. Интересующее нас понятие языковой личности, в свою очередь, образовано, по утверждению С.Г. Воркачева, «проекцией в область языкознания соответствующего междисциплинарного термина, в значении которого преломляются философские, социологические и психологические взгляды на общественно значимую совокупность физических и духовных свойств человека, составляющих его качественную определенность» [Воркачев 2001, с. 65].

Что же представляет собой языковая личность? Как отмечают исследователи, это, во-первых, «любой носитель того или иного языка, охарактеризованный на основе анализа произведенных им текстов с точки зрения использования в этих текстах системных средств данного языка для отражения видения окружающей действительности (картины мира) и для достижения определенных целей в этом мире» [Русский язык... 1998, с. 671], во-вторых, «наименование комплексного способа описания языковой способности индивида, соединяющего системное представление языка с функциональным анализом текстов» [Там же]. Как видим, человек как языковая личность представляет собой индивида, взятого в совокупности его физической, социальной, интеллектуальной, речемыслительной, коммуникативной, эмоциональной

составляющих. По мнению В.А. Масловой, «языковая личность вступает в коммуникацию как многоаспектный феномен, и это соотносится со стратегиями и тактиками речевого общения, с социальными и психологическими ролями коммуникантов, культурным смыслом информации, включенной в коммуникацию» [Маслова 2001, с. 8].

Первоначальную форму понятие языковой личности приобретает в трудах немецкого ученого Й.Л. Вайсгербера, который впервые употребляет соответствующее словосочетание в книге «Родной язык и формирование духа», написанной в 1927 году. По словам исследователя, «... язык представляет собой наиболее всеобщее культурное достояние. Никто не владеет языком лишь благодаря своей собственной языковой личности; наоборот, это языковое владение вырастает в нем на основе принадлежности к языковому сообществу...» [Вайсгербер 2002, с. 81].

В отечественном языкознании рассматриваемый термин вошел в научный обиход благодаря В.В. Виноградову и его работе «О художественной прозе» [Виноградов 1930]. Рассматривая проблему исследования русского литературного языка, лингвист утверждает, что Бодуэн де Куртене «... устранил из своих исследований литературного языка методы исторического анализа и историзм как мировоззрение. Его интересовала языковая личность как вместилище социально-языковых форм и норм коллектива, как фокус скрещения и смешения разных социально-языковых категорий» [Виноградов 1930, с. 61]. Далее в своем труде В. В. Виноградов снова употребляет интересующее нас понятие: «... социальное ищется в личностном через раскрытие всех структурных оболочек языковой личности» [Там же, с. 91]. Стоит отметить, что ученый, не раз включая данное словосочетание в текст своей работы, не раскрывает его, поэтому можно говорить о том, что исследуемое понятие у лингвиста еще не приобретает строго терминологического характера. Но, несмотря на данное обстоятельство, именно В.В. Виноградовым в советской науке о языке были впервые намечены пути и перспективы изучения феномена языковой личности.

Основоположником цельнооформленной теории языковой личности в российской лингвистике по праву считается Ю.Н. Караулов. Рассматривая феномен языковой личности как «сквозную идею, которая, как показывает опыт ее анализа и описания, пронизывает и все аспекты изучения языка и одновременно разрушает границы между дисциплинами, изучающими человека, поскольку нельзя изучать человека вне его языка» [Караулов 1987, с. 3], ученый дает расширенное толкование данного термина, исходя при этом из способности человека к созданию в процессе коммуникации различного рода текстов. Для Ю.Н. Караулова языковая личность – это «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью» [Караулов 2006, с. 207]. Ученый в своем фундаментальном труде – «Русский язык и языковая личность» – приводит и другую трактовку интересующего нас термина. В данной работе лингвист говорит о том, что «языковая личность есть личность, выраженная в языке (текстах) и через язык, есть личность, реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств» [Караулов 1987, с. 38]. По словам исследователя, обращение именно к текстопорождающей способности человека носит вполне закономерный и оправданный характер и «заключается в изменении исследовательского пафоса, который в рамках теории языковой личности формулируется так: "За каждым текстом стоит языковая личность"» [Караулов 2006, с. 210].

Если же мы обратимся к современной науке о языке, то, по словам ученых, увидим, что тот фон, на котором происходит окончательное оформление «теории языковой личности, которая характеризуется следующими особенностями: смещением фокуса интереса во всех гуманитарных областях от элитарного человека к простому смертному, от авторитета к минорету и от эпохального исторического времени к повседневности и обыденности; оживлением интереса к проблеме способов существования языка (язык-система, язык-текст, язык-способность), а также успехами психолингвистики в изучении языковой

способности человека» [Русский язык... 1998, с. 671]. В связи с подобной ситуацией, сложившейся в лингвистической науке, современные исследователи все чаще обращаются к феномену языковой личности и, исходя из своих научных воззрений, пытаются теоретически осмыслить его. Так, В.И. Карасик утверждает: «Языковая личность – это человек, существующий в языковом пространстве – в общении, в стереотипах поведения, зафиксированных в языке, в значениях языковых единиц и смыслах текстов» [Карасик 2002, с. 7]. Ю.Е. Прохоров, в свою очередь, полагает, что языковая личность – «парадигма речевых личностей» [Прохоров 2006, с. 86], а речевая личность для него – это «языковая личность в парадигме реального общения, в деятельности» [Там же].

Некоторые современные исследователи пошли еще дальше и, помимо новых дефиниций рассматриваемого понятия, предлагают и совершенно новую типологию языковых личностей. Так, в рамках антропологической лингвистики говорят о полилектной (многочеловеческой) и идиолектной (частночеловеческой) личности [Нерознак 1996], лингвокультурологической личности [Маслова 2001], семиологической личности [Баранов 1997], речевой личности [Прохоров 2006], словарной личности [Карасик 2002], фрустрирующей языковой личности [Колышкина 2012] и др.

Свести к общему знаменателю такое многообразие подходов попытался С.Г. Воркачев. Ученый, проанализировав весь спектр точек зрения на языковую личность, дал данному понятию целый комплекс определений, в котором, на наш взгляд, нашли отражение все грани столь неоднозначного феномена. Языковед придерживается следующей точки зрения: «Под "языковой личностью" понимается человек как носитель языка, взятый со стороны его способности к речевой деятельности, т.е. комплекс психофизических свойств индивида, позволяющий ему производить и воспринимать речевые произведения – по существу личность речевая» [Воркачев 2001, с. 65]. Также языковая личность представляет собой «совокупность особенностей вербального поведения человека, использующего язык как средство общения, – личность коммуникативная [Там же]. И, кроме того, языковая личность представляет собой

«закрепленный преимущественно в лексической системе базовый национально-культурный прототип носителя определенного языка, своего рода "семантический фоторобот", составляемый на основе мировоззренческих установок, ценностных приоритетов и поведенческих реакций, отраженных в словаре – личность словарная, этносемантическая» [Там же].

Приведенные толкования подтверждают мысль исследователей о том, что уже в содержании рассматриваемого нами понятия присутствует идея, состоящая в том, чтобы на основе анализа языковых явлений – текстов – получить сведения о человеке: «а) как индивидууме и авторе этих текстов, со своим характером, интересами, социальными и психологическими предпочтениями и установками; б) как типовом представителе данной языковой общности и более узкого входящего в нее речевого коллектива, совокупном или усредненном носителе данного языка; в) как представителе человеческого рода, неотъемлемым свойством которого является использование знаковых систем и прежде всего естественного языка» [Русский язык... 1998, с. 671]. Другими словами, в понятии языковой личности соединяются представления о личностных и общеязыковых процессах, а также, как полагают В.А. Козырева и В.Д. Черняк, содержатся «основные этапы речемыслительной деятельности, от коммуникативного намерения до конечного продукта – текста» [Козырев, Черняк 2008, с. 33-34].

В связи с вышесказанным можно говорить о том, что языковая личность в лингвистике предстает как явление весьма сложное и многогранное. Организующим и упорядочивающим началом данного феномена в науке о языке выступает его уровневая модель, впервые разработанная Ю.Н. Карауловым. Ученый считает, что структура языковой личности трехкомпонентная, состоящая из следующих элементов: «1) вербально-семантического, предполагающего для носителя нормальное владение естественным языком, а для исследователя – традиционное описание формальных средств выражения определенных значений; 2) когнитивного, единицами которого являются понятия, идеи, концепты, складывающиеся у каждой языковой индивидуальности в более или менее упорядоченную, более или менее систематизированную "картину мира",

отражающую иерархию ценностей <...>; 3) прагматического, заключающего цели, мотивы, интересы, установки и интенциональности» [Караулов 2006, с. 210].

Как отмечают исследователи, подобные уровневые модели языковой личности «отражают обобщенный тип личности» [Маслова 2001, с. 118]. Отдельных же языковых личностей, которые отличаются друг от друга различными модификациями вышеперечисленных уровней, в культуре может быть огромное количество. Это еще раз подтверждает нашу мысль о том, что языковая личность – это понятие многоаспектное, включающее в себя как индивидуальные, так и национально-специфические элементы коммуникативной деятельности человека. В.А. Маслова, рассматривая проблему содержания языковой личности, говорит о том, что данный феномен содержит в себе следующие компоненты: 1) «мировоззренческий, ценностный, т.е. система ценностей, или жизненных смыслов» [Маслова 2001, с. 119]. Именно язык обеспечивает первостепенный взгляд на окружающую действительность, «образует тот языковой образ мира и иерархию духовных представлений, которые лежат в основе формирования национального характера и реализуются в процессе языкового диалогового общения» [Там же]; 2) «культурологический» [Там же], т.е. уровень приобщения к культуре, что выступает как эффективный метод повышения потребности в новых знаниях о языке; 3) «личностный, т.е. то индивидуальное, глубинное, что есть в каждом человеке» [Там же].

Именно в единстве мировоззренческого, культурологического и личностного компонентов человек выступает не просто как индивид, а как языковая личность, творец языка, проявляющий свою сущность и раскрывающий свой внутренний мир посредством акта коммуникации. При таком подходе, по словам Ю.Н. Караулова, языковая личность – это «"человеческий" коррелят Языка "с большой буквы"» [Караулов 1987, с. 4], «личность, реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств» [Там же, с. 38], человек, воплощенный в языке и через язык.

Главным и определяющим признаком языковой личности, по мнению ученых, является наличие языкового сознания, поскольку «языковая личность начинается по ту сторону обыденного языка, когда в игру вступают интеллектуальные силы» [Караулов 1987, с. 36]. Под языковым сознанием в науке о языке, как утверждает И.А. Стернин, понимается «совокупность психических механизмов порождения, понимания речи и хранения языка в сознании, то есть психические механизмы, обеспечивающие процесс речевой деятельности человека» [Стернин 2002, с. 46]. Языковое сознание находит свое воплощение прежде всего в речевом поведении языковой личности. Поэтому, говоря о языковом сознании человека, необходимо иметь в виду то своеобразие коммуникативного поведения индивида, которое определяется уровнем его интеллектуальных способностей, социальным статусом, полом, возрастом, языковой культурой, психотипом, совокупностью морально-нравственных ценностей и др.

Кроме того, языковое поведение человека может быть обусловлено и особенностями его менталитета, выступающего средоточием важнейших концептуальных и мировоззренческих установок того или иного народа. Подтверждением данной мысли служат слова Ю.Н. Караулова о том, что «национальное пронизывает все уровни организации языковой личности, на каждом из них приобретая своеобразную форму воплощения, и застывший, статический и инвариантный, характер национального в структуре языковой личности отливаётся в самом языке в динамическую, историческую его составляющую» [Караулов 1987, с. 42]. В результате подобных воззрений в отечественной лингвистике возникает понятие «национальная языковая личность», которое является своеобразным «"пересечением" языка (языковая личность как категория) и культуры, поскольку последняя характеризует особенности поведения, сознания и деятельности людей в конкретных сферах общественной жизни» [Гукасова 2001, с. 27-28].

На наш взгляд, стоит отметить, что у данного феномена существуют и другие наименования. Так, некоторые ученые говорят о личности

этносемантической [Воркачев 2001], а другие рассматривают культурно-языковую личность [Леонтович 2002]. Но, как бы то ни было, но бесспорным остается тот факт, что языковой личностью может быть не только отдельный индивидуум, но и целый народ в совокупности его языковедческих, мировоззренческих и культурологических установок. Включая в себя постоянные исторические составляющие, входящие в характер того или иного народа, данный феномен, по мнению А.Ю. Скрыльниковой, «предстает в качестве вневременной сущности, поскольку на каждом уровне своей организации имеет и временные, и вневременные составляющие» [Скрыльникова 2008, с. 30]. К вневременным образованиям относят общенациональный языковой тип, вербально-семантические ассоциации, картину мира и коммуникативные потребности. Как правило, подобные инвариантные составляющие в структуре языковой личности и несут на себе отпечаток национального самосознания.

О подобных компонентах, присутствующих во внутренней организации феномена языковой личности, ведет речь и Ю.Н. Караулов в своей работе «Русский язык и языковая личность» [Караулов 1987]. Так, ученый полагает, что рассматриваемое нами понятие «содержит инвариантные исторические составляющие, которые с необходимостью входят в национальный характер» [Караулов 1987, с. 46]. В связи с этим исследователь говорит прежде всего о русской языковой личности, которая включает в себя базовую часть общей для всего народа картины мира (1-й уровень) и устойчивый комплекс коммуникативных особенностей (2-й уровень). Как отмечает исследователь, «национальное пронизывает все уровни организации языковой личности, на каждом из них приобретая своеобразную форму воплощения, и застывший, статистический и инвариантный, характер национального в структуре языковой личности отливается в самом языке в динамическую, историческую его составляющую» [Там же, с. 42]. Иными словами, в понятии национальной языковой личности органически переплетаются логика бытия народа, система его ценностей, специфическое видение мира, особое мироощущение, традиции,

преломленные через национальный язык и выраженные посредством акта коммуникации представителями единого этноса.

Стоит отметить, что в рамках нашего исследования можно говорить об актуальности как национальной языковой личности в целом, так и языковой личности в частности. Национальная языковая личность – совокупная языковая личность определенного этноса – представляет собой главного творца народной концептосферы, которая является отражением лингвокультурологических особенностей этнического сознания, актуализирующихся в содержании тех или иных концептов (в нашем случае – концептов *Россия* и *русский*). Языковая личность, в свою очередь, представляет собой более узкое, но не менее значимое для настоящего исследования, понятие, поскольку посредством речемыслительной деятельности именно языковой личности, реализующей себя в тексте, и создается художественная концептосфера, которая отражает писательское воззрение на те или иные реалии действительности.

Таким образом, все вышесказанное позволяет трактовать языковую личность, по мнению лингвистов, «не только как *часть* (здесь и далее курсив автора. – Т.К.) объемного и многогранного понимания личности в психологии, не как еще один из ракурсов ее изучения <...> , а как *вид* полноценного представления личности» [Караулов 2006, с. 212], содержащий в себе психический, социальный, философско-мировоззренческий, национальный, историко-культурный компоненты, вербализованные в процессе актов коммуникации.

§ 2. Язык и культура как две взаимосвязанные и взаимообусловленные категории национального менталитета

2.1. История возникновения и развития проблемы взаимосвязи языка и культуры

В последнее десятилетие в среде лингвистов наблюдается ярко выраженная актуализация мысли выдающегося филолога Г.О. Винокура о том, что «всякий

языковед, изучающий язык <...> непременно становится исследователем той культуры, к продуктам которой принадлежит избранный им язык» [Винокур 1959, с. 211]. В условиях антропологической лингвистики данное обстоятельство представляется весьма закономерным, так как язык сегодня определяется учеными как высокоорганизованная знаковая система, являющаяся важнейшим средством «не только общения и выражения мысли, но и аккумуляции знаний культуры» [Воробьев 1997, с. 12] → совокупности созданных человеком материальных и духовных ценностей, способной так же, как и язык, служить средством хранения и передачи информации. Но, в отличие от языка, культура это – «прежде всего память, сложная семиотическая система, ее функция – память, а ее основная черта – накопление» [Там же, с. 13]. При подобном подходе язык выступает в качестве создателя и интерпретатора данного «специфического способа организации человеческой жизнедеятельности...» [Философский... 1983, с. 292], а на первое место выходит проблема взаимосвязи языка и культуры, научные истоки которой зародились задолго до ее актуализирования в эпоху антропоцентризма.

Попытки осмысления взаимоотношения компонентов диады «язык – культура» начались уже в Новое время. Так, на деятельностную функцию языка обратил внимание немецкий мыслитель И.Г. Гердер. В своем «Трактате о происхождении языка» (1770) ученый воедино связывает четыре основополагающих «феномена человека: язык, культуру, общество и национальный дух» [Хроленко 2004, с. 8]. По мнению исследователя, язык неразрывно связан с культурой и развивается вместе с обществом. Как утверждает И.Г. Гердер, «язык древних народов, подобно их мифологии, может служить руководством для изучения причудливых путей человеческой фантазии и человеческих страстей» [Гердер 1959, с. 148]. Органическая связь языка с национальной культурой делает его одним из определяющих компонентов народного духа. Согласно взглядам ученого, «в философском словаре древних восточных языков любое корневое слово в сочетании со своей семьей родственных слов <...> составило бы настоящую летопись движения человеческого духа, историю его развития, а такой словарь в целом явился бы

блестящим подтверждением творческих способностей человеческой души» [Там же, с. 147]. Огромная заслуга Гердера состоит в том, что он уделял значительное внимание национальным особенностям выражения языков, в каждом из которых находит отражение как мышление и разум этноса, так и своеобразие его национального характера.

Подобную точку зрения разделял и В. фон Гумбольдт – немецкий лингвист, теоретически обосновавший равновесие между языком и культурой. Так, относя к последней не только человеческую деятельность во всем многообразии ее проявлений, но и духовные силы народа, а также дух нации, ученый говорит, что «язык и духовные силы развиваются не отдельно друг от друга и не последовательно один за другой, а составляют нераздельную деятельность интеллектуальных способностей» [Гумбольдт 1984, с. 67-68]. Функционирование языка, согласно мнению ученого, – это непрерывное движение и непрекращающееся развитие национального духа и национальной культуры: «Духовное своеобразие и строение языка народа пребывают в столь тесном слиянии друг с другом, что коль скоро существует одно, то из этого обязательно должно вытекать другое» [Там же, с. 68]. Продолжая развивать данное положение, исследователь формулирует известный и актуальный в русле современной антропологической лингвистики постулат, согласно которому «язык есть как бы внешнее проявление духа народов: язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо более тождественное» [Там же]. Но, продолжая рассуждать о единстве и равенстве языка и культуры, немецкий филолог отмечает, что мы все же должны видеть именно «в духовной силе народа реальный определяющий принцип и подлинную определяющую основу для различий языков, так как только духовная сила народа является самым жизненным и самостоятельным началом, а язык зависит от нее» [Там же]. В связи с этим мы можем говорить о том, что между языком и культурой наблюдается отношение воплощаемости: культурное достояние выражается в языке, который в процессе своего развития принимает сугубо национальную форму, представляющую собой результат творческой деятельности всего народа.

Другими словами, языковая форма – это неповторимое и индивидуальное образование, которое несет в себе особенности национального мировоззрения и народной культуры.

Итак, по Гумбольдту, язык неотделим от культурного становления этноса. Немецкий лингвист выдвинул тезис, согласно которому национальные языки – это не различные обозначения предметов, а различное их восприятие представителями разных культур. Каждый народ в процессе своего развития создает свою, неповторимую и уникальную, культурно-языковую картину мира, которая является своеобразным хранителем его ментальных ценностей и национального мировосприятия. Подтверждением этому служат слова немецкого ученого о том, что «... каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он тут же вступает в круг другого языка» [Там же, с. 80].

Вслед за В. фон Гумбольдтом, в первые десятилетия XIX столетия, об обоюдной связи, существующей между языком и культурным наследием народа, заговорил еще один крупный немецкий исследователь – Я. Гримм. Так, лингвист в работе «О происхождении языка» утверждает: «Языки очутились не под властью вечного и неизменного закона природы <...>, но попали в умелые руки людей; они то быстро развивались с расцветом народов, то задерживались в своем развитии в результате варварства тех же народов, то переживая пору радостного расцвета, то прозябая в скудных условиях» [Гримм 1964, с. 67]. Как мы видим, для Я. Гримма феномены языка и культуры неотделимы друг от друга, одно воплощается в другом, поэтому, по мнению ученого, «какие бы картины ни открывались перед нашим взором при изучении истории языка, повсюду видны живое движение <...>; все свидетельствует нам о том, что язык является произведением людей и несет на себе отпечаток добродетелей и недостатков нашей натуры» [Там же, с. 68].

Немного позднее, в 60-70-е годы XIX века, разработка проблемы «Язык и культура» активно ведется в трудах российских ученых, к числу которых можно отнести и работы Ф.И. Буслаева. Мыслитель не раз обращал внимание на

глубокую взаимосвязь, существующую между языком и народной культурой, которая выступает в роли его своеобразного коррелята. Так, по мнению исследователя, «слова составляются вследствие частного воззрения того или иного народа на предмет: стало быть, в составление их входят и нравы, и обычаи, и религиозные поверья, и вся природа отчизны» [Буслаев 1992, с. 382]. Важно, что Буслаев высказал важную для современной лингвокультурологической науки мысль о том, что «как один и тот же герой в продолжение столетий действует в различных событиях народных, так и язык, многие века применяясь к самым разнообразным потребностям, доходит к нам сокровищницею всей прошедшей жизни нашей» [Там же, с. 271].

Подобных взглядов на разрешение проблемы «язык – культура» придерживался и А.Н. Афанасьев – русский фольклорист, историк и литературовед, обосновавший связь народного сознания, национального мировидения и языка. По мысли исследователя, зарождению слова и порождению его смысла сопутствовал еще один значимый для культурного развития этноса процесс – процесс мифотворчества: «тою же творческою силою, какою создавался язык, создавались и народные верования и верная их представительница – народная поэзия; образование слова и мифа шло одновременно, и взаимное воздействие языка на создание мифических представлений и мифа, на рождение слова не подлежит сомнению» [Афанасьев 1986, с. 121]. Как мы видим, для А.Н. Афанасьева связь рассматриваемых нами феноменов была неоспоримой, что позволяло ученому говорить о языке как о главном порождающем начале культуры, мифа и поэзии народа.

Еще одним русским мыслителем, согласно которому «народ выражает себя всего полнее и вернее в языке своем» [Срезневский 1959, с. 16], был И.И. Срезневский. По мнению ученого, мировоззрение нации, ее культура, ценностные ориентиры в наибольшей степени эксплицируются в языке, поскольку именно он является хранителем истории этноса. В подтверждение данной идеи исследователь приводит следующие доводы: «Народ действует; его деятельностью управляет ум; ум и деятельность народа отражаются в языке его.

Деятельность есть движение; ряд движений есть ряд изменений; изменения, происходящие в уме и деятельности народа, также отражаются в языке» [Там же, с. 17]. Таким образом, согласно И.И. Срезневскому, изменение национально-культурного мироустройства и изменение языка – это два взаимосвязанных и взаимообусловленных процесса, поэтому история этноса неотделима от истории языка.

Проблему взаимоотношения языка и культуры в своих работах активно разрабатывал также и А.А. Потебня. Важным тезисом, на котором базируется лингвокультурологическая концепция ученого, является мысль о том, что язык представляет собой средство образования культурно predetermined мысли. Помимо идеи идиоэтнолизма, в работах Потебни особенное место занимает гумбольдтовский взгляд на язык не как на уже готовый, сформировавшийся продукт, а как на перманентную и непрекращающуюся деятельность. Уделяя существенное внимание данному положению, лингвист рассматривал процесс общения между людьми как непрерывное словотворчество. Процесс общения между людьми у Потебни, по мысли современных языковедов, выступает в роли диалога внутри культуры, в связи с чем «в нем присутствует как понимание, так и непонимание, поскольку любое речевое высказывание как творческий акт неповторимо» [Шаклеин 2012, с. 18].

Основной коммуникативной единицей у ученого выступает слово, являющее собой единство знака (т.е. внутренней формы) и звуковой оболочки (т.е. внешней формы). В рамках исследуемой нами проблемы особого внимания заслуживает феномен внутренней формы слова, под которой А.А. Потебня понимал «отношение содержания мысли к сознанию; она показывает, как представляется человеку его собственная мысль» [Потебня 1989, с. 98]. Иными словами, внутренняя форма – это представление в сознании собственной мысли человека; это лишь один из всех познанных человеком признаков предмета или явления. Необходимо отметить, что внутренняя форма у исследователя глубоко национальна, культурно обусловлена и сформирована при взаимодействии языка и этнических форм мышления.

Если в отечественном языкознании активным приверженцем лингвофилософской концепции В. фон Гумбольдта был А.А. Потебня, то в европейской науке о языке идеи немецкого мыслителя творчески переосмысливаются учеными неогумбольтианской лингвистической школы – направления зарубежного языкознания XX века, рассматривавшего проблему взаимоотношения языка и культуры с гносеологических позиций.

Так, Йоханн Лео Вайсгербер – глава неогумбольтианской школы в Германии – определял язык как «надличностную действенность, в которой заложены не только звуковые формы языка, но и языковые содержания в качестве общего достояния одной группы людей» [Вайсгербер 2004, с. 86]. Современные мыслители отмечают, что язык понимается Вайсгербером «не как изолированная область человеческой жизни, а как духовный центр, сердцевина огромного горизонта связей; поэтому действие языка как движущей духовной силы культурного развития относится ко всем духовным достижениям и всей духовной деятельности той или иной языковой общности» [Философия... 1998, с. 342]. Иными словами, язык в трудах немецкого лингвиста – это своеобразный «промежуточный мир» между сознанием человека и окружающей его действительностью. Он создается творческим духом нации, «отграничивающим человека от природы и одновременно соединяющим его с ней» [Воробьев 1997, с. 24] и является, как писал Й.Л. Вайсгербер, «в высшей степени действенной и действительной силой для народа и конкретного человека» [Вайсгербер 2004, с. 86].

Идея культурно обусловленного языкового мировидения, основанного на лексической концептуализации окружающего мира, лежит также в основе языковедческих изысканий Э. Сепира и Б. Уорфа – американских лингвистов, чьи теоретические достижения в области проблемы «язык – культура» принято именовать теорией лингвистической относительности.

Основоположником данной научной концепции выступает Э. Сепир, для которого «культура – это социально унаследованная совокупность практических навыков и идей, характеризующих наш образ жизни» [Сепир 1993 в, с. 193].А

язык – это «путеводитель в "социальной действительности"» [Сепир 1993 а, с. 261], оказывающий воздействие на восприятие нами общественных процессов и проблем. Иными словами, язык у исследователя – это деятельностная сила, обуславливающая процесс познания человека, формирующая его сознание и влияющая на восприятие окружающего культурного мира. Как отмечал сам американский лингвист, «в значительной степени человек находится во власти конкретного языка, являющегося средством выражения в данном обществе [Там же]. Кроме того, «факты свидетельствуют о том, что "реальный мир" в значительной мере бессознательно строится на языковых нормах данного общества [Там же]. Опираясь на данные мысли, ученый приходит к следующему выводу: «Миры, в которых живут различные сообщества, – отдельные миры, а не один мир, использующий разные ярлыки» [Там же].

Представляя собой значимый обобществляющий способ выражения духовного развития народа, язык, по мысли Э. Сепира, «приобретает все большую цену в качестве руководящего начала в изучении культуры» [Там же]. Более того, «важность языка в целом для определения, выражения и передачи культуры не подлежит сомнению» [Сепир 1993 б, с. 241]. Это происходит вследствие того, что он фиксирует, а затем транслирует от одного поколения к другому метафизический, умозрительный опыт конкретной нации или народности. По мнению Сепира, «язык выступает в качестве хранилища культуры» [Там же, с. 233], в связи с чем сущность культуры может быть передана при помощи языка.

Итогом размышлений американского этнолингвиста явилось важное методологическое положение, раскрывающее взаимообусловленность рассматриваемых феноменов: «Культуру можно определить как то, что данное общество делает и думает. Язык же есть то, как думают. <...> Само собой разумеется, что содержание языка неразрывно связано с культурой» [Сепир 1993 в, с. 193-194].

Преемник лингвистических взглядов Э. Сепира – Б. Уорф, как считает В.В. Щеулин, «расширительно трактует его мысли о роли языка как инструмента, определяющего наш опыт...» [Щеулин 2004, с. 50]. Так, исходным тезисом

научной концепции Уорфа является мысль о том, что язык определяет механизмы человеческого мышления и методы познания им окружающей действительности. Свою идею лингвист иллюстрирует результатами анализа языка и культуры индейцев хопи, исследование которых приводит к появлению принципа лингвистической относительности: «Мы расчленяем природу в направлении, подсказанном нашим родным языком. Мы выделяем в мире явлений те или иные категории и типы совсем не потому, что они (эти категории и типы) самоочевидны; напротив, мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит в основном – языковой системой, хранящейся в нашем сознании» [Уорф 1960 а, с. 174]. Из этого следует, что язык управляет процессами, протекающими в нашем сознании; он являет собой движущую силу, которая коррелирует нормы мышления и поведения людей, а также оказывает непосредственное воздействие на развитие национального духа и народной культуры. В этой связи представляется вполне закономерным, что эпиграфом к работе «Отношение норм поведения и мышления к языку» Б. Уорфа служат слова Э. Сепира, которые как нельзя лучше раскрывают его этнолингвистическую позицию: «Мы видим, слышим и воспринимаем так или иначе те или другие явления главным образом благодаря тому, что языковые нормы нашего общества предполагают данную форму выражения» [Уорф 1960 б, с. 135].

Необходимо отметить, что в своих работах американский исследователь размышлял и о проблеме взаимоотношения языка и культуры. Уорф полагал, что между лингвистическими категориями, их преломлением в человеческой жизнедеятельности и формами культуры определенно существует некая взаимосвязь, обнаруживающаяся в тот момент, «когда мы изучаем культуру и язык <...> как нечто целое, в котором можно предполагать взаимозависимость между отдельными областями» [Там же, с. 135]. Б. Уорф считал, что идентичность между некоторыми культурными и языковыми явлениями наблюдается вследствие воздействия форм языка на культуру. Существование же обратной зависимости (влияние культуры на язык) ученый отрицал.

Разработкой проблемы «язык – культура» в XX столетии активно занимался и такой советский лингвист, как Г.О. Винокур. Согласно точке зрения этого исследователя, «язык есть условие и продукт человеческой культуры, и поэтому всякое изучение языка неизбежно имеет своим предметом самое культуру, иначе говоря – есть изучение историческое» [Винокур 1959, с. 210]. По мнению мыслителя, для каждого народа характерны свои самобытные закономерности культурного развития и языковой эволюции, поэтому «отдельный язык есть индивидуальное и неповторимое историческое явление, принадлежащее к данной индивидуальной культурной системе...» [Там же, с. 211]. Являясь одним из продуктов творческой деятельности нации, язык служит средством аккумуляции культурных феноменов определенного этноса и, как утверждал Г.О. Винокур, «обладает способностью сохранять свою раз возникшую материальную организацию в качестве пережитка очень долгое время после того, как закончился породивший его этап культурного развития» [Там же, с. 210]. Язык, культура и история народа вступают в очень тесную взаимосвязь друг с другом: каждый из данных феноменов является органической частью другого, поэтому, исходя из утверждения советского лингвиста, «всякий языковед, изучающий язык данной культуры, <...> непременно становится исследователем той культуры, к продуктам которой принадлежит избранный им язык» [Там же, с. 211].

Другой крупный отечественный лингвист второй половины XX века – Н.И. Толстой – считал язык не только зеркалом «народной культуры, народной психологии и философии» [Толстой 1995, с. 15], но и важнейшим источником истории этноса и его духовного становления. По его мнению, отношения между культурой и языком – это отношения общего и его отдельной части. Ученый говорил о том, что «язык может быть воспринят как компонент культуры или орудие культуры» [Там же, с.16], в особенности это относится к литературному языку или языку фольклора. Но в то же самое время язык предстает независимым по отношению к культуре нации, поэтому, по утверждению Н.И. Толстого, «его можно рассматривать отдельно от культуры <...> или в сравнении с культурой как с равнозначным и равноправным феноменом» [Там же]. Рассуждая подобным

образом, советский исследователь высказывает мысль о том, что «язык и культура могут сопоставляться как независимые, автономные семиотические системы, во многих отношениях структурно изоморфные и взаимно отображенные» [Толстой 2013, с. 27]. Данный вывод остается актуальным и на современном антропологическом этапе развития лингвокультурологии.

Начиная с последних десятилетий XX века, проблема взаимосвязи языка и культуры становится одной из наиболее приоритетных для антропоцентрической лингвистики. По утверждению А.Т. Хроленко, «если ранее связь языка и культуры рассматривалась в известной мере как факт важный, но в целом попутный, то теперь эта связь изучается специально» [Хроленко 2004, с. 18]. Примером этому могут служить научные труды В.В. Воробьева [Воробьев 1997], В.А. Масловой [Маслова 2008], А. Т. Хроленко [Хроленко 2004], Н.Ф. Алефиренко [Алефиренко 2013], С.Г. Тер-Минасовой [Тер-Минасова 2000], Ю.С. Степанова [Степанов 2004] и мн. др.

Исходя из этого, мы можем говорить о том, что сегодня уже неоспорима связь языка и культуры, языка и человека, чему в настоящий момент уделяется очень много внимания. Так, в современной лингвистике обнаруживается обширный ряд актуальных лингвокультурологических вопросов, поэтому исследование проблемы «язык – культура» по праву можно считать одним из определяющих направлений постмодернистской лингвистики XXI века.

2.2. Современные лингвистические направления, изучающие триаду «язык – культура – этнос»

Современные российские ученые неоднократно отмечали, что «новые, перспективные проблемы и ситуации возникают на стыке наук, на стыке разнородных компонентов и материалов, на стыке жанров и структур и что ни одна дисциплина не может существовать только в себе и исключительно для себя» [Толстой 1995, с. 25]. Аналогичную ситуацию можно наблюдать и в

антропологической лингвистике XXI века, которая, поставив в центр языковедческих изысканий проблему взаимоотношения феноменов языка, культуры и человека, все чаще прибегает к использованию междисциплинарных комплексных подходов в исследовании взаимосвязи данных объектов. Этим можно объяснить возникновение новых направлений языкознания, находящихся на стыке лингвистики и других наук. В ходе нашего исследования особого внимания заслуживают такие пограничные области науки о языке, как этнолингвистика, когнитивная лингвистика, лингвокультурология и лингвистическая аксиология.

Основопологающим направлением, изучающим соотношение компонентов диады «язык – культура», по праву можно считать этнолингвистику, сыгравшую, по утверждению ученых, «роль первопроходца в становлении антропологической парадигмы языкознания» [Березович 2007, с. 7]. Доказательством этому служит тот факт, что само понятие «этнолингвистика» появилось задолго до возникновения одноименной научной дисциплины. Создателями данного термина были американские этнографы, которые в конце XIX столетия исследовали индейские племена и их языки. Однако как направление и как цельнооформленный подход к языковым явлениям этнолингвистика возникла лишь в начале XX века благодаря трудам признанных американских классиков этнологии, антропологии и языкознания – Ф. Боаса, Э. Сепира и Б. Уорфа. В России этнолингвистика как особая дисциплина оформилась немного позднее, в 60-х гг. XX столетия, чему способствовали труды В.В. Иванова, В.Н. Топорова и Н.И. Толстого.

Итак, этнолингвистика – это сравнительно новое научное направление, базой для которого послужили такие области научного знания, как лингвистика, мифология, этнология, культурология, антропология, фольклористика. Ее цели и задачи, объект и предмет, методы и средства в отечественной науке сформулировал Н.И. Толстой. Под этнолингвистикой ученый понимал «раздел языкознания или – шире – направление в языкознании, ориентирующее исследователя на рассмотрение соотношения и связи языка и духовной культуры,

языка и народного менталитета, языка и народного творчества, их взаимозависимости и разных видов их корреспонденции...» [Толстой 2013, с. 19].

Таким образом, данная наука исследует языковые процессы в аспекте их соотношения с нацией, народностью, племенем и, рассматривая взаимоотношения составляющих диады «язык – этнос», учитывает прежде всего культурно-специфические особенности того или иного народа. Как отмечает Е.Л. Березович, «этнолингвистика изучает этнокультурную информацию – информацию о мире, которая закреплена в символической форме, т. е. имеет лингвокультурную маркированность» [Березович 2007, с. 9]. Содержание данного материала, по словам ученых, «определяется не столько объективным "фотографированием" действительности, сколько субъективно-наивным мировосприятием носителя традиции, имеющим этническую, социальную, культурную подоплеку» [Там же]. Иными словами, рассматриваемое нами направление оперирует историческими, самобытными источниками духовной культуры конкретного народа, что служит достижению основной цели, стоящей перед этнолингвистами: показать, каким образом язык на разных этапах своего развития влиял на историю этноса и его культуру.

Стоит отметить, что этнолингвистику в современной науке о языке определяют двояко. В широком понимании объектом рассмотрения является не только язык, но и прочие культурные формы, в которых содержится этнически маркированная категоризация и интерпретация окружающей картины мира. В поле зрения «широкой» этнолингвистики попадает весь комплекс народной культуры, включающий в себя как язык, так и различного рода верования, обряды, обычаи и традиции. Для этнолингвистики в суженном понимании, в свою очередь, характерно рассмотрение конструктивного воздействия и влияния языка на функционирование народной культуры, формирование национального мировоззрения, развития народного творчества. В этом случае круг основных вопросов сосредотачивается в рамках взаимосвязи «язык – культура» и, как правило, не выходит за ее пределы.

По-разному очерчивая границы рассматриваемой дисциплины, этнолингвисты, тем не менее, придерживаются единого мнения относительно главного предмета своего изучения – языка, который, по их мнению, «служит одновременно и инструментом ментального упорядочивания мира, и зеркалом этнического мировидения» [Вендина 1998, с. 39-40]. Более того, язык, как утверждают ученые, «считается основным, ярчайшим и устойчивым показателем этноса» [Толстой 2013, с. 25] и во многом определяет его национальные особенности. Именно поэтому язык в этнолингвистике рассматривается как ключ к постижению истории и духовной культуры народа, процессу формирования этнического мышления, а также характера восприятия окружающего мира носителем языка.

Таким образом, этнолингвистика в трудах отечественных языковедов – это «комплексная дисциплина, предметом изучения которой является "план содержания" культуры, народной психологии и мифологии независимо от средств и способов их формального воплощения (слово, предмет, обряд, изображение и т. п.)» [Там же, с. 30]. В современной науке о языке она является вполне самостоятельной и обособленной междисциплинарной отраслью знания, использующей комплексные методы для многогранного и разностороннего анализа культурно-языковых явлений.

Научный интерес к проблеме взаимосвязи языка и культуры, а также «культурологический бум» [Хроленко 2004, с. 22] 90-х гг. XX века привели к формированию такой интегральной области лингвистического знания, как лингвокультурология. В отечественной науке о языке становление данного направления произошло благодаря исследовательской деятельности таких исследователей, как В.Н. Телия, Н.Д. Арутюнова, В.И. Карасик, Н.Ф. Алефиренко, В.А. Маслова, В.В. Воробьев, В.М. Шаклеин, Ю.С. Степанов, рассматривавших язык в качестве средства репрезентации национальной культуры и ментальности.

Стоит отметить, что фундаментальное и общепринятое определение рассматриваемого нами научного понятия содержится в трудах В.В. Воробьева.

Согласно ученому, «лингвокультурология – комплексная научная дисциплина синтезирующего типа, изучающая взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании и отражающая этот процесс как целостную структуру единиц в единстве их языкового и внеязыкового (культурного) содержания при помощи системных методов и с ориентацией на современные приоритеты и культурные установления (система норм и общечеловеческих ценностей)» [Воробьев 1997, с. 36]. Иными словами, лингвокультурология – это междисциплинарная область научного знания, которая изучает особенности культуры народа, объективированные в языке.

Отделившись в самостоятельную дисциплину, данное лингвистическое направление определило свой предмет изучения – взаимодействие языка и культуры. Национальная специфика лингвокультуры актуализируется в словах, в которых отражаются сущностные характеристики окружающих предметов и явлений. Как отмечает Н.Ф. Алефиренко, «за словом в его звуковой или графической материальности стоит фрагмент живого образа мира из конкретной этнокультуры» [Алефиренко 2013, с. 21]. В связи с этим одними из центральных понятий данной науки являются понятия концепта, лингвокультуремы, языка культуры, культурного текста, прецедентного имени, культурной семы. К категориальному аппарату науки на данный момент относятся и такие понятия, как «ментальность», «менталитет», «культурная традиция», «установки культуры», «культурные ценности» и др.

Итак, как мы видим, лингвокультурологию по праву можно считать достаточно перспективной и активно развивающейся областью знания. Об этом свидетельствуют активно развивающиеся лингвокультурологические школы, сложившиеся в конце XX века, к которым, как отмечает В.А. Маслова, относятся:

«1) Школа лингвокультурологии Ю.С. Степанова, главной целью которой является описание культурно значимых концептов, именуемых в рамках данного направления константами. Задачами исследования являются изучение возникновения и развития того или иного национально окрашенного концепта, моделирование его значения, а также описание его концептуальных слоев.

2) Школа Н.Д. Арутюновой, которая исследует универсальные термины культуры, извлекаемые из текстов разных эпох и народов, с позиции внешнего наблюдателя, а не носителя языка, непосредственно участвующего в процессе создания культурно маркированных понятий.

3) Школа В.Н. Телия, известная ученому миру как Московская школа лингвокультурологического анализа фразеологизмов. В центре внимания здесь находятся фразеологические единицы, а одной из основных задач исследований является описание их культурной коннотации как в сугубо национальном, так и в общечеловеческом аспектах.

4) Школа лингвокультурологии, созданная в Российском университете дружбы народов В.В. Воробьевым, В.М. Шаклеиным и др., развивающими концепцию Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова. Ключевым понятием для приверженцев этого направления является понятие лингвокультуры, рассматриваемой учеными в семиотическом, функциональном и прикладном аспектах» [Маслова 2008 а, с. 29-30].

При всем многообразии интерпретаций лингвокультурологии и разнообразии подходов в решении проблемы взаимосвязи языка и культуры приверженцев данной дисциплины, по словам М.В. Пименовой, «объединяет интерес к культурной функции языка, изучению образа мира, закрепленного в языке, и его детерминированности культурным своеобразием определенного этноса» [Пименова 2011, с. 28]. Лингвокультурология, таким образом, представляет собой дисциплину с ярко выраженным междисциплинарным характером, которая изучает «национальные формы бытия общества, воспроизводимые в системе языковой коммуникации и основанные на его культурных ценностях» [Там же], то есть этнически маркированные составляющие языковой картины мира.

Еще одним активно развивающимся языковедческим направлением, которое занимает прочное место в современной науке о языке и во многом влияет на круг вопросов и проблем, актуальных для лингвистики антропоцентризма, является когнитивная лингвистика.

Как отмечают лингвисты, когнитивная лингвистика исследует язык «как общий когнитивный механизм, как когнитивный инструмент – система знаков, играющих роль в репрезентации (кодировании) и в трансформировании информации» [Кубрякова 1997, с. 53]. Рассматривая взаимодействие компонентов триады «язык – мышление – сознание», данное направление выявляет механизмы «усвоения и обработки информации, способы ментальной репрезентации знаний с помощью языка» [Попова 2010, с. 8]. Такой подход роднит когнитивную лингвистику с другими науками когнитивного цикла: когнитивной психологией, антропологией, философией, социологией, составляющих такую область знания, как когнитивизм. По мнению В.А. Масловой, когнитивизм – «это такое направление в науке, объектом изучения которого является человеческий разум, мышление и те ментальные процессы и состояния, которые с ними связаны» [Маслова 2004, с. 6]. Когнитивная наука ориентирована на исследование механизмов знания и познания, восприятия и обработки информации с целью наиболее полного и адекватного описания основополагающих феноменов жизнедеятельности человека – его сознания и разума. При этом сам человек, как полагают лингвисты, «должен изучаться как система переработки информации» [Там же], а его поведение «описываться и объясняться в терминах его внутренних состояний» [Там же]. И хотя эти состояния носят преимущественно имманентный характер, они обладают способностью физически проявляться в виде процессов получения, переработки, накопления, а также трансляции информации для решения поставленных задач. В когнитивной науке для обозначения подобного рода мыслительных процессов используется понятие когниции.

Когнитивная лингвистика, будучи одной из областей когнитивизма, также изучает когницию, но рассматривает когнитивный мир человека в его языковом выражении, поскольку, по утверждению лингвистов, «именно на языке мы в основном передаем накопленный опыт и знания, обмениваемся информацией, можем рассуждать о самих познавательных процессах и их результатах» [Алефиренко 2011, с. 25]. Язык, таким образом, представляет собой ключ к постижению всей когнитивной деятельности человека, потому что именно в нем

вербализуются результаты познавательных операций, осуществляемых индивидом для постижения сущностных характеристик окружающего мира. Человеческий опыт, фиксируясь в языковых формах, порождает новую систему смыслов, которые отражаются в языковом сознании. Так, по словам В.А. Масловой, «было доказано, что, получая новую информацию, человек соотносит ее с уже имеющейся в его сознании, порождая при этом новые смыслы» [Маслова 2004, с. 10]. В связи с этим, как отмечают лингвисты, «инструментом оперирования в когнитивной лингвистике становятся оперативные единицы памяти – фреймы (стереотипные ситуации, сценарии), концепты (совокупность всех смыслов, схваченных словом), гештальты (целостные допонятийные образы фрагментов мира) и т.д.» [Маслова 2004, с. 10].

Из вышесказанного следует, что предметом рассмотрения когнитивной лингвистики является человеческое сознание, отраженное в различных языковых формах. Когнитивная лингвистика отличается от других когнитивных наук не только предметом своего изучения, но и методами, которыми она оперирует: «она исследует когнитивные процессы, делает выводы о типах ментальных репрезентаций в сознании человека на основе применения к языку имеющихся в распоряжении лингвистики собственно лингвистических методов анализа с последующей когнитивной интерпретацией результатов исследования» [Попова 2010, с. 12]. Описанная методика позволяет лингвистам проникнуть в формы различных языковых структур и описать механизмы взаимодействия языка и человеческого сознания.

Преобладание идей антропоцентрической лингвистики послужило мощным импульсом для формирования нового научного направления – лингвистической аксиологии, или аксиологической лингвистики, становление которой в кругу языковедческих дисциплин связывают с именами Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, С.Е. Никитиной, С.М. Толстой, Т.И. Вендиной и др.

Как отмечают ученые, лингвистическая аксиология – научная область знания, которая «обращена к изучению системы ценностей этноса и способов их репрезентации в языке и духовной культуре» [Вендина 1998, с. 40]. Определяя

язык как выражение ценностной базы народа и основной источник знания о ней, данное направление основную свою задачу видит, по словам Е.Ф. Серебренниковой, «в изучении содержания внутреннего мира языковой (дискурсивной) личности, ценностных ориентаций личности и общества по данным языка, точнее – человека говорящего, создающего дискурсивный мир в соотношении с Миром, Другими и самим собой в этом мире» [Серебренникова 2011, с. 19].

К разрешению данной задачи лингвистическая аксиология подходит, «опираясь на когнитивные и дискурсивные основания исследования» [Серебренникова 2011, с. 23]. Лингвоаксиологи считают, что именно «описание и анализ языковой модели, репрезентирующий это восприятие (восприятие человеком мира. – Т.К.), дает возможность "погрузиться" в мир ценностей того или иного народа» [Вендина 1998, с. 40]. В связи с подобным подходом определяющими понятиями аксиологической лингвистики являются «концепт», «концептосфера», «языковая картина мира», «ментальность», «ценность», «оценка», «ценностная картина мира». Как полагает Е.А. Попова, «лингвоаксиология обобщает сведения о ключевых концептах русского языка и культуры, о грамматических индикаторах русской ментальности, описывает русскую языковую картину мира, изучает "русский текст" как самостоятельную знаковую систему, образованную на основе корпуса словесных текстов, содержащих ключевые концепты, т.е. составляет некую "энциклопедию русской души"» [Попова 2000, с. 49].

Исследуя язык в качестве важнейшего, а во многом и определяющего, компонента культуры, лингвоаксиологи отмечают, что в нем «как в "духовной памяти народа" семантически и словообразовательно маркируется то, что имеет практическую ценность в его повседневной жизни» [Вендина 1998, с. 45]. Иными словами, язык способен выражать так называемую лингвистическую оценку, которая, по Т.В. Маркеловой, представляет собой «выражение отношения говорящего к предмету речи средствами лексико-фразеологического, словообразовательного и синтаксического уровня» [Маркелова 1993, с. 16].

Лексические средства выражения оценки здесь тесно соприкасаются с синтаксическими, а словообразовательные, как утверждает Т.И. Вендина, предстают «в виде своеобразной классификации человеческого опыта» [Вендина 1998, с. 45].

Итак, мы видим, что языковая оценка представляет собой явление довольно сложное, включающее в свою структуру как семантические, так и прагматические компоненты. Многогранность и неоднозначность языка ценностей обусловили существование в лингвоаксиологии двух направлений, по-разному подходящих к исследованию миропонимания народа, раскрываемого посредством анализа аксиологически маркированных единиц. Так, к первому направлению ученые относят диахроническое, которое «выявляет этимологии аксиологически нагруженных лексем, пытаясь реконструировать содержание соответствующих концептов для "прасостояний" языковой системы и рассматривая воздействие действительной и мнимой языковой "наследственности" <...> на современное функционирование слов» [Березович электронный ресурс]. Второе направление, напротив, носит сугубо синхронический характер. По словам лингвистов, «его представители изучают свободную (оказиональную) и узуальную текстовую сочетаемость слов, обычно оставаясь в рамках одного временного среза как самого языка, так и базы знаний и картины мира <...> его пользователей» [Там же]. Но, несмотря на различия в подходах, данные направления подчинены одной общей, аксиологически ориентированной, цели – прочитать в языковых единицах информацию о системе ценностей русского народа, чтобы затем на этой базе дать «ключи к объяснению основ мировоззрения и глубинных мотивов поведения как отдельного человека» [Там же], так и целой нации.

Таким образом, проблема взаимосвязи языка и культуры в настоящее время занимает одно из центральных мест в науке о языке. Это говорит о том, что язык как своеобразный код представляет обширную область научных исследований в аспекте ментальности, национального сознания и духа народа. В связи с этим, на наш взгляд, в рамках данной работы представляется особенно интересным рассмотрение соотношения языка и духовной культуры, языка и народного

менталитета посредством когнитивного анализа концептов. Это позволит лучше познать глубинные и непреложные истины, которые таит в себе наш родной язык, а также поможет в разработке концептуальных основ системного описания национальной языковой картины мира.

2.3. Языковая картина мира как отражение национальной культуры и ментальности

Лингвистические направления, заговорившие в конце XX века о культурной обусловленности языкового знака, породили немало новых научных понятий, способных в определенной степени отобразить факт взаимообусловленности феноменов языка и культуры. К их числу относится и понятие «картина мира», определяемое учеными как «целостная совокупность образов действительности в коллективном сознании» [Карасик 2002, с. 74]. Более подробное и развернутое толкование данного термина мы находим в работе А.Я. Гуревича «Человеческая личность в средневековой Европе: реальная или ложная проблема» [Гуревич 2003], где под картиной мира понимается «система координат, коими, по большей части неосознанно, руководствуется индивид. <...> Это и восприятие времени и пространства, и оценка жизни, смерти и возрастов человека, и категории добра и зла, греха и святости, чудес и природных явлений; социальная принадлежность, сословные различия, права и обязанности, имущественные статусы, включая понятия собственности, богатства и бедности...» [Там же, с. 26].

Итак, картина мира в современной науке – это довольно многогранное и разностороннее понятие, способное дать представление об окружающем мире и месте человека в нем. Такая содержательная специфика рассматриваемого термина обуславливает его употребление в самых разных областях научного знания: культурологии, философии, когнитологии, психологии, аксиологии, лингвистике и мн. др. Исходя из своеобразия предмета изучения различных

дисциплин, говорят о философской, исторической, естественнонаучной, биологической, физической и т.д. картинах мира.

Исходя из способов отображения знаний о существующих реалиях, говорят о «непосредственной и опосредованной картинах мира» [Попова 2007, с. 51]. Непосредственная картина мира, по словам ученых-лингвистов, представляет собой картину, получаемую в результате «прямого познания сознанием окружающей действительности <...> как при помощи органов чувств, так и при помощи абстрактного мышления» [Там же]. Таковы чувственная и рациональная, теоретическая и эмпирическая, диалектическая и метафизическая картины мира. Что же касается опосредованной картины мира, то «это результат фиксации концептосферы вторичными знаковыми системами, которые материализуют, овнешняют существующую в сознании непосредственную когнитивную картину мира» [Там же, с. 53]. В подобном случае говорят о художественной и языковой картинах мира.

Необходимо отметить, что в рамках нашей работы мы остановимся на рассмотрении своеобразия языковой картины мира, поскольку, на наш взгляд, она содержит наиболее ценный материал для исследования человеческого фактора в языке. Подтверждением данной мысли служат слова Н.Д. Арутюновой, согласно которым именно в языке, «человек запечатлел свой физический облик, свои внутренние состояния, свои эмоции и переживания, свой интеллект, свое отношение к предметному и не предметному миру, природе – земной и космической, свои действия, свое отношение к коллективу людей и другому человеку» [Арутюнова 1999, с. 3].

Формирование категории «языковая картина мира» протекало под воздействием нескольких независимых друг от друга факторов, именуемых О.А. Корниловым императивами, поскольку «они каузировали <...> введение в обиход данного понятия» [Корнилов 2011, с. 76]. К числу таких императивов языковед относит культурологический, лингвистический, а также лингво-философский.

Язык, согласно культурологическому основанию языковой картины мира, представляет собой важную и неотъемлемую составляющую народной культуры.

Именно в нем запечатлено этническое мирозерцание, поэтому мы, по словам ученых, «проникаем в образ мышления нации, в ее способ видения мира, понимаем особенности менталитета носителей данной культуры и данного языка, только познав план содержания языка...» [Там же, с. 78]. Глубинное проникновение в смысловое значение лексических единиц, в свою очередь, предполагает «овладение языковой картиной мира именно этого национального языка как системой его видения мира» [Там же]. Таков первый, культурологический, императив.

Согласно ученому, вторым, лингвистическим, базисом, на основании которого возник рассматриваемый нами термин, является тезис о том, что «каждый язык имеет уникальное единое и непрерывное семантическое пространство» [Там же, с. 93], составляющее национально маркированное ядро языковой картины мира, которое фиксирует самые яркие маркеры неповторимости и исключительности любого языка: его внутреннюю форму, систему образности, концептуальное содержание.

И наконец, согласно третьему, лингво-философскому, императиву, включение понятия «языковая картина мира» в научный обиход – это, как отмечает О.А. Корнилов, «попытка материализовать культурно-философскую ипостась языка и представить его не как знаковую систему и орудие общения и познания, но как "дом духа" народа, в котором запечатлены и национальный характер, и национальное мировоззрение в широком понимании этого слова, и конкретные факты истории и культуры народа» [Там же, с. 139].

Учитывая последний императив, мы можем говорить о том, что в языковой картине мира фиксируется многовековой общественно-исторический опыт как всего человечества в целом, так и конкретного этноса в частности. Сторонником подобной точки зрения выступает Ю.Д. Апресян, который в своих исследованиях неоднократно указывал, что языковая картина мира является донаучной. По мнению ученого, в ней «отражаются наивные представления о внутреннем мире человека, в ней конденсируется опыт интроспекции десятков поколений и в силу этого она служит надежным проводником в этот мир» [Апресян 1995, с. 52].

Подобной точки зрения придерживается и Н.Ю. Шведова, которая предлагает следующую дефиницию рассматриваемого нами понятия: «языковая картина мира – это выработанное многовековым опытом народа и осуществляемое средствами языковых номинаций изображение всего существующего как целостного и многочастного мира, в своем строении и в осмысляемых языком связях своих частей представляющего, во-первых, человека, его материальную и духовную жизнедеятельность и, во-вторых, все то, что его окружает: пространство и время, живую и неживую природу, область созданных человеком мифов и социум» [Шведова 1999, с. 15]. Интересной, на наш взгляд, представляется также трактовка данного понятия, предложенная З.Д. Поповой и И.А. Стерниным, выразивших в своем определении аналогичный взгляд на данный лингвокультурный феномен. По мнению ученых, «языковая картина мира – это совокупность зафиксированных в единицах языка представлений народа о действительности на определенном этапе развития народа, представление о действительности, отраженное в значениях языковых знаков – языковое членение мира, языковое упорядочение предметов и явлений, заложенная в системных значениях слов информация о мире» [Попова 2007, с. 54].

Как видно из приведенных выше определений, функционирование рассматриваемой категории в современной лингвистике тесно связано с антропологизмом языка: в центре языковой картины мира, как отмечает Н.Ю. Шведова, «стоит человек – он сам и все то, что воспринимается им как его окружение, сфера его бытия <...>, человек незримо присутствует в любом наименовании как тот, кто об именуемой реалии может сказать "мое", наконец, во всей системе именовании человек присутствует как тот, кто специально для этого предназначенными языковыми средствами может сопоставить и сочленить такие наименования, квалифицировать и оценить именуемое» [Шведова 2005, с. 439]. Иными словами, языковая картина мира – это отображение мира таким, каким он предстает в человеческом сознании. Такое отражение окружающей действительности находит свое выражение в единицах лексического уровня языка, которые, будучи тесно связанными с предметным окружением индивида,

его социальным опытом, национально-культурной самобытностью, способны дать представление не только об устоявшемся мировоззрении отдельного человека, но и ментальных установках целого этноса.

Стоит отметить, что на способность языковой картины мира объективировать ментальность и менталитет указывают и многие современные лингвисты. Так, например, О.А. Корнилов, выделяющий в ряду прочих национальную языковую картину мира, утверждает: «... язык – это вместилище души, духа народа, это коллективный продукт национального творчества...» [Корнилов 2011, с. 133]. Н.Ф. Алефиренко, в свою очередь, говорит о том, что в языковой картине мира «находит свое выражение бесконечное разнообразие условий, в которых добывались человеком знания о мире – природные особенности народа, его общественный уклад, исторические судьбы, жизненная практика» [Алефиренко 2013, с. 111] – все то, что формирует ментальность и отражает ее глубинную историческую основу.

Вследствие актуальности подобных взглядов на язык и картину мира, им создаваемую, в современном антропоцентрическом языкознании выработалось свое, лингвоцентричное, определение ментальности, под которой понимают «национальный способ выражения и восприятия мира, общества и человека в формах и категориях родного языка, способность истолковывать явления как их сущности и соответственно этому действовать в определенной обстановке» [Колесов 2006, с. 13]. Менталитет, как отмечают исследователи, – это «категория, которая отражает внутреннюю организацию и дифференциацию ментальности, склад ума, склад души народа; менталитеты представляют собой психо-лингво-интеллекты разномасштабных лингвокультурных общностей» [Маслова 2001 а, с. 49].

Ментальность – это глубинная категория, которая, как отмечает А.Т. Хроленко, «не структурирована и представляет собой некую предрасположенность, внутреннюю готовность человека действовать определенным образом, это своеобразная область возможного для человека, сфера автоматических форм сознания и поведения» [Хроленко 2004, с. 45]. Менталитет

проявляется в поведении, ценностных установках, образе мысли, манере речи. По словам лингвистов, «выучить и подделать его нельзя, можно лишь "впитать" вместе с языком, который вмещает в себя мировоззрение и коды данной культуры» [Хроленко 2004, с. 45].

В свете вышеизложенного материала мы можем утверждать, что национальное мировосприятие и мироощущение неразрывно связано с языком, а проекцией ментального своеобразия этноса выступает языковая картина мира, которая включает вербализованный опыт, накопленные знания, культурное наследие, зафиксированные на различных уровнях языковой организации: лексическом, фразеологическом, грамматическом. Следовательно, по мнению Т.А. Трафименковой, «можно говорить о том, что восприятие человеком действительности детерминировано формами родного языка, с другой стороны – повседневный опыт человека находит отражение в языке, а это сказывается на семантике лексических единиц и грамматических формах» [Трафименкова 2012, с. 115]. Таким образом, языковая картина мира представляет собой одновременно и знания о мире, отраженные в языке, и средства получения и истолкования новых знаний, присущих индивиду как представителю определенного этнокультурного сообщества.

Исходя из вышесказанного, мы можем утверждать, что языковая картина мира – многомерное образование, включающее в свою структурную организацию национально маркированные лексемы и фразесочетания, синтаксемы и мифологемы, образно-метафоричные и коннотативные слова. Такая содержательная организация рассматриваемого нами феномена, безусловно, обусловила и его онтологические характеристики. В.И. Карасик в работе «Языковой круг: личность, концепты, дискурс» [Карасик 2002]. выделяет следующие признаки языковой картины мира: «1) наличие имен концептов; 2) неравномерная концептуализация разных фрагментов действительности в зависимости от их важности для жизни соответствующего этноса; 3) специфическая комбинаторика ассоциативных признаков этих концептов; 4) специфическая квалификация определенных предметных областей; 5)

специфическая ориентация этих областей на ту или иную сферу общения» [Карасик 2002, с. 91].

Исследователи, исходя из данной специфики языковой картины мира, разработали модель ее описания, позволяющую осуществить сопоставление языкового мировидения разных народов, которая «включает в себя:

- описание «членения действительности», отраженного языком в языковых парадигмах (лексико-семантических, лексико-фразеологических и структурно-синтаксических группах и полях);
- описание национальной специфики значений языковых единиц (какие семантические различия выявляются в сходных значениях в разных языках);
- выявление отсутствующих единиц (лакун) в системе языка;
- выявление эндемичных (выявляющихся только в одном из сравниваемых языков) единиц» [Попова 2007, с. 65].

Интересной представляется точка зрения А.Д. Шмелева, который выступает за системный и комплексный подход к описанию языковой картины мира. Так, ученый считает: «Весьма перспективно сопоставление "русской картины мира", вырисовывающейся в результате семантического анализа русских лексем, с данными этнопсихологии» [Шмелев 1995, с. 169]. Такое соизмерение, как полагает лингвист, позволит дополнить выводы, полученные методами данных наук. Наглядной реализацией изложенного подхода является книга А.Д. Шмелева «Русская языковая модель мира: Материалы к словарю» (М., 2002).

Таким образом, представляя собой образ мира, воплощенный в языковых формах, языковая картина мира создает наглядное представление о менталитете конкретного этноса. Как отмечает Т.А. Трафименкова, ее единицами «фиксируется вся совокупность представлений народа на определенном этапе развития, субъективное представление реальности, в которое входят представления не только о существующих объектах, но и о вымышленных, несуществующих, берущих свое начало в мифологии и религии» [Трафименкова 2012, с. 116]. Следовательно, можно сделать вывод, что языковая картина мира

занимает ведущие позиции в хранении и трансляции знаний и представлений индивида об окружающих его реалиях действительности.

§ 3. Концепт как базовый элемент лингвоментального комплекса

3.1. Современные трактовки концепта как основной единицы концептуального анализа

Антропологическая лингвистика рассматривает языковую картину мира как отображение ментальности этноса, национального языкового сознания, мировоззрения народа и его поведенческих установок. При таком подходе современные исследователи определяют язык как «один из ключей к культуре общества и внутреннему миру человека» [Карасик 2009, с. 5]. Языковая личность в данном случае выступает в роли носителя этнически маркированных концептуальных систем, строевой единицей которых является концепт.

Как отмечает С.Г. Воркачев, «слово *концепт* (Д.С. Лихачев, Ю.С. Степанов, С.Х. Ляпин, В.П. Нерознак, Н.Д. Арутюнова) и его протерминологические аналоги – *лингвокультурема* (В.В. Воробьев), *мифологема* (В.Н. Базылев, М. Лехтеэнмяки), *логоэпистема* (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, Н.Д. Бурвикова) – стали активно употребляться в российской лингвистической литературе с начала 90-х годов» [Воркачев 2002, с. 8]. Подобное обстоятельство объясняется тем, что на смену системно-структурной парадигме пришла парадигма антропологическая, в рамках которой интерес ученых переместился со структурной организации языка на условия его функционирования. В связи с этим, по словам лингвистов, возникла «необходимость создания нового термина, синтезирующего лексикографическую и энциклопедическую информацию, в семантике которого сливались бы денотация и коннотация, "ближайшее" и "дальнейшее" значения слова, знания о мире и о познающем его субъекте» [Там же].

В конце XX века концепт становится одной из ключевых и парадигмообразующих категорий антропоцентрической лингвистики и объектом исследования различных отраслей языкознания – когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, лингвистической аксиологии, этнолингвистики. Но впервые в отечественном языкознании термин «концепт» был употреблен С.А. Аскольдовым в 1928 году. Называя в качестве самой существенной стороны рассматриваемого феномена функцию заместительства, ученый отмечает, что «концепт есть мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [Аскольдов 1997, с. 269]. Концепт может выступать заместителем предметов и действий, а также некоторой части этих предметов или действий (например, концепт «справедливость»), а также, как говорит мыслитель, «разного рода хотя бы и весьма точных, но чисто мысленных функций» (например, математические концепты) [Аскольдов 1997, с. 270]. Таким образом, концепт, по С.А. Аскольдову, представляет собой абстрактное образование, именуемое тот или иной класс однородных явлений действительности и обладающее способностью замещения подлинных объектов и процессов.

Рассуждения С.А. Аскольдова о природе концепта в первой половине XX века продолжил Д.С. Лихачев в работе «Концептосфера русского языка» [Лихачев 1993]. Указывая на заместительную функцию концепта, ученый отмечает, что «он существует не для самой лексемы, а для каждого основного (словарного) значения слова отдельно» [Там же, с. 4]. Выполняя заместительную функцию, концепт способствует преодолению непонимания между говорящими, которое возникает в связи с индивидуальным толкованием каждым участником акта коммуникации функционирующих в нем лексем. По мнению Д.С. Лихачева, «каждый концепт в сущности может быть по-разному расшифрован в зависимости от ситуационного контекста и культурного опыта, культурной индивидуальности концептоносителя» [Там же, с. 5]. Обращая внимание на лингвокультурную сущность рассматриваемого феномена, исследователь высказывает мысль о том, что «концепты возникают в сознании человека не

только как "намек на возможные значения", "алгебраическое их выражение", но и как отклики на предшествующий языковой опыт человека в целом – поэтический, прозаический, научный, социальный, исторический и т.д.» [Там же].

В связи с вышесказанным, мы можем говорить о том, что в лингвистике понятие концепта одновременно и старое, и новое. Так, несмотря на то, что А.С. Аскольдовым и Д.С. Лихачевым еще в середине прошлого столетия была подготовлена теоретико-методологическая база для исследования данного феномена, актуализация и переосмысление концепта стали возможными лишь в период становления и развития антропоцентризма, сосредоточившего внимание на исследовании когнитивных связей языка с внеязыковой действительностью.

Стоит сказать, что, хотя термин «концепт» и является одним из определяющих в антропологической науке о языке, он не имеет единого, всеми принятого, толкования. Как отмечает В.А. Маслова, «сейчас в лингвистической науке можно обозначить три основных подхода к пониманию концепта, базирующихся на общем положении: концепт – то, что называет содержание понятия, синоним смысла» [Маслова 2004, 31].

Согласно первой точке зрения, которой придерживается Ю.С. Степанов, «концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек <...> сам входит в культуру, а в некоторых случаях влияет на нее» [Степанов 2004, с. 43]. Представляя собой сложный комплекс знаний и представлений, ассоциаций и оценок, концепт находится не только в мыслительной, но и в эмоциональной сфере человека. По словам исследователя, «концепт – основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [Там же]. Культура, таким образом, – это не что иное, как совокупность различного рода концептов, которые взаимодействуют друг с другом в языковом сознании индивида.

На наш взгляд, в свете рассматриваемого нами вопроса стоит обратить внимание на то, что Ю.С. Степанов ввел в лингвистическую науку такой термин, как «константа», под которым понимал «концепт, существующий постоянно или,

по крайней мере, очень долгое время» [Степанов 2004, 84]. Иными словами, константа – это базовый концепт, именуемый значимые для определенной нации культурные феномены. Так, к константам русской культуры ученый относит время, язык, хлеб, веру, любовь, интеллигенцию, дом, уют и мн.др. [См.: Степанов 2004].

Таким образом, концепт для Ю.С. Степанова – это базовая составляющая культурного кода, аккумулирующая представление как о материальном, так и духовном аспектах человеческой жизнедеятельности.

Представителями второго подхода к пониманию сущности концепта являются Н.Д. Арутюнова [Арутюнова 1999], Н.Ф. Алефиренко [Алефиренко 2011; Алефиренко 2013], А.Д. Шмелев [Шмелев 2002], которые основным средством формирования содержания исследуемого феномена считают семантическое значение языковых единиц. Приверженцы данной точки зрения рассматривают концепт как умозрительный элемент языкового сознания, в содержании которого отражается комплексная информация об именуемом им предмете или явлении действительности. На первый план здесь, таким образом, выходит значение лексических единиц, объективирующих тот или иной концепт, содержание которого можно описать при помощи семантического анализа формирующих его слов.

Сторонниками третьего подхода, по мысли В.А. Масловой, являются Д.С. Лихачев [Лихачев 1993] и Е.С. Кубрякова [Кубрякова 1997]. По мнению этих ученых, становление концептуального значения в равной степени зависит как от словарного значения, так и от жизненного опыта человека и всего народа в целом. Данная точка зрения находит свое отражение в определении концепта, которое сформулировала Е.С. Кубрякова: «Концепт – термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [Кубрякова 1997, с. 90]. Понятие концепта

содержит в себе те смыслы, которые объективируют многовековой опыт познания человечеством окружающей действительности. Так, согласно ученым, его содержание включает не только умозрительные когнитивные структуры, но и непосредственные чувственные, моторные, эмоциональные стороны человеческой жизнедеятельности [Langacker 2000, с. 26].

Интересным представляется понимание концепта В.А. Масловой, которая, синтезируя разноаспектные подходы к определению данного феномена, дает следующую дефиницию рассматриваемому нами понятию: «Концепт – это семантическое образование, отмеченное лингвокультурной спецификой и тем или иным образом характеризующее носителей определенной этнокультуры» [Маслова 2004, с. 36]. Иными словами, концепт, согласно точке зрения исследователя, – это многоплановая единица человеческого мышления и памяти, отражающая специфику языкового сознания как отдельно взятого индивида, так и всей нации в целом.

Необходимо отметить, что в нашем исследовании в качестве рабочего мы примем определение концепта, предложенное З.Д. Поповой и И.А. Стерниным, которые комплексно и всесторонне подходят к его толкованию. Как полагают исследователи, «концепт – это дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [Попова 2010, с. 34]. Для нашей работы приведенное определение оказывается особенно актуальным, поскольку оно характеризует концепт как знания, хранящиеся в сознании человека и кодирующиеся посредством чувственного опыта, который является неотъемлемым и определяющим компонентом содержания концептов, в том числе и исследуемых нами концептов *Россия и русский*.

Как мы смогли убедиться, современная концептология представляет собой многоаспектную панораму дополняющих, а порой и взаимоисключающих, точек зрения на сущностную и функциональную стороны концепта. Но данное обстоятельство не мешает ученым, в частности В.А. Масловой, «выделить его следующие инвариантные признаки: 1) это минимальная единица человеческого опыта в его идеальном представлении, вербализующаяся с помощью слова и имеющая полевую структуру; 2) это основная единица обработки, хранения и передачи знаний; 3) концепт имеет подвижные границы и конкретные функции; 4) концепт социален, его ассоциативное поле обуславливает его прагматику; 5) это основная ячейка культуры» [Маслова 2004, с. 35].

Итак, концепт представляет собой объективно существующую в языковом сознании индивида многомерную ментальную единицу, кодирующую и отражающую комплексную информацию об отражаемом объекте действительности, включающую в себя как энциклопедические знания, так и субъективный опыт, а также разносторонний комплекс оценок и ассоциаций. Вследствие подобного богатого наполнения концепт обнаруживает сложную, иерархически организованную, структуру. Особенно ярко неоднородность содержания проявляется в лингвоментальном комплексе – разноплановом, многомерном ментальном образовании, репрезентированном разветвленной, иерархически организованной системой концептов, несущих информацию об одном и том же предмете действительности, но раскрывающих лишь его отдельные грани. Лингвоментальный комплекс – это единство дискретного концептуального ментального образования с языковыми средствами его выражения и актуализации в текстовом пространстве народа. Именно таким ментальным образованием, на наш взгляд, и является предмет нашего исследования – лингвоментальный комплекс *Россия/русский*, который содержит комплексное представление индивида об окружающей его действительности и может быть смоделирован при помощи комплексного подхода с использованием лингвистических и когнитивных методов.

3.2. Структура концепта и методика его описания

Поскольку концепт – это разноплановая многоаспектная ментальная единица, его содержание определенным образом структурируется. По словам исследователей, «с одной стороны, к структуре концепта относится все, что принадлежит строению понятия; с другой стороны, в структуру концепта входит то, что делает его фактом культуры – исходная форма (этимология); сжатая до основных признаков содержания история; современные ассоциации; оценки, коннотации» [Маслова 2004, с. 40]. Стоит отметить, что структуризация концепта, лексико-семантическая многоплановость его объективаций были обнаружены учеными уже с момента зарождения когнитивных исследований. В настоящее время в научной среде существует множество точек зрения относительно структурной организации концепта. На наш взгляд, в ходе нашей работы необходимо рассмотреть отличительные особенности некоторых из них.

Так, по мнению Ю.С. Степанова, «концепт имеет "слоистое" строение, и разные слои являются результатом, "осадком" культурной жизни различных эпох» [Степанов 2004, с. 49]. Он складывается из слоев, отличных друг от друга по времени образования, происхождению, значению, и включает в свою структуру следующие компоненты: «1) основной, актуальный признак; 2) дополнительный (пассивный, исторический) признак; 3) внутреннюю форму (этимологию)» [Там же, с. 46]. В своем основном признаке концепт существует для каждой языковой личности. В дополнительных признаках концепт остается релевантным только для определенных представителей той или иной группы людей, выделенной по социальному признаку. Внутренняя форма не осознается носителями языка, для них она существует в опосредованном виде, выступая в роли базиса, на котором зародились основные компоненты значения. Она доступна лишь ученым.

В.А. Маслова считает, что «концепт состоит из компонентов (концептуальных признаков), то есть отдельных признаков объективного или субъективного мира, дифференцированно отраженных в его сознании и

различающихся по степени абстрактности» [Маслова 2004, с. 41]. Рассматривая концепт «как сложный ментальный комплекс» [Там же, с. 42], ученый, кроме смыслового содержания и различного рода оценок, выделяет в структуре концепта следующие компоненты: «1) общечеловеческий, или универсальный» [Там же]; «2) национально-культурный» [Там же]; «3) социальный» [Там же]; «4) групповой» [Там же]; «5) индивидуально-личностный» [Там же]. По В.А. Масловой, «структуру концепта можно представить в виде круга, включающего центр, представленный основным понятием, или ядром, и периферию, то есть все то, что привнесено культурой, традициями, народным и личным опытом» [Там же].

На необходимость разграничения ядра и периферии в структуре концепта указывает и Н.Н. Болдырев. По мнению лингвиста, «ядро концепта составляют конкретно-образные концептуальные признаки» [Болдырев 2001, с. 29], которые «являются результатом чувственного восприятия мира, его обыденного познания» [Там же]. Периферию концепта, в свою очередь, образуют абстрактные характеристики, являющиеся вторичными по отношению к вышеописанным и объективирующие «специальные знания об объектах, полученные в результате теоретического, научного познания» [Там же, с. 29-30]. Несмотря на то что функционирование концепта – это процесс непрерывного обогащения его содержания, оно все же «подвергается определенной стандартизации на общенациональном или коллективном уровне» [Там же, с. 30]. В связи с этим в структуре концепта Н.Н. Болдыревым выделяются такие компоненты, как общенациональный, групповой, региональный и индивидуальный.

М.В. Пименова, понимая под структурой концепта «совокупность обобщенных признаков и групп признаков, необходимых и достаточных для идентификации предмета или явления как фрагмента картины мира» [Пименова 2011, с. 114], в пределах концепта выделяет базовые (первичные) и образные (вторичные) признаки. Как считает языковед, «базовые признаки формируются мотивирующим признаком, который закреплен во внутренней форме слова, понятийными признаками, актуализированными в словарных дефинициях

соответствующей лексемы – репрезентанта концепта – в виде семантических компонентов (сем и семем), а также в системе синонимов» [Там же]. Образные (метафорические) признаки включают в себя собственно образные признаки и признаки метафорические, объективированные посредством концептуальных метафор [Там же].

Между первичными и вторичными признаками, по мысли М.В. Пименовой, находятся функциональные и ценностно-оценочные, вместе образующие группу категориальных признаков. Так, «функциональные признаки – это признаки тех функций, которые в сознании носителей языка закреплены за соответствующим референтом». (например, *понимать сердцем*) [Там же, с. 117]. Ценностно-оценочные признаки – это признаки, содержащие разнообразную оценку и указывающие на ценностные характеристики того или иного предмета или явления (например, *золотое сердце*).

С.Г. Воркачев в структуре концепта выделяет «понятийную составляющую (дефиниционная и признаковая структура), образную составляющую, представленную когнитивными метафорами, удерживающими концепт в языковом сознании, и значимостную составляющую, включающую этимологические, ассоциативные характеристики, соотношение частеречных реализаций имени концепта, а также его словообразовательную продуктивность» [Воркачев 2002]. Стоит отметить, что именно значимостные признаки, по взгляду лингвиста, определяют место концепта в лексической и грамматической системах языка.

З.Д. Попова и И.А. Стернин вычленяют в структуре концепта образ, информационное содержание и интерпретационное поле [Попова 2010]. В качестве элемента, образующего ментальную единицу, выступает чувственный образ – неоднородная составляющая концепта, образованная посредством перцептивных и когнитивных признаков. Следующий структурный компонент концепта – информационное поле – содержит когнитивные признаки, формирующие сущность и определяющие наиболее значимые черты концептуализированного явления действительности. По словам исследователей,

информационное содержание «близко к содержанию словарной дефиниции ключевого слова концепта (если оно есть), но в него входят только дифференцирующие денотат концепта признаки и исключаются случайные, необязательные, оценочные» [Там же, с. 110]. Интерпретационное поле концепта, в свою очередь, состоит из когнитивных признаков, вытекающих из информационного поля концепта, которые интерпретируют, поясняют, оценивают данный структурный элемент. Интерпретационное поле неоднородно и включает несколько зон: «оценочную, энциклопедическую, утилитарную, регулятивную, социально-культурную, паремиологическую» [Там же, с. 110-113].

Полагая, что содержание концепта организовано «по полювому принципу – ядро и периферия (ближняя, дальняя, крайняя)» [Там же, с. 115], З.Д. Попова и И.А. Стернин отмечают, что «жесткая закреплённость структурных компонентов концепта за определенными полевыми зонами отсутствует» [Там же, с. 114]. Например, информационное содержание может принадлежать как ядру, так и периферии, а признаки интерпретационного поля по яркости и выразительности могут войти в ядро концепта.

Как мы смогли убедиться, многие ученые в структуре концепта вычленяют образ, информационно-понятийное ядро и периферийные признаки. Ядро содержит наиболее актуальные и значимые когнитивные признаки, которые формируют содержательную основу концепта и удерживают его в языковом сознании носителей языка. Периферия включает дополнительные признаки, оценки и ассоциации, показывающие нам, какими смыслами наделяется концепт в процессе своего функционирования в соответствующей лингвокультурной среде.

Кроме того, для исследователей несомненным остается и то, что у концепта нет жесткой структуры, поскольку «его содержание постоянно насыщается, а объем увеличивается за счет новых концептуальных характеристик» [Болдырев 2001, с. 30]. Действительно, концепт обладает нежесткой, динамической структурой, которая изменяется благодаря появлению новых признаков, появление которых зависит от развития материальной и духовной культуры нации.

Исследование содержания и структуры концептов, как правило, осуществляется при помощи концептуального анализа – совокупности различных методов, направленных на выявление концептуальных характеристик, выявляемых через значения языковых единиц (слов, словосочетаний, типовых пропозиций, текстов), которые эксплицируют соответствующий концепт. Необходимо сказать, что в современной науке о языке учеными выработаны различные подходы к методике проведения концептуального анализа. Так, по М.В. Пименовой, «методика исследования концептуальных единиц заключается в интерпретации значения конструкций, объективирующих те или иные признаки концептов; в выявлении частотных таксономических характеристик. Затем на их основе происходит обобщение особенностей концептов, а также выделение концептуальных структур, когнитивных моделей и языковых схем актуализации исследуемых концептов...» [Пименова 2011, с. 115]. Исследователь считает, что изучение концепта должно проходить поэтапно и выделяет следующие ступени концептуального анализа: 1) «анализ внутренней формы слова (слов), репрезентирующего концепт» [Там же, с. 119]; 2) «определение образных способов концептуализации как вторичного переосмысления лексемы (сочетаний лексем, их дериватов) – репрезентанта концепта, исследование концептуальных метафор» [Там же, с. 119]; 3) «описание способов категоризации концепта в языковой картине мира, достигаемое при помощи анализа функциональных и ценностно-оценочных признаков лексемы» [Там же, с. 119]; 4) «анализ лексического значения слова-репрезентанта концепта, а также выделение его синонимического и антонимического рядов» [Там же, с. 120]; 5) «выявление категориальных признаков пространства и времени в структуре изучаемого концепта» [Там же, с. 120]; 6) «описание символических признаков концепта, если он связан с мифологической, фольклорной или религиозной картинами мира» [Там же, с. 120]; 7) «исследование сценариев – событий, которые разворачиваются во времени и/или пространстве и подразумевают наличие субъекта, объекта, цели, условий возникновения, времени и места действия» [Там же, с. 120].

Еще один приверженец концептуальных исследований в отечественной науке о языке – В.В. Колесов – по-своему подходит к методике описания концептов и предлагает придерживаться следующих этапов рассмотрения их значения и структуры: «1) выбор ключевого слова-репрезентанта концепта; 2) сбор фактического материала, к которому относятся компоненты словообразовательного гнезда, свободные и устойчивые сочетания с репрезентантом концепта, тексты; 3) исследование этимологии слова-экспликанта, выявление его мотивирующих признаков; 4) анализ фактического материала на предмет определения образных концептуальных признаков (выявляются признаки живой и неживой природы); 5) выявление понятийных признаков на основе анализа словарных дефиниций (анализу подвергаются все возможные словари). Этот этап, с точки зрения ученого, – один из самых важных и определяющих, поскольку «именно сравнение толкований репрезентантов эквивалентных концептов позволяет определить "пропущенные" в русских словарях семы и семемы...»; 6) определение категориальных признаков, к числу которых относят дименсиональные, качественные, количественные, пространственные, темпоральные, ценностно-оценочные; 7) описание символических признаков на основе анализа различного рода словарей (толковых, мифологических, словарей символов и др.), этнографических данных, фактического материала; 8) исследование сценариев; 8) описание лингвокультурных стереотипов, связанных, как правило, с политическими, идеологическими и иными социальными концептами; 9) психолингвистический эксперимент; 10) сведение полученных признаков и количественных данных в общую таблицу. Описание полученных результатов с позиций частотности признаков, а также их актуальности в языковой картине мира» [Колесов 2012, с. 149-151].

М.В. Маслова считает, что для установления полного смыслового объема концепта необходимо использовать совокупность нескольких методов, или методик. Лингвист предлагает и свой путь концептуального анализа, состоящий из 6 этапов: «1) определить референтную ситуацию, к которой принадлежит

концепт» [Маслова 2004, с. 45]; «2) установить место данного концепта в языковой картине мира и языковом сознании нации через обращение к энциклопедическим и лингвистическим словарям, считая словарную дефиницию ядром концепта» [Там же]; «3) обращение к этимологии и учет ее особенностей» [Там же, с. 46]; «4) анализ художественных, научных, философских, публицистических текстов, пословиц, поговорок, фразеологизмов» [Там же]; «5) полученные результаты нужно сопоставить с анализом ассоциативных связей ключевой лексемы (ядра концепта)» [Там же]; «6) если для анализа выбран важный концепт культуры, то он должен быть многократно повторен и проинтерпретирован в живописи, музыке, культуре» [Там же].

З.Д. Попова и И.А. Стернин в своих работах говорят о семантико-когнитивном подходе – совокупности методов из различных областей научного знания, направленных на выявление когнитивных сем и признаков, формирующих структуру концепта. Основные этапы данного подхода таковы:

1) «Построение номинативного поля концепта» [Попова 2010, с. 176], представляющее собой установление и описание совокупности языковых средств, номинирующих концепт и его отдельные признаки» [Там же].

Первостепенным для данного этапа является нахождение лексемы-репрезентанта, которая наиболее точно и полно объективирует исследуемый концепт. В качестве такого слова обычно выступает самое употребительное наименование, отличающееся абстрактной семантикой и стилистической нейтральностью.

2) «Анализ и описание семантики языковых средств, входящих в номинативное поле концепта» [Там же, с. 193].

Задача данного этапа – «представить значения единиц номинативного поля в виде набора отдельных семантических компонентов...» [Там же, с. 194] при помощи семного анализа толкований их значений.

3) «Когнитивная интерпретация – мысленное обобщение на более высоком уровне абстракции результатов описания значений языковых единиц, номинирующих концепт, для выявления и словесного формулирования

когнитивных признаков, репрезентированных теми или иными значениями или семантическими компонентами этих языковых единиц, с целью итогового моделирования» [Там же, с. 200].

4) «Верификация полученного когнитивного описания у носителей языка» [Там же, с. 269].

5) «Описание содержания концепта в виде перечня когнитивных признаков» [Там же, с. 269].

6) «Моделирование концепта» [Там же, с. 210], предполагающее, по мнению ученых, несколько последовательных шагов:

– «описание макроструктуры концепта (отнесение выявленных когнитивных признаков к образному, информационному компонентам и интерпретационному полю и установление их соотношения в структуре концепта);

– описание категориальной структуры концепта (выявлении иерархии когнитивных классификационных признаков, концептуализирующих соответствующий предмет или явление, и описание концепта как иерархии по актуальности для концептуализации денотата концепта);

– описание полевой организации концепта (выявление и описание когнитивных классификационных признаков, составляющих ядро и периферию концепта, и представление содержания концепта в виде полевой структуры)» [Там же, с. 210-211].

Итак, мы убедились, что наиболее полный и адекватный доступ к выявлению структуры концепта и исследованию его природы обеспечивает язык [Jackendoff 1993, с. 204]. Каждый исследователь по-своему подходит к процедуре когнитивного анализа концепта в зависимости от целей, которые он перед собой ставит, или от своеобразия языкового материала, избранного в качестве источника для рассмотрения и описания. Но, несмотря на это, для большинства ученых является актуальным утверждение В.А. Масловой о том, что «концепт – многомерное образование, включающее в себя не только понятийно-дефиниционные, но и коннотативные, образные, оценочные, ассоциативные

характеристики, и все они должны быть учтены при описании концепта» [Маслова 2004, с. 46].

Выводы к 1 главе:

1. В качестве ведущей парадигмы современного языкознания выступает антропоцентризм, рассматривающий язык в тесной связи с сознанием и мышлением индивида, его ментальными и мировоззренческими установками, практической и духовной жизнедеятельностью. Именно человек в настоящее время находится в центре научных изысканий, сосредоточенных на изучении человека в языке и языка в человеке.

2. Одним из ключевых понятий современной лингвистики является понятие «языковая личность», которое служит для наименования человека, существующего в языковом пространстве и выраженного в языке и через язык. Языковой личностью может быть не только отдельный индивидуум, но и целый народ в совокупности его языковедческих, мировоззренческих и культурологических установок, которые составляют основу национальной языковой личности.

3. С конца XX века исследование проблемы взаимосвязи языка и культуры, зародившейся несколько столетий назад, становится одним из приоритетных направлений антропологической лингвистики. Язык и культура вступают в очень тесное взаимодействие: каждый из данных феноменов является органической частью другого. Язык аккумулирует национальную культуру, оказывает воздействие на развитие народного духа, а также коррелирует нормы мышления и поведения этноса.

4. В настоящее время в языкознании выделяются следующие междисциплинарные области знания, изучающие триаду «язык – культура – этнос»: этнолингвистика, исследующая языковые процессы в аспекте их соотношения с нацией, народностью, племенем; лингвокультурология, направленная на изучение особенностей культуры народа, отразившихся и

закрепившихся в языке в виде этнически маркированных единиц; когнитивная лингвистика, рассматривающая язык как когнитивный механизм, который вербализует результаты познавательных операций, осуществляемых индивидом для постижения сущностных характеристик окружающего мира; лингвистическая аксиология, реконструирующая систему ценностных ориентаций народа, опираясь на данные языка.

5. Образ мира, воплощенный в языковых формах, фиксируется в языковой картине мира – исторически сформировавшейся в сознании данного этноса и отраженной в значениях языковых знаков совокупности представлений народа об окружающих его реалиях действительности. Являясь выражением вербализованного опыта, языковая картина мира тесно связана с национально-культурной самобытностью народа и способна дать представление об устоявшемся мировоззрении и ментальных установках целого этноса.

6. Концепт обнаруживает сложную, иерархически организованную, структуру. Особенно ярко неоднородность содержания проявляется в лингвоментальном комплексе – разноплановом, многомерном ментальном образовании, репрезентированном разветвленной, иерархически организованной системой концептов, несущих информацию об одном и том же предмете действительности, но раскрывающих лишь его отдельные грани. Лингвоментальный комплекс – это единство дискретного концептуального ментального образования с языковыми средствами его выражения и актуализации в текстовом пространстве народа.

7. В структуре концепта вычленяют информационно-понятийное ядро и периферию. Ядро содержит наиболее актуальные и значимые когнитивные признаки, которые формируют содержательную основу концепта и удерживают его в языковом сознании носителей языка. Периферия включает дополнительные признаки, оценки и ассоциации. Описание внутренней структурной организации концепта осуществляется при помощи комплексного подхода с использованием различных методов.

Глава 2. Объективация лингвоментального комплекса *Россия/русский* в языковой картине мира русского народа

§ 1. Описание лингвоментального комплекса *Россия/русский* по данным лингвистических и энциклопедических словарей

В рамках современной антропологической лингвистики особенно актуальным и значимым становится изучение концептов как ментальных единиц, отражающих этнокультурные особенности миропонимания носителей языка. По мнению С.Г. Воркачева, подобное обстоятельство – «это закономерный шаг в становлении антропоцентрической парадигмы гуманитарного, в частности, лингвистического знания» [Воркачев электронный ресурс], поскольку «именно в концепте безличное и объективистское понятие авторизуется относительно этносемантической личности как закрепленного в семантической системе естественного языка базового национально-культурного прототипа носителя этого языка» [Там же].

В данной связи, на наш взгляд, особую лингвокультурологическую ценность приобретает лингвоментальный комплекс *Россия/русский*, поскольку процесс организации его когнитивного содержания происходил одновременно со становлением Российского государства и русской нации. Кроме того, показателем значимости рассматриваемого лингвоментального комплекса является его безусловная связь с формированием самоидентификации и самооценки русского этноса. Немаловажным является и то, что в его содержании отразилось отношение национальной языковой личности к занимаемому ей геополитическому пространству, к окружающим ее продуктам духовной и материальной культуры, к присущим ей ментальным установкам и поведенческим стереотипам.

Будучи актуальными для национальной картины мира ментальными единицами, концепты *Россия* и *русский*, образующие соответствующий лингвоментальный комплекс, в последнее время привлекают внимание ученых, которые подвергают их детальному изучению. Примерами подобных исследований могут служить такие работы, как «Фрагменты структуры концепта "Россия"» О.В. Евтушенко [Евтушенко 2007б], «Концепт "Русские": денотативные границы, возможности и перспективы (на материале произведений Ф.М. Достоевского и современной публицистики)» Э.Г. Апанасенко [Апанасенко 2007] «Немец, англичанин, француз и русский: выявление стереотипов национальных характеров через анализ коннотаций этнонимов» И.М. Кобозевой [Кобозева 1995], «Концепт русского обыденного сознания "русские" по данным Национального корпуса русского языка» М.Ю. Федосюк [Федосюк 2010], «Концепт "Россия" как фрагмент русской национальной картины мира периода XX – начала XXI в.» И.А. Юрьевой [Юрьева 2008] и мн. др.

В ходе обработки обширного языкового и фактического материала в поле зрения ученых, по замечанию лингвистов, оказываются «"портреты" русского, которые обнаруживают существенные отличия друг от друга» [Березович 2014, с. 111], касающиеся «как общей тональности, так и конкретных составляющих образа» [Там же]. Так, например, в одних работах описывается русская лень, пьянство, необразованность, а в других, напротив, – русское трудолюбие, отзывчивость и широта души.

На наш взгляд, говоря о когнитивном анализе концептов *Россия* и *русский*, составляющих анализируемый нами лингвоментальный комплекс, необходимо помнить утверждение З.Д. Поповой и И.А. Стернина о том, «что даже рассмотрев всю доступную нам совокупность языковых средств выражения концепта, а также тексты, в которых раскрывается содержание концепта, <...> мы все равно не получаем исчерпывающего описания концепта, это всегда будет лишь описание части концепта...» [Попова 2010, с. 164]. Это объясняется тем, что концепты обладают подвижной, нежесткой структурой, способной меняться с течением времени в зависимости от преобразований в общественно-политической жизни

национальной языковой личности, смены ее жизненных приоритетов и ценностных ориентиров. Как отмечает А.А. Залевская, «весьма наивной представляется вера некоторых исследователей в то, что якобы можно описать содержание некоторой языковой единицы в том виде, в каком она присутствует в сознании носителей языка, <...> мы можем лишь строить определенные предположения, модели и подобное в отношении того, что не поддается прямому наблюдению» [Цит. по: Попова 2010, с. 165]. Тем не менее, детальный анализ рассматриваемых нами концептов позволит выявить особенности когнитивного содержания лингвоментального комплекса *Россия/русский* и проследить динамику его развития.

Важным подспорьем при описании лингвоментального комплекса, по нашему мнению, являются различного рода лингвистические и энциклопедические словари, так как, по справедливому утверждению В.А. Масловой, именно материалы тезаурусов «предлагают исследователю большие возможности в плане раскрытия содержания концепта, в выявлении специфики его языкового выражения» [Маслова 2004, с. 45]. Действительно, при выявлении когнитивных признаков данные словарей оказываются весьма полезными, поскольку они содержат представления русского этноса об окружающем его мироустройстве и иллюстрируют специфику категоризации и концептуализации русским языком явлений действительности.

Проведенный нами анализ словарных источников показал, что признаковое поле концепта *Россия* – ключевого элемента лингвоментального комплекса *Россия/русский* – в языковой картине мира русского народа выстраивается вокруг своего смыслового ядра, обозначенного официальным именем *Россия*, которое наиболее полно номинирует исследуемый концепт. Согласно «Большому толковому словарю» С.А. Кузнецова, «Россия – это государство, расположенное в Европе и Азии; страна, в которой большинство населения составляют русские» [Большой толковый ... 2000, с. 1129].

В книге О.А. Платонова «Святая Русь. Энциклопедический словарь русской цивилизации» приводится схожее толкование данной лексемы, дополненное

«политическим» значением и перечнем синонимических наименований: «Россия – название, обозначающее страну и государство, населенное русским народом; в политическом отношении означало, как и название "Российское государство", "Российская Империя", всю совокупность территорий, входивших в состав государства и населенных как русскими, так и нерусскими народами» [Святая Русь ... электронный ресурс]. Несомненно, что они *Российское государство*, *Российская Империя* являются устаревшими, но, тем не менее, они представляют большую культурологическую ценность при описании объективации исследуемого нами концепта в национальной картине мира, поскольку отражают становление форм российской государственности.

Равнозначный вариант репрезентанта *Россия* приводится и в дефиниции Ю.Е. Прохорова. Так, в его тезаурусе «Россия. Большой лингвострановедческий словарь» в качестве эквивалента данного слова приводится наименование *Российская Федерация*: «Россия – название страны и равнозначный вариант названия государства Российской Федерации» [Россия ... 2007, с. 473]; «Россия (Российская Федерация) – государство с федеративным устройством, в состав которого входит 88 равноправных субъектов» [Там же].

На особую актуальность для современной языковой картины русского народа онима *Российская Федерация* указывают и толковые словари конца XX – начала XXI в.в., в которых мы находим дефиницию для аббревиатуры данного понятия: «РФ, нескл., ж. Сокр. Российская Федерация. Границы РФ. Специалисты РФ. Центральный банк РФ. Конституция РФ. Конституционный суд РФ» [Толковый ... 1998, с. 553]; «РФ, нескл., ж. Сокр. Российская Федерация. Президент РФ. Правительство министерства РФ. Государственная дума РФ. Совет Федерации РФ. Конституционный Суд РФ. Сберегательный банк РФ. РФ представила гражданский кодекс» [Фивейская 2014, с. 291]. Как видно из приведенных словарных толкований, наименование *Российская Федерация* принадлежит к группе официальной лексики современного русского языка, актуальной для сферы делового общения, в то время как топоним *Россия* является общеупотребительным и востребованным всеми слоями российского социума.

Итак, опираясь на материалы словарей и исходя из утверждения С.Г. Воркачева о том, что имя концепта – это «языковой знак, передающий содержание концепта наиболее полно и адекватно» [Воркачев электронный ресурс], мы можем говорить о том, что ядро концепта *Россия* организуют такие когнитивные признаки, как «федеративное государство, расположенное в Европе и Азии», «страна, большинство населения которой составляют русские», а в качестве его репрезентантов выступают наименования *Россия*, *Российское государство*, *Российская Империя*, *Российская Федерация (РФ)*.

В ходе нашего исследования, на наш взгляд, необходимо помнить, что еще одним «высоковероятностным компонентом семантики языкового концепта является "этимологическая", она же "культурная", она же "когнитивная память слова" – смысловые характеристики языкового знака, связанные с его исконным предназначением, национальным менталитетом и системой духовных ценностей носителей языка» [Цит. по: Воркачев электронный ресурс]. В связи с этим нам представляется необходимым рассмотреть историю возникновения лексемы *Россия*, что позволит выявить содержание соответствующего концепта.

По утверждению А.Б. Пеньковского, слово *Россия* «возникло на рубеже XV – XVI вв. как совершенно искусственное (транслитерация с греческого) торжественное образование высокого официоза в связи с потребностями идеологического обеспечения историко-государственной концепции "Москва – Третий Рим" в замену прежнего *Русь*, с которым оно образовало контрастную пару» [Пеньковский 2004, с. 238]. Ю.С. Степанов также считает, что «слова *Россия*, *Великая Россия*, *Малая Россия*, *Российское царство* утверждаются под влиянием византийских форм и становятся приметой "высокого стиля" – языка высокой поэзии или языка канцелярий» [Степанов 2004, с. 168-169]. Размышления ученых подтверждают и данные «Этимологического словаря» М. Фасмера, согласно которому имя собственное *Россия* произошло из языка патриаршей канцелярии в Константинополе и в русской письменности «впервые было употреблено в Московской грамматике 1517 г., также у Ивана Грозного, Аввакума и др., раньше – *Русь*» [Фасмер 1987, с. 505].

Схожей точки зрения по данному вопросу (о времени проникновения топонима *Россия* в русское языковое пространство) придерживается и А.В. Соловьев, утверждавший, что «за все время до татарского нашествия и после него византийская огласовка русского имени "Рос/Росия" неизвестна русскому языку» [Соловьев 1957, с. 140]. Так, например, с XI по XIV вв. все памятники русской письменности «пользуются лишь формами "Русин, Русь, Русская земля"» [Там же, с. 140-141]. Распространение греческой огласовки русского имени – словоформы *Россия* – приходится на XV – XVI вв., чему, по мнению Соловьева, способствовал целый ряд общественно-политических факторов: «приезд Софии Палеолог в 1472 г. с греками-дипломатами в своей свите, появление в Москве богатого собрания греческих рукописей, деятельность Максима Грека» [Там же, с. 145].

Необходимо отметить, что все без исключения исследователи на пути преобразования наименования нашей страны из Руси в Россию выделяют промежуточный термин *Русия* – «название Московского государства, часто в XVI – XVII вв., также у Радищева» [Фасмер 1987, с. 520]. По Ю.С. Степанову, это «гибридный» топоним [Степанов 2004, с. 168], образованный посредством наложения одной формы слова (*Россия*) на другую (*Русь*). На подобное происхождение наименования *Русия* указывает и А.В. Соловьев, считавший, что эта форма сочетает «греко-латинское окончание со славянским корнем "рус"» [Соловьев 1957, с. 141].

Лексема *Россия* в русской языковой картине мира окончательно утвердилась лишь в XVII столетии и, по словам А.Б. Пеньковского, «за последующие три века, спустившись в быт – отсюда народное *Ро(а)сея*, – потеряла свое изначально высокое торжественное звучание, стало нейтральным...» [Пеньковский 2004, с. 238]. С 1721 по 1917 г.г. данное наименование видоизменяется, приобретая форму *Россія*, и используется «как вариант официального названия Российской империи» [Россия ... 2007, с. 473]. После Октябрьской революции 1917 г. в русском языке окончательно закрепились привычная нам форма – *Россия*, для данного периода бывшая «неофициальным названием Российской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР) и

Советского Союза» [Там же]. С 1991 г. и по сей день эта лексема, как уже отмечалось выше, употребляется как равнозначный вариант названия *Российская Федерация*.

Итак, рассмотрев происхождение топонима *Россия* и проследив процесс становления его значения в национальной культурно-языковой среде, мы можем говорить о том, что объективация соответствующего концепта напрямую зависела от имени, которое носила наша страна в определенные периоды своего исторического развития. Так, концепт *Россия* в русском языке вербализуется посредством таких наименований, как *Русь*, *Великая Россия*, *Российское царство*, *Русская земля*, *Русия*, *Ро(а)с(с)ея*.

Особого внимания в этом ряду, по нашему мнению, заслуживает экспликант *Русь* – «первоначальное (с IX в.) название государственного образования восточных славян, ставшее основой понятия "русские" и закрепившееся за землями Древнерусского государства (IX-XVII вв.)» [Россия ... 2007, с. 487], которое вплоть до XVII века было противочленом наименования *Россия*. В «Большом толковом словаре» С.А. Кузнецова приводится следующая дефиниция слова *Русь*: 1. Первоначальное название государственного образования восточных славян в 9 в. на реке Днепр. • В 9 – 12 вв. Русью называли территорию Киевской Руси, в 12 – 13 вв. – древнерусские земли и княжества, с 13 – 14 вв. Русь разделяется на Белую (будущая Белоруссия), Малую (будущая Украина) и Великую (будущая Россия). 2. *Высок. поэт.* О России. *Русь, куда же несёшься ты?* (Гоголь) [Большой толковый ... 2000, с. 1134].

Будучи историческим наименованием нашей страны, в одном из своих значений лексема *Русь*, как видно из приведенной выше словарной статьи, получает высокую стилистическую окраску, свидетельствующую о том, что для национальной языковой личности данное наименование имеет особое идеологическое содержание. Как отмечают исследователи, «слово *Русь* в русской культуре, в общественной, религиозной и философской мысли XIX – начала XX в. – через художественное мировидение Гоголя, историософские построения славянофилов и т. д. – получило значение высокого символа исторической

преемственности и непреходящей ценности идеалов русской народной жизни (ср.: *Святая Русь* – не **Святая Россия!*), идеалов, искажаемых мрачными сторонами российской действительности» [Пеньковский 2004, с. 238]. Именно поэтому лексема *Русь* стала наиболее употребительной, в первую очередь, в поэтическом речевом и образном творчестве, в котором писатели старались подчеркнуть связь истории и современности, а также хотели передать духовную и идейную преемственность всех исторических форм нашего государства. Например: «*Родина милая, Русь святая, просторная / Вновь заплатила судьбе*» (Н.А. Некрасов «Угомонись, моя Муза задорная...») [Некрасов 1982, т. 3]; «*А я как давно, еще с гостинок у старца Памвы, имел влечение воедино одушевиться со всею Русью...*» (Н.С. Лесков «Запечатленный ангел») [Лесков 1957, т. 4].

На наш взгляд, для полного и всестороннего когнитивного анализа концепта *Россия* необходимо описание всей совокупности номинирующих его лексем, поскольку, как справедливо отмечает М.В. Пименова, «полное описание того или иного концепта, значимого для определенной культуры, возможно только при исследовании наиболее полного набора средств его представления» [Пименова 2004, с. 12]. Так, к репрезентантам концепта *Россия* в языковой картине мира русского народа относятся лексемы «патриотической триады» – *Родина*₁ (*родина*₂) – *Отечество*₁ (*отечество*₂) – *Отчизна*₁ (*отчизна*₂). По словам исследователей, значения данных слов «развивались и расширяли область в конкретных социально-исторических условиях, вбирая в себя ценностные и духовно-культурные ориентиры лица и его кровно-родственных связей, его общности не персональной – национально-территориальной (что характерно для структуры знаний, воплощенной в наименовании *родина*₂), затем – общности не персональной же – государственно-политической (отраженной в структуре знания, соотносимой с именем *отечество*) <...>, и наконец – общности национально-геополитической, хранящейся в исторической памяти народа как великие дела отчизны...» [Цит. по: Тер-Минасова 2000, с. 178].

Доминантой вышеперечисленных единиц, передающих идею родной страны, является, безусловно, слово *родина* как наиболее многозначная единица этого ряда,

которая «обладает высокой номинативной плотностью» [Воркачев 2008, с. 7] и «переживается эмоционально при попадании в фокус сознания» [Там же] русской языковой личности.

Мы считаем, что очень выразительное и содержательное определение данного понятия принадлежит В.Н. Телия, по мнению которой «Родина – это всегда личностное, персональное восприятие "своего" демографического пространства, отражающее следующую структуру знания: место (и/или места), ценностное отношение к которому для субъекта X определяется тем, что: X родился здесь и с детства ощутил себя в кровнородственной связи с окружающими и с ушедшими поколениями; в этом месте X впервые воспринял себя как "часть" окружающей природы (микро- и макрокосма); X впервые обрел здесь друзей и близких и стал "частью" этого неформального социума; X осознал "свой внутренний мир" среди родных и близких на родном языке и воспринимает себя как "часть" этого общего с ними мира; X овладел здесь родным языком и стал "частью" говорящих на нем; X испытал здесь и продолжает испытывать эмоционально положительное отношение к родным местам, к своим родителям и кровнородственным "корням", к близким людям, к знакомым с детства традициям, к родному языку» [Цит. по: Тер-Минасова 2000, с. 178].

В.И. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» отмечает: *родина* – это «родимая земля, чье место рожденья; в обширном значении – земля, государство, где кто родился; в тесном значении – город, деревня» [Даль 2003, т. 4, с. 11]. А если мы обратимся к «Словарю русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой, то увидим, что здесь слово *родина* предстает как многозначное, и трактуется следующим образом: «1. Страна, в которой человек родился и гражданином которой является, отечество. *Не небесам чужой отчизны – Я песни родине слагал!* Н. Некрасов, Тишина || Место рождения кого-либо [*Соколовский*] *отправился провести каникулы на родине, на Волыни* Чернышевский, Пролог. 2. Место зарождения, произрастания чего-либо *Я на родине ядовитых перцев, пряных кореньев, слонов, тигров, змей* И. Гончаров Фрегат «Паллада» || Место возникновения чего-либо *Россия – родина ленинизма*» [Словарь ... 1987, т. 3, с.

723]. В ходе нашего исследования стоит обратить внимание на определение данной лексемы, которое приводится в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова: «1. Отечество, родная страна. *Защита Родины*. 2. Место рождения, происхождения кого-нибудь; место возникновения чего-нибудь. *Приехать на родину*» [Ожегов 2008, с. 549].

Интересным представляется то, что в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д.В. Дмитриева лексема *родина* толкуется шире (четыре значения против двух) и приобретает аксиологически окрашенную сему «страна, местность, которую вы любите»: «1. Своей родиной вы называете страну, местность, в которой родились и которую вы любите. *Родина Пушкина, Толстого. Любовь к родине. Защита родины*. 2. Родиной называют страну, гражданином которой является данный человек. *На визе указывается, должен ли заявитель вернуться на родину на два года или нет*. 3. Исторической родиной называют страну, из которой происходят чьи-либо предки. *В процессе репатриации примерно 110 тысяч японских корейцев выехали на историческую родину в КНДР*. 4. Родиной чего-либо называют место возникновения, создания чего-либо. *Индия – родина шахмат*» [Толковый ... 2003, с. 1142].

В ходе нашей работы мы будем исходить из первого, обширного (по В.И. Далю), определения рассматриваемого слова, в связи с которым можно говорить о России как о «большой родине» – «стране, в которой человек родился и гражданином которой является» [Словарь ... 1961, т. 12, стб. 1377].

Еще одним экспликантом концепта *Россия*, как было отмечено выше, является лексема *отечество*, называющая, согласно «Словарю русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой: «1. *Высок*. Страну, где родился человек и гражданином которой является. *И я, как весну человечества, рожденную в трудах и в бою, пою мое отечество, республику мою!* Маяковский. Хорошо. 2. *Устар*. Место возникновения, происхождения чего-либо: *родина. Англия есть отечество Карикатуры и пародии*. Пушкин. Англия есть отечество...» [Словарь ... 1986, т. 2, с. 677-678].

В рамках нашего исследования актуальным является первое значение данного слова, позволяющее говорить нам об отечестве как о «стране, где родился человек и к гражданам которой он принадлежит; родине» [Словарь ... 1959, т. 8, стб. 1368-1369]. В этом понятии органически сливаются географическая и общественная составляющие жизни человека-гражданина, в связи с чем отечество представляет собой единство социального и природного факторов. К данной лексической единице очень близко примыкает и другой экспликант – лексема *отчизна*, представляющая собой традиционное для русского языкового сознания поэтическое наименование родной страны: «*И все тягуче память дня / Перед пристойным ликом жизни. / О, помолись и за меня, / За бесприютного в отчизне*» (С.А. Есенин «В зеленой церкви за горой...») [Есенин 1991, т. 2].

Итак, исходя из словарного анализа лексем-репрезентантов, мы можем утверждать, что в содержание концепта *Россия* входят такие когнитивные признаки, как «страна, в которой родился человек и гражданином которой является», «страна, которую любит человек, в ней проживающий», объективирующиеся в русском языковом пространстве при помощи таких экспликантов, как *Родина₁ (родина₂) – Отечество₁ (отечество₂) – Отчизна₁ (отчизна₂)*.

По нашему мнению, выявить особенности содержания концепта *Россия* поможет рассмотрение словообразовательных связей его ключевого номинанта. Деривационный процесс – это не только рождение производной лексемы, но и образование новых элементов смысла, которое, по мнению исследователей, «представляет собой динамическое изменение человеческих предпочтений в культуре, указывает на *новую значимость* (курсив автора. – Т.К.) в системе ценностей: практическую, логическую, эстетическую, физическую, религиозную и др.» [Абросимова 2014, с. 8-9]. Так, в словообразовательных словарях русского языка приводятся следующие производные единицы от лексемы *Россия*: *россиянин, россиянка, российский, по-российски, всероссийский, общероссийский* [Тихонов 1996, с. 399], [Тихонов 2014, с. 406]. Вхождение данных производных слов в современный русский язык и закрепление их в нем, по мнению Л.С.

Абросимовой, «обусловлено множеством как экстралингвистических факторов (появление когний, указывающих на возникающие объекты действительности; задачи терминологизации; тенденция к экономии и унификации языковых средств; необходимость в новых языковых средствах экспрессивности), так и лингвистических (функциональная целесообразность; критерий правильности; частотность употребления слова)» [Абросимова 2014, с. 9].

Несомненно, что данные факторы влияют на частеречную принадлежность производных лексических единиц. Например, в анализируемом нами ряду содержатся имена существительные (*россиянин, россиянка*), притяжательные прилагательные (*российский, всероссийский, общероссийский*), этнически маркированное наречие (*по-российски*). Обратимся к толкованию данных слов, что поможет нам выявить интегральный семантический компонент, объединяющий их в пределах одного словообразовательного гнезда: «РОССИЯНЕ Жители, граждане России *Россиянин, Россиянка*» [Большой толковый ... 2000, с. 1129]; «РОССИЙСКИЙ Относящийся к России, свойственный ей *Российская Федерация*» [Там же]; «ВСЕРОССИЙСКИЙ Охватывающий всю Россию, общий для всей России *Всероссийский съезд*» [Там же, с. 159]; «ОБЩЕРОССИЙСКИЙ Общий для всей России, всех русских; имеющий значение для всех русских *Общероссийская стачка*» [Там же, с. 691]. Значения данных лексем позволяют выявить следующий когнитивный признак концепта *Россия*: «относящийся к России, русский».

Данный когнитивный признак, на наш взгляд, как нельзя лучше показывает тесную взаимосвязь концептов *Россия* и *русский*. Будучи связанными между собой когнитивным признаком «относящийся к России, русский», концепты *Россия* и *русский* образуют единый многомерный и многокомпонентный лингвоментальный комплекс, основу которого составляют признаки, отражающие самосознание русского этноса и восприятие им родной страны – России. Подобная корреляция представляется весьма закономерной, поскольку понятия «государство», «страна», «общество» в сознании русской языковой личности неотделимы друг от друга.

В связи с этим мы можем утверждать, что концепт *русский* также представляет собой одну из ключевых единиц в русской языковой картине мира. На особую значимость данного концепта указывает и то, что именем его служит автоэтноним *русский* – самоназвание нации, являющееся, по словам Т.А. Сироткиной, «средством репрезентации когнитивной категории этничности» [Сироткина 2009, с. 74]. Наименования народов представляют собой «концептуализированную область языка и культуры, ядро которой образует концепт "этнический", тесно связанный с концептами "язык", "внешний вид", "вера", "материальная культура", "духовная культура"» [Там же].

Действительно, этноним – это не просто лексема со строго фиксированным словарным толкованием. Его значение формируют устоявшиеся, исторически обусловленные характеристики ментальных установок и поведенческих стереотипов именуемой им нации или народности. Так, исследования последних лет в сфере лингвистики доказывают идею о том, что «употребление этнонима вызывает в сознании свернутые в единый образ воспоминания о предшествующих контекстах его употребления, оценки соответствующих референтов и отношение к ним» [Кашкин, Пейхенен 2000, с. 62]. По этой причине концепт *русский* в языковой картине мира русского этноса обладает многослойной и многокомпонентной структурой, начавшей процесс своего оформления несколько столетий назад и обнаруживающей свое развитие и по сей день. посмотрим, какое значение имеет его ключевой репрезентант в русском языковом пространстве.

Как известно, один из самых первых фундаментальных словарей – это «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля, появившийся в России в XIX веке. Являясь ненормативным, данный тезаурус содержит большое количество диалектных, а подчас и просторечных, слов, отражающих картину жизни русского народа. Для нашего исследования примечательным является тот факт, что в Словаре В.И. Даля отсутствует слово *русский*, вместо которого здесь приводится лексема *русак*, определяемая следующим образом: «вообще русский человек, *русачка*, русская; || кто особенно *русит*, хочет быть русаком, *русанет* || *шуточн.* *Русеть*, делаться, становится русским. *Мордва вся русеет.* ||

Становиться русым. || *Русак*, русский заяц, серяк...» [Даль 2003, т. 4, с. 114]. Как видно из приведенной словарной статьи, в особенности из первой ее части, толкуемая здесь семантическая единица выступает синонимичной лексеме *русский*. Данная мысль подтверждается тем, что именно слово *русак* служит заглавием одного из очерков В.И. Даля, в котором автор воссоздает самобытный тип русского человека, отважного и умелого [Даль 1961]. В связи с этим можно говорить о том, что данная лексема в XIX столетии являлась одним из репрезентантов анализируемого нами концепта.

Но, несмотря на функционирование слова *русак* в русском языковом пространстве XIX века, лексема *русский* все же являлась наиболее употребительной и частотной. Рассмотреть структуру ее значения нам поможет словарь, составленный на основе языка произведений А.С. Пушкина. Так, в «Словаре языка Пушкина: в 4 т.» под редакцией В.В. Виноградова приводится следующая дефиниция исследуемого нами репрезентанта: «I. Человек русской национальности. *И вдруг пред ними на коне Черкес. Он быстро на аркане Младого пленника влачил. "Вот русской!" – хищник возопил.* Кавказский пленник. | Человек, обладающий чертами характера, психическим складом, свойственным русским. *Не забудь Фон-Визина писать «Фонвизин». Что он за нехрист? он русской, из перерусских русской.* Л.С. Пушкину. || Русский народ, нация [только мн. ч.]. *Надменный! кто тебя подвигнул? / Кто обуял твой дивный ум? / Как сердца русских не постигнул / Ты с высоты отважных дум? / Великодушного пожара / Не предузнав, уж ты мечтал, / Что мира вновь мы ждем, как дара; / Но поздно русских разгадал...* Наполеон. | О русском войске. *Казалось, Карла приводил / Желанный бой в недоуменье... / Вдруг слабым манием руки / На русских двинул он полки.* Полтава.

II. Прил. к *Россия*; относящийся, принадлежащий к русским. *Любовь и тайная Свобода / Внушали сердцу гимн простой, / И неподкупный голос мой / Был эхо русского народа.* К Н.Я. Полусковой. || Свойственный, характерный для России, русских. *И с каждой осенью я расцветаю вновь; / Здоровью моему полезен русской холод.* Осень. || Производимый, изготовляемый в России. *Они*

хранили в жизни мирной / Привычки милой старины; / У них на масленице жирной. / Водились русские блины. Евгений Онегин. || Написанный, изданный на русском языке. – *А разве есть русские романы?.. Пришли, батюшка, пожалуйста, пришли!* Пиковая дама. || Принадлежащий, свойственный русскому языку. *Бывало, писывала кровью / Она в альбомы нежных дев, / Корсет носила очень узкий, / И русской Н как N французский / Произносить умела в нос.* Евгений Онегин» [Словарь ... электронный ресурс].

Начиная с XX века, лексема *русский (русские)* занимает полноправное место на страницах толковых словарей. Так, значение данного слова в «Толковом словаре русского языка: в 4 т.» под редакцией Д.Н. Ушакова, отражающего реалии советской эпохи, представлено следующим образом:

«РУССКИЕ, русских, ед. русский, русского, м. Восточно-славянский народ, составляющий большинство населения СССР, великорусы. *Я – русский, я люблю молчанье дали мразной.* Фет.

РУССКИЙ, русская, русское. 1. Прил. к Русские. *Великий русский народ. О, великий, могучий, правдивый и свободный русский язык!* И.С Тургенев 2. Прил. к Россия и к Русь. *Русская история. Русская государственность*» [Толковый ... 1996, т. 3, с. 123].

Схожим оказывается толкование рассматриваемой лексической единицы в первом издании «Словаря современного русского литературного языка», в котором слово *русский* выступает также не только в роли прилагательного, но и в качестве наименования целого народа: «I. 1. Относящийся к Руси, России. [Вступление] *писано темным, изысканным слогом и своими противоречиями и многословием напоминает философическую статью о Русской истории, напечатанную в Московском телеграфе.* Пушкин. «История русского народа...» Полевого. 2. Относящийся к русским, принадлежащий им. *Как сильно билось русское сердце при слове Отчество!* Пушкин. Метель.

II. Восточно-славянский народ, составляющий основное население РСФСР и широко представленный в других республиках Советского Союза; представители этого народа. – *Нет, вы не русский после всего, что вы сейчас*

сказали! Я вас за русского признать не могу. Тургенев. Отцы и дети, 10» [Словарь... 1961, т. 12, стб. 1583-1585].

В современном «Толковом словаре русского языка» Д.В. Дмитриева *русский* – многозначная лексическая единица, рассматриваемая автором-составителем в трех ипостасях: выражающей принадлежность, именующей этнос и определяющей гражданство. Так, в данном тезаурусе находим следующую дефиницию: «1. Русским называют то, что происходит, имеет место в России. *Русская история. Русская природа.* 2. Русским называют того, чьи предки, родители говорили на русском языке и жили на территории России (Руси). *Русский народ. Русский барин, дворянин.* 3. Если кто-либо по паспорту русский, то это означает, что этот человек является гражданином России. 4. Русским называют какого-либо общественного, научного, культурного деятеля, чья работа является существенным вкладом в интеллектуальную сокровищницу России. *Знаменитый русский ученый. Великий русский поэт*» [Толковый ... 2003, с. 1156].

Итак, приведенные выше материалы толковых словарей позволяют сделать вывод о том, что ядро номинативного поля концепта *русский* составляют такие когнитивные признаки, как «восточно-славянский народ, составляющий большинство населения бывшего СССР и современной России», «относящийся к Руси, России».

Стоит отметить, что слово-репрезентант *русский* в вышеприведенных значениях входит в различные синонимические ряды, в каждом из которых оно, будучи семантически максимально емким, является стержневым, опорным словом, или доминантой. Так, синонимический ряд, в котором рассматриваемая нами лексема выступает в роли относительного прилагательного в «Словаре синонимов русского языка» З.Е. Александровой представлен следующим образом: «РУССКИЙ, российский» [Александрова 2001, с. 439]. Если мы обратимся к «Словарю синонимов современного русского языка» А.Ю. Кожевникова, то увидим, что к данному синонимическому ряду относятся также устаревший и сленговый варианты словоформы *русский*: «РУССКИЙ, великорусский (*устар.*), российский, русиш (*сленг.*)» [Кожевников 2009, с. 622].

Для того чтобы выявить интегральный признак рассматриваемого синонимического ряда, необходимо обратиться к дефинициям каждого из слов, его составляющих. Поскольку подробное истолкование лексемы *русский* было представлено выше, обратимся к определению прилагательного *российский*: «относящийся к России, свойственный ей» [Большой толковый ... 2000, с. 1129]. Исходя из значений членов данной лексической группы, можно выделить ее совокупный признак: «свойственный, характерный для России».

В своем «этническом» значении – «нация, народность» – слово *русский* входит в состав еще одного синонимического ряда. Так, в словаре З.Е. Александровой находим: «РУССКИЙ; русак (*разг.*); русопет, русопят (*прост.*); росс (*трад.-поэт.*); россиянин (*устар. и высок.*)» [Александрова 2001, с. 439]. Аналогичные синонимы приводятся и в тезаурусе А.Ю. Кожевникова: «РУССКИЙ, великоросс (*устар.*), великорус (*устар.*), росс (*трад.-поэт.*), россиянин, русак (*прост.*), руссиш (*сленг.*), русопет (*прост.*)» [Кожевников 2009, с. 622]. Итак, давайте посмотрим, какое значение имеют вышеперечисленные лексемы.

«Русак. *Простореч.* Человек с ярко выраженными чертами русского народного характера. *Один из наших извозчиков был русский ярославский мужик, другой – осетин; осетин вёл коренную под уздцы.., а наш беспечный русак даже не слез с облучка!* Лермонтов. Бэла» [Словарь... 1961, т. 12, с. 1574].

«Русопёт. *Простореч.* Простой русский человек, русак. *Я, господа, свои мысли и мнения высказываю прямо, потому что я человек прямой, настоящий русопёт и привык рубить с плеча. Да, я смело говорю всем в глаза: довольно нам стоять на задних лапах перед Европой.* Куприн. Корь» [Словарь... 1961, т. 12, с. 1580].

«Росс. *Устар. поэт.* Русский, россиянин. *Бесстрашный росс, пылая мстью, На грозные врагов полки Летал – и возвращался с честью.* Рылеев. Святослав» [Словарь... 1961, т. 12, с. 1472].

«Россиянин. Устар. Русский, российский гражданин. Дёрнуть ляха или казака за усы всё равно было, что схватить россиянина за бороду. Пушкин. Заметки о Полтаве» [Словарь... 1961, т. 12, с. 1473].

«Великорусы, *мн.* (*ед.* великорус) и великороссы, *мн.* (*ед.* великоросс). Самый многочисленный из трех восточно-славянских народов, говорящий на русском языке; то же, что русские. В России роль объединителя национальностей взяли на себя великороссы, имевшие во главе исторически сложившуюся сильную и организованную дворянскую военную бюрократию. Сталин. Марксизм и национальный вопрос» [Словарь... 1951, т. 2, стб. 145].

Приведенные лексические единицы, как мы можем заметить, отличаются друг от друга стилистической окраской (*русак, русопет, русопят* – простореч.), исторической перспективой (*россиянин, росс, великоросс, великорус* – устар.) и сферой употребления (*росс* – поэт., *русиш* – сленг.). Но такое различие не мешает выделить интегральный признак «представитель русского этноса», который объединяет приведенные выше слова в пределах одного ряда.

Итак, исходя из анализа синонимических связей леммы *русский*, мы можем утверждать, что в качестве репрезентантов соответствующего концепта в русской языковой картине мира выступают следующие слова: *великорусский, российский, рушиш, русак, русопет, русопят, росс, россиянин, великоросс*. Кроме того, изучение прямых номинаций концепта позволило выявить его когнитивные признаки – «свойственный, характерный для России», «представитель русского этноса», которые участвуют в формировании околоядерной зоны этой ментальной единицы.

Лексикографические данные при изучении концепта как нельзя лучше может дополнить анализ сочетаемости его лексических объективаторов с другими словами. Так, в «Словаре сочетаемости русского языка» П.Н. Денисова и В.В. Морковкина лемма *русский* рассматривается в двух значениях, в каждом из которых сочетается с достаточно обширным кругом слов:

«РУССКИЕ, *род.* русских, *ед.* русский, *род.* русского, *м.*

Нация в СССР, которая составляет основное население РСФСР; представители этой нации.

Характер, национальные черты, традиции, обычаи ... русских.

Уважать, знать, понимать ... русских. Быть, оказаться ... русским.

В русских (ценить что-либо). Для русских (характерно что-либо). К русским (относиться как-либо). О русских (знать что-л., писать, говорить). С русскими (встречаться, знакомиться, общаться). Среди русских (жить, расти). У русских (позаимствовать что-либо)

Кто-л. русский.

Я очень полюбил русских... Это люди, способные на грандиозные дела (А.Н. Толстой). И какой же русский не любит быстрой езды? (Гоголь).

РУССКИМ, русская, русское, русские.

Такой, который относится к Руси, к России; такой, который принадлежит русским, созданный ими, свойственный им.

Народ, человек, люди, женщина, девушка, писатель, художник, поэт, композитор, артист, балерина, интеллигент, демократ, рабочий, крестьянин, солдат, путешественник, пролетариат, рабочий класс, крестьянство, интеллигенция, общество, земля, степь, просторы, лес, природа, пейзаж, небо, зима, деревня, берёза, культура, наука, искусство, литература, история, архитектура, музыка, балет, живопись, поэзия, книга, газета, журнал, фольклор, обычай, характер, дух, душа, сердце, удаль, лицо, язык, слово, алфавит, грамматика, поговорка, сказка, песня, мелодия, танец, костюм, кухня, блюдо, гостеприимство, радушие ...

Чисто, истинно... русский.

Быть, оказаться ... русским.

Кто-л. русский; что-л. русское.

Ванда уже два года изучает русский язык. Как сильно билось русское сердце при слове Отечество (Пушкин). Ты девушка русская, значит, умеешь любить и ненавидеть до конца (А.Н. Толстой)» [Словарь... 1983, с. 488].

Как мы видим, лексема *русский*, объективирующая соответствующий концепт, на страницах «Словаря сочетаемости русского языка» раскрывает свою многозначность. Подтверждением данной мысли служат результаты анализа сочетаемости слова *русский*, которые позволяют выделить такие базовые компоненты содержания соответствующего концепта, как национальный (*русский народ, человек; русские люди; русская девушка, русская женщина*), социальный (*русский писатель, интеллигент, демократ, рабочий, крестьянин, солдат, путешественник, пролетариат, рабочий класс; русская интеллигенция; русское крестьянство*), этнический (*русский лес, пейзаж, обычай, характер, дух, язык; русская душа, удасть; русское сердце, гостеприимство, радушие, слово, лицо*), культурологический (*русский балет художник, поэт, композитор, артист, журнал, фольклор, танец, костюм; русская культура, балерина, наука, литература, история, архитектура, музыка, живопись, поэзия, книга, газета, поговорка, сказка, песня, мелодия, кухня; русское искусство*). В связи с этим можно сказать, что концепт *русский* обладает ценностным содержанием, так как отражает важные национальноспецифические аспекты жизнедеятельности русского народа.

Действительно, исследуемый нами концепт – один из ключевых в русской культуре. Согласно данным «Частотного словаря русского языка» Л.Н. Засориной, его ключевой репрезентант *русский* часто используется в художественных произведениях, научных текстах и публицистике. Так, на 1 миллион словоупотреблений его частотность составляет 514. Из них 208 встречаются в научных и публицистических текстах, 124 – в драматургии, 110 – в газетно-журнальных текстах, а 72 – в художественной прозе [Частотный ... 1977, с. 627].

Важность концепта *русский* для национальной языковой личности можно подтвердить и наличием большого количества словообразовательных связей его ключевого номинанта. Так, в «Словообразовательном словаре русского языка» А.Н. Тихонова находим следующие производные от данного имени прилагательного: *русист, русистский, русизм, нерусский, по-русски,*

псевдорусский [Тихонов 1990, с. 463]. А «Новый словообразовательный словарь русского языка...» приводит следующее деривационное поле лексемы *русский*: *русский, русская* (сущ.); *русеть, обрусеть, обрусение, обруселый; обрусить обрусение; нерусский; по-русски; русифицировать, русифицироваться, русификация, русификатор* [Тихонов 2014, с. 408]. Принимая во внимание тот факт, что производное слово – это «не только "единица извлечения, систематизации и хранения знаний человека о мире", но также фиксация *аксиологического* (курсив автора. – Т.К.) характера человеческого знания [Абросимова 2014, с. 12], приведем толкования вышеперечисленных производных лексем, аккумулирующих значимые для русского языкового сознания элементы смысла концепта *русский*: «РУСИСТ Специалист по русистике» [Словарь ... 1987, т. 3, с. 741]. «РУСТИСТИКА Совокупность наук, изучающих русский язык, литературу и культуру» [Там же]. «РУСИЗМ Слово или оборот речи, заимствованные из русского языка» [Там же]. «РУСЕТЬ Становиться русским по языку, обычаям, русифицироваться» [Там же]. «ОБРУСИТЬ Привить кому-либо русский язык, обычаи» [Словарь ... 1986, т. 2, с. 565]. «РУСИФИЦИРОВАТЬ Сделать (делать) русским по языку, обычаям» [Словарь ... 1987, т. 3, с. 741]. «РУСИФИЦИРОВАТЬСЯ Стать (становиться) русским по языку, обычаям, обрусеть (русеть)» [Там же]. «РУСИФИКАТОР 1. Тот, кто вводит русский язык, обычаи, культуру (обычно насильственно). 2. *Информ.* Программа компьютера, предназначенная для работы с использованием русского языка» [Большой толковый ... 2000, с. 1134].

Данные производные слова, наделенные «способностью *сохранять* (здесь и далее курсив автора. – Т.К.), удерживать первоначальный смысл, а также «запускать» процесс появления смыслов» [Абросимова 2014, с. 11], позволяют выявить такой когнитивный признак концепта *русский*, как «приобщенный к национальной культуре, традициям, обычаям».

Проанализировав материалы различных энциклопедических и лингвистических словарей, мы убедились в том, что лингвоментальный комплекс *Россия/русский* обладает многокомпонентной и многослойной структурой, о чем

свидетельствуют разнообразные когнитивные признаки образующих его концептов.

Так, содержание концепта *Россия* выстраивается вокруг ядерных когнитивных признаков «федеративное государство, расположенное в Европе и Азии», «страна, большинство населения которой составляют русские». Околоядерную зону составляют компоненты «страна, в которой родился человек и гражданином которой является», «страна, которую любит человек, в ней проживающий», а на периферии находится когнитивный признак «относящийся к России, русский».

Структура концепта *русский*, в свою очередь, выстраивается вокруг таких ядерных когнитивных признаков, как «восточно-славянский народ, составляющий большинство населения бывшего СССР и современной России», «относящийся к Руси, России». Околоядерную зону занимают компоненты содержания «свойственный, характерный для России», «представитель русского этноса», а периферия представлена признаком «приобщенный к национальной культуре, традициям, обычаям».

Стоит отметить, что все приведенные когнитивные признаки, входящие в структуру лингвоментального комплекса *Россия/русский* группируются вокруг таких сегментов, как «государство» (например, «федеративное государство, расположенное в Европе и Азии»), «страна» (например, «страна, большинство населения которой составляют русские»; «страна, в которой родился человек и гражданином которой является»; «страна, которую любит человек, в ней проживающий»), «общество» (например, «восточно-славянский народ, составляющий большинство населения бывшего СССР и современной России»; «представитель русского этноса»).

В ходе нашего исследования стоит отметить, что под сегментом мы понимаем структурные ячейки лингвоментального комплекса, в пределах которых группируются структурные компоненты, связанные определенным смысловым единством. Связь этих сегментов, говоря словами О.В. Евтушенко, «обнаруживается на семантическом уровне» [Евтушенко 2007 б, с. 624]. Так,

сегмент «государство» позволяет говорить о России как о «политической организации общества во главе с правительством и его органами, с помощью которой господствующий класс осуществляет свою власть, обеспечивает охрану существующего порядка и подавление классовых противников, а также страна с такой политической организацией» [Словарь ... 1985, т. 1, с. 339]: «*Мир подписан только со стороны России; немцы отказались подписать*» (И.А. Бунин «Окаянные дни») [Бунин 1991]. Сегмент «страна» объективирует представление о нашей стране как о «местности, территории, выделяемой по географическому положению и природным условиям» [Словарь ... 1988, т. 4, с. 281]: «*Есть в России город Луга / Петербургского округа...*» (А.С. Пушкин «Есть в России город Луга...») [Пушкин 1959, т. 1]. Сегмент «общество», в свою очередь, содержит информацию о «совокупности людей, объединенных общими для них конкретно-историческими условиями материальной жизни» [Словарь ... 1986, т. 2, с. 577]: «*А я как давно, еще с гостинок у старца Памвы, имел влечение воедино одушевиться со всею Русью...*» (Н.С. Лесков «Запечатленный ангел») [Лесков 1957, т. 4].

Таким образом, мы можем утверждать, что лингвоментальный комплекс *Россия/русский* кодирует и транслирует комплексную информацию об отражаемых им объектах действительности и включает в свое содержание комплекс представлений о России, актуальный для языковой картины мира русского народа. Это, безусловно, указывает на историческую и этнокультурную ценность данного лингвоментального комплекса.

§ 2. Ассоциативное поле как средство вербализации лингвоментального комплекса *Россия/русский*

Уникальным источником для описания лингвоментального комплекса *Россия/русский* является «Русский ассоциативный словарь» [Русский ... 2002], который помогает «выявить элементы, входящие в "образ мира", восстановить систему аксиологических образцов и ценностных ориентиров» [Там же, с. 7]

русской языковой личности. По мнению А.А. Леонтьева, если исследователю необходимо найти источник, «с наибольшей объективностью позволяющий вскрыть "культурную" специфику словарных единиц, вскрыть те побочные, непосредственно не релевантные для общения семантические связи, которое имеет данное слово, его семантические "обертоны"» [Леонтьев 1969, с. 121], то именно таким источником будет ассоциативный словарь, основывающийся на результатах ассоциативного эксперимента.

Сущность данного эксперимента состоит в следующем: человеку предлагается определенное слово, на которое ему необходимо реагировать одним или несколькими (в зависимости от установок эксперимента) лексемами, возникшими в его сознании. Эти лексемы называются ассоциациями и трактуются в современной когнитивистике как «связывание двух явлений, двух представлений, двух объектов и т.п., обычно – стимула и сопровождающей его реакции» [Кубрякова 1997, с. 13]. Представляется необходимым дополнить предложенную дефиницию данными из современной психологии, где под ассоциацией понимается «возникшая в опыте индивида закономерная связь между двумя содержаниями сознания (ощущениями, представлениями, мыслями, чувствами и т. п.), которая выражается в том, что появление в сознании одного из содержаний влечет за собой и появление другого» [Психологический ... 1996, с. 4].

Как считает Н.В. Уфимцева, ассоциации, возникающие на то или иное слово-стимул, представляют собой «не только фрагмент вербальной памяти человека, но и фрагмент образа мира того или иного этноса, отраженного в сознании "среднего" носителя той или иной культуры, его мотивов и оценок и, следовательно, его культурных стереотипов» [Уфимцева 1996, с. 140]. Действительно, ассоциации испытуемых отражают мировидение носителей языка, присущее им как представителям русского лингвокультурного пространства. По мнению ученых, слова-реакции несут «фиксированное в коллективном национальном сознании фактическое, констатирующее знание носителя языка о мире, мире таком, каков он есть» [Караулов 2015, с. 19]. Иначе говоря, в своей совокупности они передают определенную, этнически маркированную модель действительности,

описывающую опыт языковой личности «как создателя и потребителя текстов и отражающую структуру "разумночеловеческого общения"» [Уфимцева 2013, с. 124].

Исходя из вышесказанного, мы можем утверждать, что ассоциативные поля концептов *Россия* и *русский*, образующих соответствующий лингвоментальный комплекс, представляют собой фрагменты наивно-языкового образа мира, фиксирующие доминантные для национального сознания понятия и связи между ними. Этот материал, как считает Л.Н. Чурилина, «не организован логически и иерархически, он представляет собой "мозаический набор скрытых в языковых структурах, конструкциях и текстах сведений и умозаключений об устройстве мира, мотивировки которых зачастую опираются только на традицию, общепринятость, устойчивость, воспроизводимость и повторяемость, – на прецедент» [Чурилина 2011, с. 221]. Будучи нелинейным текстом, или гипертекстом, ассоциативное поле позволяет не только выделить круг понятий, наиболее значимых для русской языковой личности, но и обозначить актуальные для современного языкового сознания когнитивные признаки лингвоментального комплекса *Россия/русский*.

Необходимо отметить, что выявление релевантных когнитивных признаков осуществляется при помощи анализа отношений между словом-стимулом (ключевым репрезентантом) и лексемами-ассоциатами. Подобный анализ может быть формальным и содержательным. В рамках формального исследования, по утверждению лингвистов, «обычно рассматривают фонетические и словообразовательные ассоциации» [Миронова 2011, с. 109]. Содержательное изучение ассоциаций, в свою очередь, «состоит в выделении двух (парадигматических и синтагматических) или чаще трех (и тематических) типов отношений между стимулом и реакцией с последующим их более тщательным анализом» [Там же]. В нашей работе мы пойдем по пути содержательного исследования ассоциаций (с выделением трех типов отношений) с их последующей когнитивной интерпретацией, которая, как утверждают языковеды, «представляет собой выявление когнитивных признаков, формирующих исследуемый концепт как ментальную единицу» [Попова 2010, с. 262].

Так, ассоциативное поле концепта *Россия* в «Русском ассоциативном словаре» представлено следующими словами, расположенными в порядке убывающей частотности: «*страна 23; родина 16; мать 8; молодая 7; матушка 5; наша, флаг 3; великая, государство 2; березка, беспредел, больная, большая, будущее, величие, в нищете, во мгле, восстанавливается, выругаться, гордость, гостиница, Грузия, держава, Ельцин, звезда, концертный зал, лес, любимая, мать ваша, мир, многострадальная, может выжить, Москва, моя, наша Родина, нашла себя, не знаю, помойка, простор, родина наша; родина, отечество, патриотизм; Русь, свободная, СНГ, телевизор, терпение, 90-х 1*» [Русский ... 2002, с. 561].

В составе названного поля зафиксировано 109 реакций, из них 86 реакций парадигматического типа и 23 – синтагматического. Парадигматические связи концепта *Россия* реализуются в таких словах-реакциях, как *страна, родина, мать, матушка, флаг, государство, березка, беспредел, будущее, величие, выругаться, гордость, гостиница, Грузия, держава, Ельцин, звезда, концертный зал, лес, мать ваша, мир, Москва, наша Родина, не знаю, помойка, простор, родина наша, родина, отечество, патриотизм, Русь, СНГ, телевизор, терпение*. Синтагматические связи рассматриваемого концепта актуализируются посредством ассоциатов *молодая, наша, великая, больная, большая, в нищете, во мгле, восстанавливается, любимая, ваша, многострадальная, может выжить, моя, наша, нашла себя, свободная, 90-х*. Необходимо отметить, что в нашем исследовании мы пойдем вслед за Л.Н. Чурилиной и при выделении тематических типов слов-реакций, а также при их когнитивной интерпретации не будем проводить границы между приведенными лингвистическими связями, «поскольку те и другие в той или иной мере основываются на "взаимодействии денотата (или сигнификата) слова-стимула с другими объектами реального мира", или "отражении этого взаимодействия с сознанием субъекта"» [Чурилина 2011, с. 222].

Проанализировав ассоциативное поле концепта *Россия*, мы можем говорить о том, что его образуют типовые слова-реакции, в большинстве своем относящиеся к таким сегментам лингвоментального комплекса *Россия/русский*, как «государство» и «страна». Например, сегмент «государство» объективируется лексемами *флаг,*

государство, Грузия, Ельцин, СНГ, беспредел, а «страна» – страна, родина, наша, великая, березка, большая, величие, в нищете, во мгле, восстанавливается, гордость, держава, лес, любимая, может выжить, Москва, моя, наша Родина, нашла себя, простор, родина наша; родина, отечество, патриотизм. Что же касается сегмента «общество», то он репрезентируется словами-реакциями, входящими в состав ассоциативного поля концепта *русский*, о результатах исследования которого также пойдет речь в нашей работе.

Если же мы обратимся к ассоциативному полю концепта *Россия*, то увидим, что его составляют типовые слова, отражающие наиболее устойчивые связи концепта, характерные для русского языкового сознания конца XX столетия. Так, самой частотной реакцией выступает лексема *страна*, что представляется вполне закономерным, так как она отражает нормативное и общепризнанное значение имени *Россия*, зафиксированное в толковых словарях: «Россия – это государство, расположенное в Европе и Азии; страна, в которой большинство населения составляют русские» [Большой толковый ... 2000, с. 1129]. К этому ассоциату примыкают сходные с ним по значению слова-реакции *государство* и *держава*, характеризующие Россию как определенным образом организованное социокультурное пространство с государственным суверенитетом и четко очерченными территориальными границами. Актуализации подобного восприятия родной страны способствуют и такие ассоциаты, как *флаг, Грузия, Ельцин, Москва, СНГ*.

Так, слово-реакция *флаг* указывает на один из важнейших государственных символов Российской Федерации, который является средством идентификации и дифференциации нашей страны в рамках международного геополитического пространства. Ассоциат *Грузия* именуется государство, связанное с Россией многовековыми дипломатическими отношениями, в которых имело место как тесное сотрудничество, так и полный антагонизм. Имя собственное *Ельцин* – это фамилия первого президента России – ключевой политической фигуры 1991-1999 гг. Реакция *Москва* в данном ряду также не оказывается случайной. Москва – это столица Российской Федерации, ее государственно-правовой и культурный центр, с которым

связаны многие исторические события, повлиявшие на формирование самосознания, традиций и обычаев русского народа. И, наконец, ассоциат *СНГ* – это наименование Союза Независимых Государств – «политического союза государств, образованного частью бывших советских республик после распада СССР в 1991 г.» [Там же, с. 1221].

Таким образом, ассоциаты *страна, государство, держава, флаг, Грузия, Ельцин, Москва, СНГ* вербализуют представление русского человека о России как о структурированном геополитическом пространстве, наделенном суверенитетом и обладающим специальным управленческим аппаратом.

В ядро ассоциативного поля концепта *Россия* входит и слово-реакция *родина*, а также словосочетания, в составе которых употребляется эта лексема – *наша Родина* и *родина наша*. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что русский народ ощущает свое духовное родство с Россией и, несмотря ни на что, остается преданным и верным своей Отчизне. О душевной сопричастности национальной языковой личности к судьбе своей страны говорят также и такие ассоциаты, как *отечество, наша, моя, патриотизм*. Приведенные лексеммы, на наш взгляд, как нельзя лучше подтверждают утверждение исследователей о том, что «для русского народа характерно раннее осознание своего национального "я". Это осознание начинается с чувства принадлежности человека не просто к племени или месту рождения, но к государству или большой территории, которая понимается им как его земля, земля его предков, за которую он готов положить свою голову» [Святая Русь ... электронный ресурс]. Иными словами, Россия-родина в языковой картине мира русского народа предстает как предел расширения личностного пространства человека, включающего все то, что он считает своим, имеющим непосредственное отношение как к духовной, так и к материальной сторонам его жизнедеятельности.

Русский человек ощущает не только духовное, но и кровное родство со своей страной – этим и объясняется появление слов-ассоциатов *мать* и *матушка*. Данные слова, как отмечает «Большой толковый словарь русского языка» С.А. Кузнецова, помимо своего прямого и основного значения – «женщина по отношению к

рожденным ею детям» [Большой толковый ... 2000, с. 525] – имеют еще и традиционно-народную интерпретацию, актуальную в рамках нашего исследования: «О том, что является родным, близким, дорогим, представляя собой какую-либо духовную ценность. *Мать-родина. Мать-земля русская. Волга-мать*» [Там же, с. 526]. А в «Словаре русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой интересующая нас дефиниция лексемы *мать* сформулирована следующим образом: «перен. (в приложении, обычно со словами «земля», «родина», «Россия» и т. п.). *Народно-поэт.* Употребляется как постоянный эпитет» [Словарь ... 1986, т. 2, с. 238]. Действительно, образ России-матери, репрезентированный при помощи ассоциатов *мать* и *матушка*, – это один из ключевых компонентов русской национальной культуры, получивший отражение во многих ее областях: в художественной литературе, искусстве, военной пропаганде, политической риторике.

На наш взгляд, традиционное метафорическое, художественное отождествление России с женщиной-матерью находит свое яркое воплощение в творчестве русских писателей. Так, в XIX в. Н.А. Некрасов в стихотворении «Свобода» восклицал: «**Родина мать!** по равнинам твоим / Я не ездил еще с чувством таким!» [Некрасов 1981, т. 2]. Великому поэту вторил и П.П. Ершов, также считавший Россию матерью русского народа: «**Не забыта мать-Россия** / У небесного царя / Всюду реки медовые / И молочные моря» («Не забыта мать-Россия...») [Национальный корпус русского языка].

Позднее, в XX веке, образ Родины-матери в своем творчестве воспевал С.А. Есенин, который в поэме «Пугачев» писал: «**За Россию нам, конечно, больно,** / **Оттого, что нам Россия – мать**» [Есенин 1991, т. 1]. Как родную мать воспринимал нашу страну и другой поэт серебряного века, известный под псевдонимом Саша Черный: «**О, мать моя, Россия, Русь,** / **Незыблем трон твой златоглавый,** / **Люблю тебя, тобой горжусь,** / **Многострадальной и державной**» («О, мать моя, Россия, Русь...») [Национальный корпус русского языка].

Итак, можно отметить, что в ассоциативном поле концепта *Россия* находит свое отражение национальная персонификация нашего государства. Россия в

русском лингвокультурном пространстве зачастую мыслится именно как женщина, мать, воспитавшая и взлелеявшая своего ребенка – русский народ. Это еще раз подчеркивает, насколько значимым для русской языковой личности является анализируемый нами концепт.

Интересным представляется то, что в ядро ассоциативного поля рассматриваемой нами ментальной единицы входит слово-реакция *молодая*, отсылающее нас к прецедентному имени «Россия молодая» – названию многосерийного фильма 1981-1982 гг., снятого под руководством Ильи Гурина и рассказывающего об эпохе правления великого российского императора Петра I. Являясь экранизацией одноименного романа Юрия Германа, эта историческая драма повествует о подвиге русских людей, спасших от нашествия шведов Архангельск – город, в котором протекало строительство русского флота. Фильм «Россия молодая» стал символом крепости и непоколебимости русского народа и всей России, поэтому в сознании носителей языка оказывается тесно связанным с наименованием нашего государства.

Особую группу слов-реакций составляют лексемы *березка*, *лес*, *простор*, воплощающие представление носителей языка об особенностях природно-климатического и территориального устройства России, которая в русском языковом сознании мыслится как обширное и свободное пространство (на что указывает ассоциат *простор*), часть которого приходится на большие участки земли, покрытые деревьями (о чем свидетельствует реакция *лес*). Самым «русским» деревом, безусловно, является береза – один из главных символов России, исконно олицетворяющий красоту, невинность, добросердечие русской девушки. Кроме того, образ березы в лингвокультурном пространстве нашего народа стал воплощением самобытности России, ее многовекового уклада, национальных обычаев и традиций. Будучи ключевым, образ березы находит воплощение в различных областях духовного творчества русского этноса. Так, о березе писали многие русские поэты: А.А. Фет («Печальная береза...»), С.А. Есенин («Береза»), И.А. Бунин («Северная береза»), Н.М. Рубцов («Березы») и мн. др. Кроме того, это дерево на своих полотнах изображали лучшие художники

России. Примером могут служить такие картины, как «Золотая осень» И.И. Левитана, «Березовая роща» А.И. Куинджи, «Береза и рябинки», «Ручей в березовом лесу» И.И. Шишкина, «Березовая аллея» И.Э. Грабаря.

Понятие России в русских пробуждает много эмоций, что, конечно же, отражается и на ассоциативном ряде. Так, можно выделить две полярные группы лексем-реакций. К первой относятся положительные ассоциации, выражающие чувства любви, восхищения и гордости, например, *великая, любимая, величие, гордость, свободная*. Ко второй группе, напротив, примыкают слова, отражающие негативное отношение русских людей к реалиям российской действительности: *беспредел, больная, в нищете, во мгле, выругаться, помойка*. Данные слова-ассоциаты показывают, что для русской языковой личности характерно очень открытое и эмоциональное отношение к своей стране.

Как мы видим, ассоциативное поле концепта *Россия* отличается тематическим многообразием слов-реакций, каждое из которых определенным образом участвует в организации лингвоментального комплекса *Россия/русский*. В связи с этим следующим этапом нашего исследования будет «обобщение семантических признаков, выявленных при анализе семантики языковых единиц, образующих номинативное поле концепта, и формулирование тех когнитивных (ментальных) признаков концепта, которые репрезентируются различными, но сходными по семантике языковыми средствами» [Попова 2010, с. 262]. Отметим, что при обобщении и систематизации результатов ассоциативного эксперимента мы пошли вслед за З.Д. Поповой и И.А. Стерниным, согласно которым, «сначала приводится когнитивный признак, затем указывается, каким количеством ассоциатов он объективирован в эксперименте, затем приводятся языковые единицы, значение которых обобщено в ходе когнитивной интерпретации данным когнитивным признаком» [Там же].

Так, проведенная нами интерпретация ассоциативного поля концепта *Россия* позволяет выделить следующие когнитивные признаки лингвоментального комплекса *Россия/русский*:

– «Своя по рождению, по духу, по привычкам» [Ожегов 2008, с. 550] 37: *родина* 16, *мать* 8, *матушка* 5, *наша* 3, *моя*, *наша Родина*, *родина наша*, *родина*, *отечество* 1.

– «Обладающая выдающимися свойствами, внушающими преклонение, уважение» [Там же, с. 72] 10: *великая* 2, *большая*, *величие*, *гордость*, *звезда*, *любимая*, *нашла себя*, *простор*, *патриотизм* 1.

– «Бессильная, находящаяся в состоянии упадка, отсталая» 6: *беспредел*, *больная*, *в нищете*, *во мгле*, *выругаться*, *помойка* 1.

– «Способная безропотно переносить что-нибудь (страдание, боль, неприятное, нежелательное)» [Там же, с. 636] 4: *восстанавливается*, *многострадальная*, *может выжить*, *терпение* 1.

Широк и многообразен также и состав ассоциативного поля концепта *русский*: «язык 29; человек 16; мужик 6; еврей 4; Иван 3; Ваня, дурак, дух, характер, эмигрант 2; бизнес, большой, Ванька, вера, ветер, друг, квас, композитор, конь, красивый, красная рубаха, лень, лес, мало, мешочник, Москва, народ, национальность, немец, нерусский, образ мыслей, орёл, остров, паспорт, поэт, птица-тройка, ресторан, розовое, свой, сильный, советский, совок, стиль, театр, турецкий, уважение, узкий, умный, французский, шовинизм, я 1» [Русский ... 2002, с. 564].

В составе приведенной дефиниции зафиксировано 109 ассоциатов, из них 35 реакций парадигматического типа и 74 – синтагматического. Парадигматические связи концепта *русский* эксплицируются ассоциатами *еврей*, *Иван*, *Ваня*, *дурак*, *большой*, *Ванька*, *вера*, *ветер*, *красивый*, *красная рубаха*, *лень*, *мало*, *Москва*, *национальность*, *немец*, *нерусский*, *птица-тройка*, *розовое*, *свой*, *сильный*, *советский*, *совок*, *турецкий*, *уважение*, *узкий*, *умный*, *французский*, *шовинизм*, *я*. Синтагматические связи, в свою очередь, объективируются лексемами *язык*, *человек*, *мужик*, *дух*, *характер*, *эмигрант*, *бизнес*, *ветер*, *друг*, *квас*, *композитор*, *конь*, *лес*, *мешочник*, *народ*, *образ мыслей*, *орел*, *остров*, *паспорт*, *поэт*, *ресторан*, *стиль*, *театр*.

Представленные в «Русском ассоциативном словаре» слова-реакции относятся к концепту *русский* как в случае его объективации этнонимом (например, *человек*,

национальность, еврей, народ, немец, нерусский), так и при объективации его именем прилагательным (например, *дух, характер, ветер, образ мыслей, стиль, шовинизм, лес*). При этом лексемы, входящие в рассматриваемое ассоциативное поле, служат одним из средств актуализации сегмента «общество» лингвоментального комплекса *Россия/русский*. Так, например, слова-реакции *человек, мужик, народ, национальность* позволяют говорить о нашей стране как о совокупности людей, проживающих на одной территории и объединенных едиными ментальными установками.

Итак, обратимся к анализу ассоциативного поля концепта *русский*. Стоит отметить, что его ядро образуют типовые и стандартные ассоциаты, отражающие его наиболее устойчивые парадигматические и синтагматические связи. В этой связи особенно интересным является то, что на стимул *русский* самой частотной оказалась реакция *язык*. Рассматриваемый ассоциат свидетельствует о том, что в русском лингвокультурном пространстве именно *язык* выступает как важнейший этнообразующий компонент, как средство национальной самоидентификации. По мнению В.В. Щеулина, «русский язык сохраняется как система ценностей, накопленных предками, как интеллектуальная сила, которая собиралась в течение веков в зоне ноосферы – общего мыслительного пространства, овеществленного в категориях и формах родного языка» [Щеулин 2008, с. 9]. Русский язык – это родной язык нашего народа, духовно формирующий нацию и определяющий ее самосознание; это неотъемлемая часть русской культуры, представляющая собой совокупность всех результатов творческой деятельности народа и в материальной, и в духовной сфере. Русская языковая личность на протяжении всей жизни открывает новые грани родного языка и постигает хранящийся в нем культурный код, ощущая при этом неоспоримую ценность и значимость родного слова в своей жизни. Этим и обуславливается высокая частотность рассматриваемого ассоциата.

Показательно, что в рассматриваемом ассоциативном поле присутствуют лексемы *человек* и *мужик*. Дело в том, что русский человек, равно как и русский мужик, – это не только представитель русской нации, но и носитель неповторимых, своеобразных свойств и качеств национального менталитета, в

котором запечатлен этнический код русского народа, обуславливающий поведенческие и мировоззренческие установки жителей России как единой социально-политической общности. Русский человек – человек сердца и совести. Для него характерна открытость, доброта, общительность. Но это далеко не все грани его характера. Так, философ И.А. Ильин отмечает: «Благодушен, лёгок и даровит русский человек: из ничего создаст чудесное... <...> И не он сделает; а как-то "само выйдет", неожиданно и без напряжения; а потом вдруг бросится и забудется» [Ильин 1995 с. 6]. Другой русский мыслитель Н.О. Лосский пишет: «У русского народа высоко развито индивидуальное личное и семейное общение. В России нет чрезмерной замены индивидуальных отношений социальными, нет личного и семейного изоляционизма» [Лосский 1996, с. 28].

На наш взгляд, ассоциаты *человек* и *мужик* находятся в тесной связи со словами-реакциями *характер* и *образ мыслей*, которые еще раз свидетельствуют о том, что в национальном культурно-языковом сознании русский человек наделяется самобытными чертами.

Интересно, что в качестве одной из определяющих черт русского национального характера выступает лень, на что указывает наличие соответствующей лексемы в ассоциативном поле. Действительно, без данного свойства трудно себе представить русского человека, который «может браться то за одно, то за другое дело, ни одно из них не доводит до конца, затем теряет цель в своей жизни и погружается в лень и апатию» [Скрыльникова 2008, с. 266]. Философ Н.О. Лосский считает, что русский человек очень болезненно воспринимает недостатки как своей собственной, так и чужой трудовой деятельности, в связи с чем «возникает охлаждение к начатому делу и отвращение к продолжению его; замысел и общий набросок его часто бывает очень ценен, но неполнота его и потому неизбежные несовершенства отталкивают русского человека, и он ленится продолжать отделку мелочей» [Лосский 1991, с. 271]. Как бы то ни было, остается бесспорным, что «лень является одной из важных характеристик русского народа» [Скрыльникова 2008, с. 266], без которой трудно представить себе как русского человека, так и всю русскую жизнь.

На одно из доминирующих качеств нашего этноса указывает и ассоциат *вера*, свидетельствующий о том, что в рамках национального языкового сознания русский – человек, «признающий существование Бога, верящий в Бога; религиозный, набожный» [Большой толковый ... 2000, с. 120]. Действительно, «на протяжении почти тысячи лет религиозность составляла сердцевину русского архетипа» [Сергеева 2004, с. 188], о чем неоднократно говорили русские мыслители. Так, согласно Н.О. Лосскому, «основная, наиболее глубокая черта характера русского народа есть его религиозность и связанное с нею искание абсолютного добра, следовательно, такого добра, которое осуществимо в лишь в Царствии Божием» [Лосский 1991, с. 240]. Философу вторит и И.А. Ильин: «... Россия дала нам религиозно-живую, религиозно-открытую душу. <...> Она вечно прислушивается к поддонным колоколам Китежа; она всегда готова начать паломничество к далекой и близкой святыне; она всегда стремится религиозно принять и религиозно осмыслить мир. Православие научило нас освящать молитвой каждый миг земного труда и страдания... Оно научило нас желанию быть *святою Русью*... (курсив автора. – Т.К.)» [Ильин 1995 с. 7-8]. Несомненно, православие существенно повлияло на жизнь русского народа, который долгое время строил свою жизнь, исходя из церковных канонов. Вера облагораживала человека, пробуждала в его душе любовь к окружающему миру, помогала выстоять против бед и невзгод. Именно поэтому она воспринималась русским этносом как чудодейственная спасительная сила, которая оберегает на протяжении всей жизни. Такое представление о вере мы можем найти в пословицах и поговорках, например: «*С верой нигде не пропадешь; Вера спасает; Вера животворит; Вера и гору с места сдвинет*» [Даль 2003 т. 1, с. 332].

Православие и сейчас имеет большое значение в жизни российского общества. Но, по словам А.В. Сергеевой, «есть основания утверждать: *истоки религии в России утрачены* (курсив автора. – Т.К.), возможно, надолго, если не навсегда» [Сергеева 2004, с. 189]. Тем не менее, даже если всепроницающая религиозность русского народа и ушла в прошлое, все же нельзя говорить о ее бесследном исчезновении. Русская вера продолжает жить в языке. Так, каждый

человек произносит «спасибо», и при этом «бессознательно формально обращается к Богу, прося помочь ему и спасти: в средние века благодарность произносилась как "спаси (тебя) Бог"» [Там же]. Зачастую мы произносим и такое актуальное для современного языкового сознания выражение, как *Креста на тебе нет*, в котором лексема *крест* – это «синоним слова *совесть*, человеку "с крестом" можно доверять, крест – это как бы гарантия того, что он "свой" и не сделает тебе плохого» [Там же].

Интересными представляются такие слова-ассоциаты, как *большой, ветер, конь, лес, орёл*, которые также раскрывают некоторые грани русского национального характера, поскольку, по мнению лингвистов, «соответствуют известному стереотипу русского человека – так называемой широкой русской натуре» [Гончарова, Шалатонина 2009, с. 123]. Стоит отметить, что данный феномен – достаточно многогранное и многоаспектное проявление народного духа, о чем свидетельствуют результаты исследований А.Д. Шмелева [Шмелев 2002] и А.А. Мельниковой [Мельникова 2003]. По утверждению ученых, штамп «широкая русская душа» используют при характеристике человека, «любящего "широкие" жесты, действующего с размахом (курсив автора. – Т.К.), возможно, живущего на широкую ногу» [Мельникова 2003, с. 161]. Кроме того, рассматриваемый поведенческий стереотип предполагает осуществление своих внутренних желаний и порывов и отсутствие сдержанности в проявлении своих чувств и эмоций. Понятие «широкой природы» может также включать в себя тягу к крайностям и противоположностям. Причину такой «широты» некоторые авторы видят в бескрайних просторах России. Подобного мнения, например, придерживался Н.А. Бердяев, согласно которому «необъятные русские пространства находятся и внутри русской души и имеют над ней огромную власть» [Бердяев 1990, с. 63]. Философ говорит о том, что «широк русский человек, широк как русская земля, как русские поля. <...> Огромность русских пространств не способствовала выработке в русском человеке самодисциплины и самостоятельности, – он расплывался в пространстве» [Там же, с. 64]. Интересная точка зрения высказана и А.А. Мельниковой, которая считает язык одним из

факторов, обусловивших возникновение феномена широкой русской души, так как «отсутствие в нём "верховного" сдерживающего начала в виде жёсткой структуры предложения выливается в отсутствие жёстких интериоризированных ограничений для проявления различных свойств человеческой натуры» [Мельникова 2003, с. 164].

Необходимо обратить внимание на то, что слово *русский*, объективирующий соответствующее соответствующий концепт, ассоциируется у носителей языка с другими этнонимами и производными от них: *еврей, немец, нерусский, турецкий, французский*. Подобные реакции образуют со словом-стимулом оппозицию «свой – чужой», лежащую в основе формирования национальной идентичности. Кроме того, наличие в ассоциативном ряду лексемы *свой* подтверждает мысль Ю.С. Степанова о том, что данное «противопоставление в разных видах пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения» [Степанов 2004, с. 126]. Ученые считают, что деление мира на «свой» и «чужой» представляет собой один из основных семиотических принципов, который берет свое начало в глубокой древности. Данное противопоставление разделяет общество, исходя из множества кровно-родственных, этнических, языковых, национальных, религиозных признаков, характерных для той или иной группы людей. При этом типичной для общенационального сознания является интерпретация оппозиции «свой – чужой» в виде оппозиции «хороший – плохой», где резко отрицательной оценкой наделяется все то, что принадлежит «чужому» миру.

Особое место в исследуемом ассоциативном поле, на наш взгляд, занимает имя собственное *Иван* и его производные *Ваня, Ванька*. Иван – в прошлом самое распространённое крестьянское имя, которое, по утверждению учёных, «в силу своей широкой употребительности приобрело репрезентативный смысл, стало символом русского человека, крестьянина (как и фамилия *Иванов*)» [Верещагин, Костомаров 2005, с. 108]. В русском фольклоре Иван выступает как излюбленный герой сказок: *Иван-царевич, Иван-дурак, Иванушка-дурачок*. В связи с этим исследователи отмечают, что «поскольку *Иван* – все-таки дурак, антропоним *Ваня*

стал апеллятивом – так называют простеца, недалёкого человека» [Там же]. Например, в рассказе В.М. Шукшина «Непротивленец Макар Жеребцов» главный герой Иван Соломин хочет назвать своего новорожденного сына Иваном, чему отчаянно противится его жена: *«Иванов нынче осталось – ты да Ваня-дурачок в сказке. Умру – не дам Ванькой назвать! Сам как Ваня-дурачок»* [Национальный корпус]. А в дальнейшем Соломину говорят: *«Эх ты, Ваня и есть»* [Там же].

В свете данных размышлений показательным представляется то, что в ассоциативном поле концепта *русский* мы находим лексему *дурак*. Согласно «Толковому словарю живого великорусского языка» В.И. Даля, дурак – это человек, наделенный следующими признаками: «глупый, тупица, тупой, непонятливый, безрассудный. Малоумный, безумный, юродивый. Шут, промышляющий дурью, шутовством» [Даль 2003, т. 1, с. 501]. По мнению В.А. Масловой, при помощи данной лексики, ставшей ругательством в русском лингвокультурном пространстве, «выделяют не столько определенную группу людей, обладающих рядом характерных признаков, сколько квалифицируют поведение любого человека в случае нарушения им различных социальных стереотипов» [Маслова 2004, с. 154].

Дурак – это, пожалуй, один из самых ярких и самобытных фольклорных героев, которого никто не воспринимает всерьёз. Будучи очень ленивым и недалёким, он целыми днями бьёт баклуши и лежит на печи. Сказочный дурак (Емеля или Иван) ничего не хочет, ни к чему не стремится. Его поступки, противоречащие всем законам здравого смысла, в восприятии других людей кажутся абсурдными и глупыми, но, как отмечают исследователи, «он оказывается мудрее своих "умных" братьев, потому что "угадывает мудрость каким-то вещим инстинктом"» [Там же, с. 154]. В связи с этим можно говорить о том, что русский дурак – это сложная и неоднозначная личность. Он зачастую приносит вред окружающим его людям, но делает это не со зла, а потому, что такова его природа: дурак не способен мыслить прагматически и просчитывать каждый свой шаг.

В фольклорном образе дурака проявляются черты, характерные для русского народа: пассивность, лень, нежелание что-либо решать самому. Как считает В.А. Маслова, «суть дурака – глубока: отказываясь от контролирующей деятельности разума, открывается простор для постижения высшей истины, которая открывается человеку сама. Его пассивность – это ожидание, когда истина придет вопреки здравому рассудку, без усилий, сама собой...» [Там же, с. 155]. И именно это состояние неразумной пассивности приводит такого человека к благополучию и жизненному успеху – недаром в русском языке существует поговорка: *Дураку везде счастье*.

Стоит обратить внимание на то, что к ассоциатам, отражающим национально-культурную специфику восприятия слова-стимула, относится также и реакция фразеологического типа *дух*. *Русский дух* – это традиционно фольклорное выражение, входящее в состав сказочной формулы, которое А.С. Пушкин позаимствовал из устного народного творчества и использовал в прологе поэмы «Руслан и Людмила»: «*Там русский дух, там Русью пахнет*» [Национальный корпус русского языка].

Необходимо сказать, что в рассматриваемом ассоциативном поле присутствуют ассоциаты, имеющие непосредственное отношение к прошлому нашей страны. Так, лексема *эмигрант* именуется человека, вынужденно или добровольно покинувшего Россию по политическим, экономическим или религиозным причинам. Как правило, русские эмигранты – это люди, не желающие мириться с официальной идеологией и решившие выразить свое неприятие государственному правлению и общественным установкам. По замечаниям исследователей, «впечатляющей не столько по численности, сколько по значимости потерь для духовной жизни России стала эмиграция деятелей русской культуры» [Цит. по: Гончарова, Шалатонина 2009, с. 128]. Наша страна навсегда лишилась выдающихся учёных, писателей, композиторов, художников, а другие государства обогатились красотой и талантом их духовного творчества. Но, как бы то ни было, именно благодаря таким эмигрантам за рубежом сохраняются русские национальные традиции, воспитывается любовь и уважение к нашему языку и нашей истории,

приумножаются достижения народной культуры. Большое значение в этом сыграла потомственная русская аристократия, которая оказала большое влияние на облик русского эмигранта за границей. Как отмечают учёные, «многие из ее представителей подолгу жили в Европе и, сохраняя дух высокой национальной культуры, помогали эмигрировавшим из России соотечественникам, во многом способствуя сохранению ими душевного склада русского интеллигента» [Цит. по: Там же, с. 129].

С историческим прошлым нашей страны связана и лексема *мешочник*, вошедшая в обиход русского человека в эпоху Гражданской войны и отражающая реалии XX века. В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова находим: «Мешочник – спекулянт, занимавшийся скупкой, перевозом и перепродажей нормированных товаров во время продовольственных затруднений» [Ожегов 2008, с. 293]. Дело в том, что в период военного коммунизма во многих российских городах наступил голод, спровоцированный политикой советской власти, заинтересованной в уничтожении частной торговли. Чтобы добиться своей цели, правительство ввело карточную систему, тем самым взяв продовольственное снабжение городов под свой тотальный контроль. Многие советские граждане пытались выйти из бедственного положения путем мелких спекуляций. Садившись на товарные поезда, они отправлялись в деревню и приобретали у местных жителей продукты питания, которые затем либо оставляли себе, либо подпольно продавали в городе. Мешочниками же таких людей называли потому, что добытое продовольствие они перевозили в мешках.

Слова-реакции *советский* и *совок*, в свою очередь, отражают миропонимание русской языковой личности, характерное для советского и постсоветского времени. Примечательно, что лексема *совок* в «Толковом словаре русского языка XX века» под редакцией Г.Н. Складневской сопровождается пометами «разг.» и «неодобрит.»: «1. О Советском Союзе, советском строе. *Я наш совок, с его моралью, ненавистью. Ведь любят же люди! И слава Богу! Кто дал право моралистам рушить чьи-то судьбы?!* Огонек, 1992, 18-19. 2. О чём-либо свойственном Советскому. *Мой словарь представляет ту языковую среду, в*

которой я жил: московские улочки, подворотни, школа с матуклоном (скорее матерным, чем математическим), пресловутые кухонные советские разговоры и т.д. Все это мне очень дорого. У меня нет отторжения к «совку». КО, 25.10.94.

3. О советском человеке. Это не значит, что мир для советского человека никак не структурирован ценностно. Он структурирован, только роль рая выполняет сама Америка, где, наверняка, многие «совки» рассчитывают на мир и покой ЧП, 30.09.1991» [Толковый ... 1998, с. 597]. Слово *советский*, напротив, не несет в себе никакого негативного подтекста: «1. Относящийся к Стране Советов, к СССР, принадлежащий Стране Советов. Дорогой Леонид Ильич! Центральный Комитет КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР горячо и сердечно приветствуют Вас – верного сына – советского народа, выдающегося деятеля Коммунистической партии, Советского государства и международного коммунистического движения, пламенного борца за мир и социальный прогресс, последовательного марксиста-ленинца – в день Вашего семидесятилетия. Мол. Комм., 1977, 1. 2. Возникший, рожденный, оформившийся в СССР. *Советский человек*» [Там же, с. 596].

Данные ассоциаты ещё раз подтверждают мнение исследователей о том, что «для всех поколений базовой, исходной (курсив автора. – Т.К.) исторической эпохой является советский период истории» [Сергеева 2004, с. 214]. Это время хорошо знакомо многим живущим ныне россиянам. Кроме того, данная историческая эпоха создала прочную базу идей, понятий и жизненных представлений, на основе которых возник социальный опыт современного поколения России. Советское прошлое укоренилось в сознании людей, что выражается в образе их жизни, характерах и поступках, для которых всё еще остаются характерными так называемые «советские» черты. По утверждению А.В. Сергеевой, «это означает, что россияне склонны судить о настоящем и оценивать тенденции развития страны с позиций своего жизненного опыта, то есть со специфически "советских" позиций» [Там же]. В результате реалии этой эпохи и по сей день присутствуют в массовом сознании россиян, и ассоциаты *советский* и *совок* служат тому ярким примером.

Особую группу слов-реакций составляют лексемы *композитор, театр, поэт*, которые свидетельствуют о том, что русский человек интересуется искусством и осознает тот вклад, который внесли представители творческой элиты в развитие не только русской, но и мировой культуры. С приведенными ассоциатами тесно связана такая реакция, как *птица-тройка*, показывающая, что современный русский человек хорошо знаком с произведениями классической литературы. *Птица-тройка* – это слова из поэмы Н.В. Гоголя «Мёртвые души» (1842 г.) (т. 1, гл. 11), ставшие в русской языковой картине мира крылатыми: «Эх, тройка! птица тройка, кто тебя выдумал? знать, у бойкого народа ты могла только родиться, в той земле, что не любит шутить, а ровнем-гладнем разметнулась на полсвета, да и ступай считать версты, пока не зарыбит тебе в очи. И не хитрый, кажись, дорожный снаряд, не железным схвачен винтом, а наскоро живьем с одним топором да молотом снарядил и собрал тебя ярославский расторопный мужик. Не в немецких ботфортах ямицик: борода да рукавицы, и сидит черт знает на чем; а привстал, да замахнулся, да затащил песню – кони вихрем, спицы в колёсах смешались в один гладкий круг, только дрогнула дорога, да вскрикнул в испуге остановившийся пешеход – и вон она понеслась, понеслась, понеслась!.. И вон уже видно вдали, как что-то пылит и сверлит воздух.

Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка, несёшься? Дымом дымится под тобою дорога, гремят мосты, всё отстаёт и остаётся позади. Остановился пораженный Божьим чудом созерцатель: не молния ли это, сброшенная с неба? что значит это наводящее ужас движение? и что за неведомая сила заключена в сих неведомых светом конях? Эх, кони, кони, что за кони! Вихри ли сидят в ваших гривах? Чуткое ли ухо горит во всякой вашей жилке? Заслышали с вышины знакомую песню, дружно и разом напрягли медные груди и, почти не тронув копытами земли, превратились в одни вытянутые линии, летящие по воздуху, и мчится вся вдохновенная Богом!.. Русь, куда ж несешься ты? дай ответ. Не дает ответа. Чудным звоном заливаются колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух; летит

мимо все, что ни есть на земли, и, косясь, посторониваются и дают ей дорогу другие народы и государства» [Гоголь 1951].

Стремительная, неудержимая птица-тройка – это образ неудержимо несущейся вперед Руси, который показывает прочность, нерушимость, твёрдость, могущество и целеустремлённость нашей страны. Н.В. Гоголь очень тонко подметил характерные особенности России и, как никто другой, показал ее стремительное движение, поэтому его красочная и выразительная метафора остаётся актуальной и по сей день.

Нельзя не заметить, что лексема *русский* в языковом сознании русского этноса пробуждает много эмоций, в связи с чем можно выделить положительные ассоциации, выражающие чувства любви, восхищения и гордости ко всему русскому, например, *уважение, красивый, умный, сильный*. Как уже отмечалось ранее, в ассоциативное поле слова *Россия* также входят аксиологически маркированные единицы: *великая, любимая, величие, гордость, свободная*. Сравнительный анализ слов-реакций подтверждает мнение исследователей о том, что «русские гордятся не столько принадлежностью к определённой нации, сколько своей родиной, государством, что свидетельствует об особом характере русского патриотизма, который исторически связан с культом власти и государства» [Гончарова, Шалатонина 2009, с. 128].

Проведенный нами анализ ассоциатов, объективирующих концепт *русский*, показал, что русская языковая личность осмысляет окружающую действительность, ориентируясь прежде всего на нематериальные категории, поскольку среди слов-реакций преобладают лексемы, именующие нематериальные аспекты жизнедеятельности русского человека: проявление национального менталитета (*человек, мужик, дух, характер, большой, лень, образ мыслей*), взаимодействие с другими народами (*еврей, немец, нерусский, турецкий, французский*), постижение культурного фонда (*композитор, театр, поэт, птица-тройка*), осмысление исторического развития нашей страны (*эмигрант, мешочник, советский, совок*). Несомненно, данное обстоятельство находит отражение в содержании

лингвоментального комплекса *Россия/русский*, обладающего здесь следующими признаками:

– Обладающий ярко выраженными национально-специфическими особенностями, чертами 46: *язык 29, Иван 3, Ваня, дурак, дух, характер 2, Ванька, красная рубаха, образ мыслей, птица-тройка, стиль, театр 1.*

– Исторически сложившаяся общность людей (племя, народность, нация), имеющая социальную целостность и своеобразно-индивидуальный стереотип поведения [Ожегов 2008, с. 732] 43: *человек 16, мужик 6, еврей 4, большой, вера, красивый, лень, народ, национальность, немец, нерусский, свой, сильный, советский, совок, турецкий, уважение, узкий, умный, французский 1.*

– Относящийся к России, связанный с ней: *эмигрант 2, бизнес, ветер, друг, квас, композитор, конь, мешочник, Москва, остров, паспорт, поэт, ресторан, шовинизм 1.*

Таким образом, проделанный нами анализ ассоциативных полей лингвоментального комплекса *Россия/русский* подтверждает мысль В.В. Виноградова о том, что «вне зависимости от его данного употребления слово присутствует в сознании со всеми его значениями, со скрытыми и возможными, готовыми по первому поводу всплыть на поверхность» [Виноградов 1972, с. 17]. Количество синтагматических и парадигматических ассоциаций, полученных в ходе эксперимента, позволяют сделать вывод о существовании обширного ассоциативного поля лингвоментального комплекса *Россия/русский* в культурно-языковой картине мира русского народа. Кроме того, слова-реакции, объективирующие те или иные признаки исследуемого нами лингвоментального комплекса, являются ключевыми лексемами в языковом пространстве нашего народа, обладающими национальной специфичностью и отражающими особенности менталитета национальной языковой личности.

§ 3. Объективация лингвоментального комплекса *Россия/русский* в русской фразеологии

Большой интерес при выявлении этнокультурного содержания лингвоментального комплекса *Россия/русский* представляет национальная фразеология, поскольку она воспроизводит черты коллективного миропонимания, отражает мировидение русского языковой личности, выражает ее отношение к окружающей действительности. Кроме того, фразеологизмы фиксируют и передают от поколения к поколению характер общественно-политического устройства нашей страны, специфику природно-климатических условий проживания русского человека, неповторимые черты его быта и традиций. Подтверждением нашей мысли может служить высказывание В.Н. Телия о том, что фразеология представляет собой «по традиции передаваемый из поколения в поколение язык веками сформировавшейся обыденной культуры, в котором в синтаксической форме отражены все категории и установки этой жизненной философии народа – носителя языка» [Телия 1996, с. 241]. Аналогичной точки зрения придерживается и В.М. Мокиенко, утверждающий: «Фразеология – это сокровищница языка, хранящая древнейшие слова... Консервируя форму, она консервирует и содержание – национальные обычаи, поверья, исторические предания, образное видение мира» [Мокиенко 1986, с. 18-19]. Все вышесказанное позволяет говорить о фразеологии как об одном из наиболее ценных источников информации о когнитивном содержании лингвоментального комплекса *Россия/русский*.

В свете исследуемого вопроса необходимо сказать, что в нашей работе мы будем исходить из широкого толкования фразеологии, согласно которому к группе устойчивых выражений относятся «все сочетания, обладающие признаками устойчивости и воспроизводимости» [Русский язык... 1998, с. 609] – собственно фразеологизмы, а также пословицы и поговорки. Отметим, что в этот перечень входят также и крылатые выражения, но в данном параграфе они не будут предметом специального рассмотрения, поскольку имеют определенного создателя и входят в парадигму художественной картины мира, детальному исследованию

которой посвящена следующая глава – «Лингвоментальный комплекс *Россия/русский* в художественной картине мира (диахронический аспект)».

Итак, определив круг изучаемых нами фразеологических единиц, приведем дефиницию для каждого из соответствующих понятий, опираясь на словарь-справочник лингвистических терминов «Русский язык. Энциклопедия» [Русский язык... 1998]. Так, под фразеологизмом в современной науке понимается «семантически несвободное сочетание слов, которые не производятся в речи <...>, а воспроизводятся в ней в узуально закреплённом за ними устойчивом соотношении смыслового содержания и определённо лексико-грамматического состава» [Там же, с. 605]. Он характеризуется семантическими сдвигами в лексических компонентах, устойчивостью и воспроизводимостью, например: *русское масло, русский мороз, русская тройка*.

Пословица – это «устойчивое в речевом обиходе, ритмически и грамматически организованное изречение, в котором зафиксирован практический опыт народа и его оценка определенных жизненных явлений» [Там же, с 355]. Как правило, это образное изречение, отражающее национально-специфические стороны жизни: «*Русский ни с мечом, ни с калачом не шутит*»; «*Русским богом да русским царем святорусская земля стоит*». Поговорка же, по мнению исследователей, – это «устойчивое в речевом обиходе утверждение, образно определяющее какое-либо жизненное явление с точки зрения его качественной оценки» [Там же, с 347]. Например, «*За наше Отечество все человечество*»; «*Нет ничего на свете краше, чем Родина наша*».

Таким образом, в русских фразеологизмах отражаются нравственные приоритеты и особенности характера народа, его история и духовная жизнь, своеобразие традиций и бытового уклада. Достигается это при помощи емкого и самобытного концептуального образа, для выявления которого необходим когнитивный анализ средств его номинации.

В целом, необходимо отметить, что устойчивые высказывания о России в различных сборниках пословиц и поговорок ([Аникин 1957], [Бирих 1998], [Даль 2009], [Даль 2003], [Жуков 2000], [За край свой ... 1974], [Малые жанры ... 1979],

[Мокиенко 2007], [Пословицы 1986], [Русские народные загадки ... 1990], [Русские народные пословицы ... 1960], [Русские пословицы ... 1988], [Фелицына 1988], [Фразеологический ... 2003], [Фразеологический ... 1994], [Яранцев 1985]) отличаются особой лиричностью и сопровождаются дополнительными эмоциями, связанными с включением данного предмета в центр аксиологической области нашего народа. Так, исходя из большинства паремий, можно говорить о том, что родная страна – это милый сердцу край, пользующийся безграничной и неподдельной любовью русского человека: *«Любовь к родине на огне не горит и на воде не тонет»*; *«Любовь к родине сильнее смерти»*; *«Родина любимая – мать родимая»*; *«Нет земли краше, чем Родина наша»*; *«Нет ничего на свете краше, чем родина наша»*; *«Родина наша солнца краше»*; *«Я тобой горжусь, милая Русь»*. По мнению исследователей, «в сознании русского народа, отстоявшего свою страну в двух отечественных войнах, несмотря на его "бродячий дух" – русские поселения можно встретить в Калифорнии и Чили – "отчизнолюбие" от века занимало место, значимость которого не менялась» [Воркачев 2008, с. 5] на протяжении многих столетий. Подобное отношение русского народа к своему Отечеству, несомненно, накладывает отпечаток на когнитивное содержание лингвоментального комплекса *Россия/русский*, который приобретает когнитивный признак «пользующаяся наибольшей любовью» [Ожегов 2008, с. 277].

Действительно, любовь к России, отличающаяся в русской языковой картине мира особой патетичностью и декларативностью, – это святое и незыблемое чувство, определяющее «правильные» и приемлемые для русского национального сознания взаимоотношения человека со своей страной. Иная модель поведения, предполагающая неприязнь к Родине и отречение от нее, в анализируемых нами пословицах и поговорках получает явное осуждение и неодобрение: *«Только глупый человек может забыть, где он родился»*; *«Глуна та птица, которой гнездо свое не мило»*; *«Кто Родиной торгует, того кара не минует»*; *«Плоха та птица, которая свое гнездо марает»*; *«Дурная птица свое гнездо не бережет»*. Человек, отказавшийся от России, потерявший устойчивую многовековую связь с землей своих предков, воспринимается русской языковой

личностью как бесприютный, неприкаянный, не находящий себе места: «Человек без Родины – что соловей без песни»; «О том кукушка и кукует, что своего гнезда нет»; «Если нет у меня Родины – пусть не всходят для меня луна и солнце».

Отрекаясь от Родины, человек отрекается и от религиозно-нравственных основ своей жизни, поскольку для русского языкового сознания существуют две России: одна – зримая, видимая; «другая – "Святая Русь", "матушка-Русь", которой законов никто не знает, с неясными формами, неопределенными течениями, конец которых непредвидим, начало неизвестно: Россия *существенностей* (курсив автора. – Т.К.), живой крови, непочтой веры, где каждый факт держится не искусственным сцеплением с другим, но силой собственного бытия, в него вложенного» [Розанов 1992, с. 33]: «Земля русская вся под Богом». Иными словами, Святая Русь – это особая, духовная ипостась нашего государства: Россия глубокой, всепроницающей веры, христианской праведности и божественной благодати. Это страна, в которой понятия *Россия* и *православие* сводятся к единому наименованию *Святая Русь*, приобретенному в русской языковой традиции особенный сакраментальный смысл: «Русь святая, православная, богатырская, мать святорусская земля».

Определяющее значение при формировании содержания данного словосочетания играет лексема *святая*, определяемая В.И. Далем как «духовно и нравственно непорочная, чистая, совершенная; все, что относится к Божеству, к истинам веры, предмет высшего почитания, поклонения нашего, духовный, божественный, небесный, Святой Дух, третья ипостась, выражающая деятельность Божественную» [Даль 2003, т. 4, с. 94]. Также, по мысли автора «Толкового словаря живого великорусского языка», «святым зовут вообще все заветное, дорогое, связанное с истиною и благом» [Там же].

Подобное восприятие родной страны приводит к тому, что лингвоментальный комплекс *Россия/русский*, приобретает когнитивный признак «благочестивая, священная страна, на земле которой чувствуется присутствие Бога»: «Русским богом да русским царем святорусская земля стоит»; «Велика

святая русская земля, а везде солнышко». В контексте развития и становления русской нации данное обстоятельство представляется вполне закономерным, потому что именно православие способствовало единению нашего народа и укреплению его этнического самосознания. Составляя, по словам исследователей, «сердцевину русского архетипа» [Сергеева 2004, с. 188], православная вера на протяжении многих столетий оказывала существенное влияние на мирозерцание нашего народа, что непосредственно отразилось и на восприятии верующими Российского государства, мыслимого ими как незыблемый центр православных идей, обладающий абсолютной и безоговорочной ценностью: «Золоту – старости нет, Родине – цены нет»; «Нашему народу Родина всего дороже»; «Родина краше солнца, дороже золота».

Будучи ценностно окрашенным, концепт *Россия* при объективации в национальном фразеологическом фонде русского языка обнаруживает тесную связь с концептом *мать*: «Родина – всем матерям мать»; «Мать-земля русская». Образ России-матери, воспеваемый в русской культуре, – это символ самобытной любви русского народа к родимой отчизне, которая в рамках национального языкового сознания является олицетворением опыта, мудрости и ума: «Мать-родина»; «Мать-земля русская»; «Родина – всем матерям мать»; «Одна у человека родная мать, одна у него и родина»; «Наша Россия – мать наша»; «Родину-мать ничем не заменишь»; «У матери-Родины долга рука на ласку».

Как мы видим, для русского этноса характерно очень личное и открытое эмоциональное отношение к своей стране. В связи с этим большинство паремий о России проникнуто духом патриотизма, проявляющегося в «преданности и любви к своему отечеству, к своему народу и готовности к любым жертвам и подвигам во имя интересов своей Родины» [Ожегов 2008, с. 406]: «Счастье Родины – дороже жизни»; «Любовь к Родине сильнее смерти»; «Береги землю родимую, как мать любимую»; «Где ни жить – Родине служить»; «Жить – Родине служить»; «Береги страну как зеницу ока».

Как отмечает С.Г. Воркачев, «российский патриотизм – продукт исторической эволюции, вызванный необходимостью (в том числе и на

бессознательном уровне) сохранять огромную территорию, приобретенную предками сегодняшних россиян по весьма своеобразной модели. И если у обитателей этих бескрайних земель не будет безусловной любви к родине, не станет и самой родины, русский этнос растворится в других этносах и российское государство исчезнет [Воркачев 2008, с. 43]. Очевидно, именно поэтому особенно ярко стремление русского человека служить своему Отечеству проявляется в пословицах и поговорках, посвященных защите родной страны от иноземных захватчиков. В подобных контекстах Россия – не просто страна, а национальная святыня, за свободу которой не жаль отдать и собственную жизнь: *«Мы всегда готовы в бой за союз наш трудовой»*; *«Родина – мать, умеи за нее постоять»*; *«Родина – мать, а за мать не жалеи и жизнь отдать»*; *«С родной земли умри, а не сходи»*; *«Для Родины своей ни сил, ни жизни не жалеи»*; *«Чужой земли не хотим, а своей не отдадим»*; *«Родину головой оберегают»*; *«Кто служит Родине верно, тот долг исполняет примерно»*; *«Кто смерти не несет врагу, тот перед Родиной в долгу»*; *«Кому Родина дорога, тот бьет без промаха врага»*; *«За родную землю стой, как скала: трусу – пулю, герою – хвала»*; *«С отвоеванной земли – умрем, не уйдем»*; *«Стой за родную землю горой»*; *«Мы своей земли не отдадим, всех врагов развеем в дым»*; *«Если Родина дорога – бей врага»*; *«За Родину и честь не жаль голову снести»*; *«За Родину-мать не страшно умирать»*; *«Воевать – Родину защищать»*; *«Не всем солдатам командирами быть, но всем честно Родине служить»*; *«Врагу смерть неси – не позор Руси»*; *«Позор перед Родиной хуже смерти»*; *«Родину любить – верно Родине служить»*; *«Первое в жизни – честно служить Отчизне»*; *«За наше Отечество все трудовое человечество»*; *«Сын, не жалея жизни, служит Отчизне»*; *«Кто Отчизну любит, тот врага рубит»*; *«Не жаль нам жизни, а жаль Отчизны»*; *«За Отечество голову положим»*; *«За Отечество жизнь отдают»*; *«Постоим горой за край родной»*; *«В бою за Родину и смерть красна»*; *«Кто за Родину дерется, тому сила двойная дается»*. Именно такая самоотверженность русского народа позволяет говорить о России как о могущественной и величественной державе, способной отстаивать свои интересы на международной арене: *«Кто к нам метит, тот и*

смерть встретит»; «Кто наступит на русскую землю – оступится; Кто на нашу землю пришел, тот и смерть нашел; Кто воюет с Россией, тот состоит в тайном союзе со смертью; Кто с Россией ни тягался, в правых не оставался; Россия – огромная сила.

Как справедливо утверждают исследователи, «идея патриотизма передается почти исключительно через базовый культурный архетип "противопоставление своего и чужого", причем эксплицируется здесь главным образом непривлекательность "чужого", имплицитная любовь к "своему"» [Воркачев 2008, с. 61]: *«На чужбине и собака тоскует»; «На чужбине, словно в домовине – и одиноко, и немо»; «На чужой стороне и весна не красна»; «На чужой стороне и орел – ворона»; «На чужой стороне поклонись и бороне»; «Научит горюна чужая сторона: и вымучит, и выучит»; «Чужая сторона – дремуч бор»; «Чужая сторона и без ветра сушит, и без зимы знобит»; «Чужая сторона – темный лес»; «Чужая-то сторонюшка не медом полита, а слезами улита»; «Чужбина слезам не верит»; «Чужой мед горек»; «Чужой огонь не греет». Значительно реже объективируются обе части данной оппозиции: *«Родная сторона – мать, а чужая – мачеха»; «Своя сторона по шерстке гладит, чужая насупротив»; «На чужбине и сладкое в горчицу, а на Родине и хрен за леденец»; «За морем теплее, а у нас светлее»; «За морем веселье, да чужое, а у нас горе, да свое»; «За морем светло, а у нас светлее».**

На наш взгляд, стоит обратить внимание на то, что Россия-родина «представляет собой как абсолютную, "внутреннюю ценность", имеющую свое основание в себе самой – "нечто такое, что желательно само по себе", так и относительную, утилитарную ценность» [Там же, с. 61]

Так, с одной стороны, Россия хороша уже тем, что она – «своя», знакомая и родная сторона: *«Своя земля и в горсти мила»; «На родной стороне и камешек знаком»; «Всякая сосна своему бору шумит»; «Всякая птица свое гнездо любит»; «Своя сторона не бывает холодна»; «Всякому мила своя сторона»; «В своем болоте и лягушка поет»; «Своя земля – свой прах». Находясь в родимой отчизне, русский человек испытывает спокойствие и умиротворение, потому что окружен*

привычными для его этнического самосознания реалиями действительности. С другой стороны, пребывание в России, как отмечают лингвисты, «имеет вполне практический интерес и способствует если и не жизненному успеху, то уж точно не дает человеку пропасть» [Там же, с. 62]: «Милует бог и на своей сторонке»; «Всяк кулик в своем болоте велик»; «Где родился, там и сгодился»; «Где сосна выросла, там она и красна»; «В своем дому и стены помогают»; «На своей улице бойка и курица»; «В своем гнезде и ворона коршуну глаз выключет».

Несомненно, что функционирование имени *Россия* в русской фразеологии повлияло на структуру лингвоментального комплекса *Россия/русский*. Так, его содержание в проанализированных нами устойчивых выражениях выстраивается вокруг таких когнитивных признаков, как «пользующаяся наибольшей любовью», «благочестивая, священная земля, на которой чувствуется присутствие Бога»; «своя, близкая по рождению, духу, традициям», которые транслируют многоаспектную информацию о России и русском этносе.

В свете рассматриваемого нами вопроса необходимо отметить, что «в русском языке, как и в других языках, существует целый ряд устойчивых словосочетаний с этнонимическим компонентом, указывающим на национальную принадлежность определенных предметов и явлений, которая обычно "присваивается" какому-либо предмету или явлению...» [Баранова 2003, с. 335]. В русской фразеологии, безусловно, в качестве подобного этнонимического компонента выступает ключевой репрезентант концепта *русский* – лексема *русский*, выражающая принадлежность того или иного объекта действительности к русской лингвокультурной среде.

Действительно, многие устойчивые выражения, объективирующие концепт *русский*, представляют собой этнически маркированные словосочетания, которые служат для наименования понятий или вещей, характеризующих особенности самобытной культуры русского народа. Так, к этнографизмам можно отнести названия традиционных для нашего этноса предметов хозяйства, одежды, блюд: *русская печь, русская рубашка, русские сапоги, русский сарафан*. Стоит отметить, что в большинстве случаев подобные фразеологизмы указывают на конкретную

разновидность того или иного предмета. Например, кирпичная или битая *русская печь*, предназначенная для «приготовления пищи, выпечки хлеба и обогрева помещения, издавна устраиваемая в жилых домах» [Словарь... 1961, т. 12, стб. 1584] отличалась от *голландской, комнатной*, «разных видов и устройства, ради тепла, угреву» [Даль 2003, т. 3, с. 108]: «*Играешь уж как-то с перебоями, а спишь в полсна и слышишь, вот оно внизу-то припекло, жаром повеяло – протопилась русская печь, нагорели крупные угли из сухих березовых дров, непременно березовых, непременно сухих – хороший от них, ровный жар и угару мало*» (В.П. Астафьев «Последний поклон») [Национальный корпус русского языка]; «*Да и русская печь, как я пригляделся, неудобна для стряпни: варка идет скрыто от стряпухи, жар к чугунку подступает с разных сторон неравномерно*» (А.И. Солженицын «Матренин двор») [Национальный корпус русского языка]. А если мы обратимся к фразеологизмам, называющим предметы одежды, то увидим, что в них лексема *русский* зачастую указывает на определенную разновидность национального костюма. Так, *русская рубашка*, или косоворотка, – это «верхняя мужская рубашка навывпуск с застегивающимся сбоку воротом» [Словарь... 1987, т. 3, с. 742], которая существовала наряду с *немецкой, круглой, хохлацкой*, «с запонкой или завязкой на душке» [Даль 2003, т. 4, с. 106]: «*Под пальто, когда он (Позднышев. – Т.К.) растегивался, видна была поддевка и русская вышитая рубаха*» (Л.Н. Толстой «Крейцерова соната») [Национальный корпус русского языка]. Или, например, *русские сапоги* – это не просто «высокая обувь из передов, задников и голенища с подошвою» [Даль 2003, т. 4, с. 137], а «мужская кожаная обувь с узкими голенищами до колен» [Толковый... 2003, с. 1156]: «*И вот я каждый раз думаю о том, что тяжеленные русские сапоги легко делают русского мужчину – мужчиной*» (В.В. Конецкий «Вчерашние заботы») [Национальный корпус русского языка].

При помощи лексем *русский* определяется и фасон русского сарафана – неотъемлемой части женского национального костюма. Оказывается, в нашей стране не любой сарафан называли *русским*, а только «обложенный спереди в два ряда гарусной тесьмой, с пуговками посередине» [Даль 2003, т. 4, с. 114], который

отличался от московского, круглого, клинчатого и закрытого кроем и элементами декоративной отделки: *«Анфиса лежала в лучшем своем наряде: голубой из шелку русский сарафан, кисейная рубашка, на плечи накинут парчовый душегрей, на голове кокошник в бисере, во лбу, ближе к левому виску, рана и темной струйкой запекшаяся кровь»* (В.Я. Шишков «Угрюм-река») [Национальный корпус русского языка].

По мнению ученых, «в ряде случаев "словосочетания номенклатурного характера с географической привязкой" (термин В.М. Мокиенко) возникали и становились устойчивыми в процессе международной торговли для обозначения определенной разновидности товара или указания на товаропроизводителя» [Баранова 2003, с. 335]. Так, *русское масло* – это топленое масло, изготавливаемое по специальному рецепту. Как отмечается в Словаре В.И. Даля, «для русского масла сметану кладут в топник (горшок с рыльцем и решеткою изнутри), ставят в вольный дух, на утро сливают в рыльце сыворотку, мешают остаток мутовкою, чтобы пахтанье отделилось (молочная и сырная части), а пахтус остается комом. Пахтусы перетапливают снова, сымают пену и сливают в кадку, покидая подонье в топник» [Даль 2003, т. 3, с. 302]. Подобный способ изготовления масла не был характерен для иностранных производителей, поэтому воспринимался как исконно русский, что и отразилось на наименовании данного продукта: *«Я знаю, что швейцарские молочные продукты очень хорошие. Но это русское масло превосходное. Перфект»* (Л.Е. Улицкая «Цю-юрихь») [Национальный корпус русского языка]. Особым способом изготовления отличается также *русский квас* – «кисловатый напиток, приготовляемый на воде из хлеба с солодом, а также из ягод, фруктов» [Ожегов 2008, с. 229]: *«Ведь я квас, du prosto! русский квас; а вот ваш камер-юнкер...»* (И.С. Тургенев «Рудин») [Национальный корпус русского языка].

Известность за рубежом приобрела *русская водка* – «перегонное вино, хлебное, а иногда из плодов, как например кизлярка, из винограда» [Даль 2003, т. 1, с. 218]. Наименование данного алкогольного напитка, ставшего для России традиционным, прочно укрепились во фразеологическом фонде русского языка:

«*Это, говорю, русская водка, бальзам называется, она шибко сон разгоняет, человека бодрит*» (В.А. Обручев «В джунглях Центральной Азии») [Национальный корпус русского языка]. К числу устойчивых выражений, в состав которых входит репрезентант *русский*, можно отнести также словосочетание *русская икра*. Икра осетровых рыб получила такое название, потому что наша страна всегда занимала лидирующие позиции по добыче и продаже этого товара: «*Мы придем, и в вашей кают-компании будет накрыт стол на всех тех идиотов, которые к вам явятся, и будет русская икра, и будет водка, и борщ, и блины, все будет*» (Ю.П. Герман «Дорогой мой человек») [Национальный корпус русского языка].

Стоит отметить, что к числу выражений с фразеологически связанными значениями лексемы *русский*, относятся словосочетания, называющие особые национальные атрибуты, без которых уже не мыслится русская жизнь и культура: *русская пляска, русская тройка, русская зима, русский мороз*. Так, *русской пляской* называют «народный танец, который исполняется в быстром темпе и для которого характерны размашистые, быстрые движения рук и ног» [Толковый... 2003, с. 1156]: «*Но это не конец: вы не знаете всех выгод ваших, заключающих в себе важную государственную пользу: из уст милой красавицы хорошая песня, как и русская пляска, возбуждает в нас пламенную любовь к отечеству*» (И.Н. Скобелев «Рассказы русского инвалида») [Национальный корпус русского языка]. Еще один многовековой символ России – *русская тройка* – представляет собой старинный русский способ запряжки трех лошадей в один экипаж, созданный для быстрой езды на дальние расстояния. В дальнейшем, получивши метафорическое переосмысление, русская тройка стала олицетворением широкой русской души и бескрайних просторов России – неукротимых стихий, лишенных сдерживающего и умиряющего начала: «*Великий писатель предшествовавшей эпохи, в финале величайшего из произведений своих, олицетворяя всю Россию в виде скачущей к неведомой цели удалой русской тройки, восклицает: "Ах, тройка, птица-тройка, кто тебя выдумал!"*» (Ф.М. Достоевский «Братья Карамазовы») [Национальный корпус русского языка]. Что же касается таких выражений, как *русская зима* и *русский мороз*, то они репрезентируют особенности природно-климатических

особенностей России – страны снежных зим и суровых морозов: «*Был один из сказочных вечеров, когда русская зима с покоряющей, вельможной щедростью разворачивает все свои холодные красоты*» (М. Горький «Жизнь Клима Самгина») [Национальный корпус русского языка]; «*Вот каков русский мороз: и без румян покраснеешь!*» (Н.Э. Гейнце «Князь Тавриды») [Национальный корпус русского языка].

Кроме того, к числу фразеологизмов, называющих национально-специфические детали русской жизни, относятся *русский самовар* и *русская матрешка*, именующие неординарные атрибуты русского культурного пространства: «*Слуга вошел с русским самоваром, чайным прибором, сливками, сухарями и т.п. на большом подносе, расставил всю эту благодать на столе между Саниным и г-жою Полозовой – и удалился*» (И.С. Тургенев «Вешние воды») [Национальный корпус русского языка]; «*Теперь я русская матрешка, да, док?*» (Ю.П. Герман «Дорогой мой человек») [Национальный корпус русского языка].

Итак, в рассмотренных нами фразеологизмах лексема *русский*, объективирующая соответствующий концепт, определяет значимые для русской языковой картины мира понятия действительности, которые отличают нашу Родину от других стран мира. Это, несомненно, отражается на когнитивном содержании лингвоментального комплекса *Россия/русский*, который приобретает когнитивный признак «специфический, неповторимый, свойственный только России».

В свете рассматриваемого нами вопроса необходимо сказать, что в русской языковой картине мира встречаются фразеологизмы, отражающие целостную оценку русским народом своего характера, внешнего облика, образа жизни. Особенности национального самосознания, объективированные в устойчивых выражениях, несомненно, накладывают отпечаток на функционирование репрезентанта *русский*, в котором заключается выразительная эмоциональная оценка эксплицированного тем или иным фразеологизмом явления. Например, в идиомах, проникнутых национальной гордостью, рассматриваемая нами

лексическая единица наделяется возвышенным, патетическим элементом коннотации: «*Русская красавица* – девушка с русыми волосами, голубыми глазами и слегка курносый носом» [Толковый... 2003, с. 1156]. «*Русский богатырь* – человек рослый, дородный, дюжий и видный; необычайный силач; смелый и удачливый, храбрый и счастливый воин, витязь» [Даль 2003, т. 1, с. 102]. «*Русский характер* – совокупность черт, которые отличают русского человека – гостеприимность, хлебосольность, искренность, доверчивость и т.д.» [Толковый... 2003, с. 1156]. «*Русское сердце тверже брони*». А во фразеологизмах, отражающих самокритичность нашего народа, слово *русский*, напротив, приобретает ироническую окраску. Так, в Словаре В.И. Даля приводятся следующие пословицы: «*Русский час – все сейчас; Русский час долог; В русский час много воды утечет; Русский час – со днем тридцать (а немецкому и конца нет); Русский час с днем тридцать; деревенский месяц – с неделей десять*» [Даль 2003, т. 4, с. 584]. Данные выражения указывают на доминантные черты русского национального характера – медлительность и неторопливость, которые во многом организуют жизнь людей, проживающих на территории России: «*Русские медленно запрягают, но потом быстро скачут*». Вследствие данного обстоятельства представляется вполне закономерным наличие в русской языковой стихии таких устойчивых выражений, как «*Русский ум – "задний, запоздалый"*»; «*Русак умен, да задним умом*»; «*Русский назад умен*» [Даль 2003, т. 4, с. 114], свидетельствующих о том, что размеренность и неспешность определяют не только физический аспект жизнедеятельности русского человека, но и его умственные способности, проявляющиеся в запоздалом анализе и несвоевременной систематизации полученной информации.

К фразеологизмам, в которых лексема *русский* приобретает ироническую окраску, относится словосочетание *русский авось*, помогающее понять специфические особенности национального менталитета и видения мира. Несомненно, в данном выражении особенную смысловую нагрузку приобретает лексема *авось*. В «Словаре русского языка. В 4 т.» приводится следующая дефиниция этого слова: «*Разг. Может быть – У меня голова болит, я вышла на*

воздух – авось пройдет Тургенев. Фауст» [Словарь... 1985, т. 1, с. 21]. В Словаре В.И. Даля мы находим более развернутое определение интересующего нас понятия: «*Авось* – может быть, станется, сбудется, с выражением желания или надежды. *Авось Бог поможет*» [Даль 2003, т. 1, с. 3]. Но приведенные дефиниции не дают исчерпывающего толкования рассматриваемого феномена. Так, по словам А.Д. Шмелева, *авось* «значит вовсе не то же, что "возможно" или "может быть". Если слова *может быть*, *возможно* и подобные могут выражать гипотезы относительно прошлого, настоящего и будущего, то *авось* всегда перспективно, устремлено в будущее и выражает надежду на благоприятный для говорящего исход дел» [Шмелев 2005, с. 32]. В выражении *русский авось* воплотились нелогичность и мечтательность русского человека, которые проявляются в его привычке во всем полагаться на волю судьбы: «Э-э-эх, была не была, **русский авось**» (А.И. Солженицын «Желябугские высылки») [Национальный корпус русского языка]; «Он писал и пишет в Петербург, умоляя в тысячный раз – продолжать войну, но и сам не верит в успех своих молений. Он верит только в **русский авось!**» «*Авось что-нибудь случится, и он снова расстроит мир и снова ударит на врага*» (Е.А. Салиас «Ширь и мах») [Национальный корпус русского языка]; «И отчетность, и снабжение – все поставлено на **русский авось**» (Б. Можаяев «Падение лесного короля») [Национальный корпус русского языка]. Как справедливо отмечают исследователи, *авось* наполнено «идеей некой иррациональной силы, которая вмешивается в жизнь человека» [Зализняк 2005, с. 329]. Именно такое значение приобретает данная лексема в пословицах и поговорках о русском народе: «*Авось – вся надежда наша: Русак на авось и взрос; Русский человек любит авось; Русский человек любит авось, небось да как-нибудь; Русский крепок на трех сваях: авось, небось да как-нибудь; На авось мужик и хлеб сеет*» [Даль 2003, т. 1, с. 3-4]. Особого внимания в данном ряду заслуживает последнее выражение, указывающее на глубинные связи русского человека с природной средой. Дело в том, что короткий вегетативный период и неоднозначность погодных условий

издавна определяли сельскохозяйственные работы на Руси. Отсюда – и русский авось, обусловленный исконно русской сложностью природных катаклизмов.

Как видно из приведенных выше примеров, репрезентант концепта *русский* входит в состав фразеологических выражений, характеризующих русский народ как общность людей с едиными мировоззренческими и поведенческими установками. Анализ исследуемого материала показывает, что можно выделить несколько групп пословиц и поговорок, объективирующих концепт *русский* и актуализирующих сегмент «общество» лингвоментального комплекса *Россия/русский*:

1. Несмотря на свой «запоздалый» ум, русский человек обладает исключительной сообразительностью и способностью к смекалке: «Бей русского, часы сделает»; «Русский что увидит, то и сделает»; «Русак не дурак: поесть захочет – скажет, присесть захочет – сядет»; «Русский догадлив (сметлив, себе на уме)»; «Русский человек переимчив: научившись у врага, он бьет его»; «Русский ум – хитроум»; «Русский глазам не верит, а пощупает».

2. Представители русского этноса отличаются добрым, отзывчивым и эмоционально открытым отношением к окружающим людям: «Русская душа нараспашку»; «Русский человек добро помнит»; «Русский человек – добрый человек».

3. Отличаясь добротой и искренностью, жители России в то же время обладают и такими качествами характера, как непоколебимость, бескомпромиссность, неуклонность: «Русский в словах горд, в делах тверд»; «Русский ни с мечом, ни с калачом не шутит»; «Знает свет: тверже русских нет»; «Русское сердце тверже брони»; «Мы – русские, мы все одолеем».

4. Будучи стойким и решительным человеком, русский является носителем воинского духа и храбрости, проявляющихся в его готовности самозабвенно служить Родине и в кровопролитных боях отстаивать ее право на свободу: «Русский с мечом не шутит»; «Как русский за штык берется, так враг трясется»; «Русским привычное дело – бить врага смело»; «Русский повалится, и то на врага упадет»; «Бей русским боем – будешь героем»; «Русский в поле не

робеет»; «Русский солдат на все пригоден»; «Русский до конца стоек»; «Врагу понятен один язык – русская пуля и русский штык»; «Русский воин бьет врагов не считая»; «Русский не робкого десятка»; «Русский бьет, где враг не ждет»; «Русский молодец – ста басурманам конец»; «Мы, русские, шутить не любим: кого не штыком, так кулаком»; «Русский терпелив до зачина. Русский задора ждет».

Особенности этнического самосознания, объективированные устойчивыми выражениями, накладывают существенный отпечаток на актуализацию когнитивных признаков концепта *русский*. Так, при репрезентации в русских фразеологизмах, он приобретает такие признаки, как «отличающийся сообразительностью, способностью быстро смекнуть что-нибудь» («Бей русского, часы сделает»; «Русский ум – хитроум»), «делающий добро другим, отзывчивый» («Русская душа нараспашку»; «Русский человек – добрый человек»), «мужественный и решительный в поступках» («Знает свет: тверже русских нет»; «Русский с мечом не шутит»). Особенно значимым представляется тот факт, что приведенные признаки не только формируют содержание концепта *русский*, но и актуализируют сегмент «общество» лингвоментального комплекса *Россия/русский*.

В устойчивых сочетаниях с репрезентантом *русский* объективируется оппозиция «свой – чужой», репрезентированная противопоставлением «русский – немец». Например, в русском языке есть множество крылатых выражений, иронично рисующих немцев: «Русский немцу задал перцу»; «Русские немцев за пояс заткнут (шапками закидают)»; «Прусский гут, а русский гутее». В приведенных пословицах сила и выносливость русского человека противопоставляются беззащитности и слабости немецкого противника, поражения которого сатирически изображаются на фоне российского триумфа.

Наряду с подобными выражениями существуют и паремии, где проступает свойственная нашему народу ирония по отношению к самому себе, но, по мнению исследователей, «это самоирония без самоуничижения, ирония сильного, признающего превосходство другого, но в относительной плоскости

рассмотрения» [Топорова 2002, с. 112]: «*Кабы у немца наперед, что у русского назади – с ним бы и ладов не было (ум)*»; «*Немец своим разумом доходит (изобретает), а русский – глазами (перенимает)*»; «*Вот если бы задний ум, как у немца, стал у русского наперед, то с ним бы тогда и не сладить*». В данных пословицах отражаются этнокультурные стереотипы, бытующие в русском языковом пространстве, согласно которым русские и немцы – это люди с диаметрально противоположными мировоззренческими и поведенческими установками. Так, если для немецкого народа характерна рациональность, логичность, последовательность, то русскому, напротив, свойственна импульсивность, непредсказуемость и мечтательность. Более того, немец привык во всем полагаться на разум, а русский поступает так, как велит ему его сердце, поэтому и неслучайно возникла в русском языке всем известная поговорка «*Что русскому здорово, то немцу смерть*», наглядно иллюстрирующая анализируемую нами оппозицию. Исследователи утверждают, что в основе этого выражения лежит конкретный случай. А.К. Бирих говорит о том, что однажды «молодой врач, приглашенный к безнадежно больному русскому мальчику, разрешил ему есть все, что он захочет. Мальчик съел свинину с капустой и, к удивлению всех, стал быстро поправляться. После этого врач прописал свинину с капустой больному немецкому мальчику, но тот, поев, на следующий день умер» [Бирих 1998, с. 508]. Вероятно, в дальнейшем это происшествие в русском языке получило художественное переосмысление, в результате чего возникло рассматриваемое нами выражение. Как отмечает В.М. Топорова, «в данном случае "здорово" – то, что приносит русскому пользу, а "немцу смерть" – то, что может навредить человеку другой национальности, не привыкшему к русским обычаям и традициям» [Топорова 2002, с. 116].

В ходе нашего исследования отдельно хотелось бы отметить и возникшие в последние десятилетия фразеологизмы со словом *русский*: *новый русский* и *русским по белому*. Выражение *новый русский* в «Большом словаре русских поговорок» [Мокиенко, Никитина 2007] толкуется следующим образом: «1. Разг. Представитель российской бизнес-элиты. 2. Жарг. студ. Шутл. Современный

русский язык (учебный предмет)» [Там же, с. 586]. А устойчивое сочетание *русским по белому*, которое возникло в результате контаминации словосочетаний *русским языком* и *черным по белому*, имеет значение «четко, ясно, недвусмысленно» [Там же]. Неоспоримо культурологическое значение данных фразеологизмов, потому что они отражают новые реалии жизни русского человека и уклад современного общества.

Таким образом, анализ различных идиоматических единиц позволяет говорить нам о многогранности содержания лингвоментального комплекса *Россия/русский* в общенациональной картине мира. Так, сегмент «страна» включает когнитивные признаки «пользующаяся наибольшей любовью», «благочестивая, священная земля, на которой чувствуется присутствие Бога», «своя, близкая по рождению, духу, традициям», «специфический, неповторимый, свойственный только России». Сегмент «общество» содержит признаки ««отличающийся сообразительностью, способностью быстро смекнуть что-нибудь», «делающий добро другим, отзывчивый», «мужественный и решительный в поступках». Интересно, что в рамках русской фразеологии нерелевантным оказывается сегмент «государство». На наш взгляд, это связано с тем, что русские идиомы о России отличаются аксиологической окрашенностью и направлены прежде всего на осмысление духовно-нравственных категорий, а не управленческого аппарата.

Выводы ко 2 главе:

1. Концепты *Россия* и *русский* – это этнически маркированные единицы, в языковой картине мира русского народа обладающие сложной, иерархически организованной структурой. Будучи связанными между собой когнитивным признаком «относящийся к России, русский», данные концепты образуют многомерный и многокомпонентный лингвоментальный комплекс *Россия/русский*, содержание которого составляют когнитивные признаки,

отражающие самосознание русского этноса и восприятие им родной страны – России.

2. Ядро модели концепта *Россия*, который репрезентируется посредством лексем *Россия*, *Русь*, *Российская Федерация*, *Родина*₁ (*родина*₂), *Отечество*₁ (*отечество*₂), *Отчизна*₁ (*отчизна*₂) и др., и, согласно материалам лингвистических и энциклопедических словарей, включает такие актуальные для русского языкового сознания когнитивные признаки, как «федеративное государство, расположенное в Европе и Азии» и «страна, большинство населения которой составляют русские». Околоядерную зону занимают когнитивные признаки «страна, в которой родился человек и гражданином которой является», «страна, которую любит человек, в ней проживающий», а на периферии находится когнитивный признак «относящийся к России, русский».

Концепт *русский*, объективированный в русской языковой картине мира лексемами *русский*, *россиянин*, *российский*, *русак*, *русонет*, *росс* и др., согласно материалам словарей, также имеет трехуровневую структуру. Так, его ядро составляют признаки «восточно-славянский народ, составляющий большинство населения бывшего СССР и современной России», «относящийся к Руси, России». Околоядерную зону организуют когнитивные признаки «свойственный, характерный для России», «представитель русского этноса», а на периферии оказывается когнитивный признак «приобщенный к национальной культуре, традициям, обычаям».

3. Анализ ассоциативных полей позволяет говорить об особой актуальности лингвоментального комплекса *Россия/русский* для современной языковой картины мира, на что указывают обширные ассоциативные связи лексем *Россия* и *русский*, номинирующих соответствующие концепты. Так, анализ ассоциативных полей позволяет утверждать, что в содержании концепта *Россия* выделяются актуальные признаки «своя по рождению, по духу, по привычкам», «обладающая выдающимися свойствами, внушающими преклонение, уважение», «бессильная, находящаяся в состоянии упадка, отсталая», «способная безропотно переносить что-нибудь (страдание, боль, неприятное, нежелательное)». В свою очередь,

концепт *русский* организуют когнитивные признаки «обладающий ярко выраженными национально-специфическими особенностями, чертами», «исторически сложившаяся общность людей (племя, народность, нация), имеющая социальную целостность и своеобразно-индивидуальный стереотип поведения», «относящийся к России, связанный с ней».

4. Русская фразеология раскрывает перед нами национально-специфическое, историческое содержание лингвоментального комплекса *Россия/русский*, которое зародилось вместе с возникновением этноса и продолжает развиваться до сих пор. Именно в идиомах объективируются такие актуальные для русского языкового пространства когнитивные признаки концепта *Россия*, как «пользующаяся наибольшей любовью», «благочестивая, священная страна, на земле которой чувствуется присутствие Бога» «своя, близкая по рождению, духу, традициям». Что же касается концепта *русский*, то в национальной фразеологии он также предстает как многомерная ментальная единица, содержание которой формируют следующие когнитивные признаки: «специфический, неповторимый, свойственный только России», «отличающийся сообразительностью, способностью быстро смекнуть что-нибудь», «делающий добро другим, отзывчивый», «мужественный и решительный в поступках».

5. Исходя из всего вышесказанного, мы можем утверждать, что в языковой картине мира русского народа лингвоментальный комплекс *Россия/русский* имеет сложную структуру и членится на три сегмента – «государство», «страна/территория», «общество», каждый из которых образован определенным набором вышечисленных признаков. Сегмент «государство» в языковом сознании носителей русского языка включает когнитивный признак «федеративное государство, расположенное в Европе и Азии». Сегмент «страна» в рамках русской национальной картины мира включает целый комплекс многообразных признаков: «страна, большинство населения которой составляют русские»; «страна, в которой родился человек и гражданином которой является»; «страна, которую любит человек, в ней проживающий»; «относящийся к Руси, России»; «свойственный, характерный для России»; «своя по рождению, по духу,

по привычкам»; «обладающая выдающимися свойствами, внушающими преклонение, уважение»; «пользующаяся наибольшей любовью»; «благочестивая, священная страна, на земле которой чувствуется присутствие Бога»; «своя, близкая по рождению, духу, традициям»; «бессильная, находящаяся в состоянии упадка, отсталая». Сегмент «общество» в сознании русской языковой личности содержит когнитивные признаки «восточно-славянский народ, составляющий большинство населения бывшего СССР и современной России»; «представитель русского этноса»; «приобщенный к национальной культуре, традициям, обычаям»; «способная безропотно переносить что-нибудь»; «исторически сложившаяся общность людей, имеющая социальную целостность и своеобразно-индивидуальный стереотип поведения»; «отличающийся сообразительностью, способностью быстро смекнуть что-нибудь»; «делающий добро другим, отзывчивый»; «мужественный и решительный в поступках» (См. Таблица 1).

Таблица 1

Когнитивное содержание лингвоментального комплекса *Россия/русский* в языковой картине мира русского народа

<i>Сегмент</i>	<i>Когнитивные признаки</i>
Государство	Федеративное государство, расположенное в Европе и Азии
Страна	Страна, большинство населения которой составляют русские; Страна, в которой родился человек и гражданином которой является; Страна, которую любит человек, в ней проживающий; Относящийся к Руси, России; Свойственный, характерный для России; Своя по рождению, по духу, по привычкам; Обладающая выдающимися свойствами, внушающими

	<p>преклонение, уважение;</p> <p>Пользующаяся наибольшей любовью;</p> <p>Благочестивая, священная страна, на земле которой</p> <p>Чувствуется присутствие Бога;</p> <p>Своя, близкая по рождению, духу, традициям;</p> <p>Бессильная, находящаяся в состоянии упадка, отсталая</p>
Общество	<p>Восточно-славянский народ, составляющий большинство населения бывшего СССР и современной России;</p> <p>Представитель русского этноса;</p> <p>Приобщенный к национальной культуре, традициям, обычаям;</p> <p>Способная безропотно переносить что-нибудь;</p> <p>Исторически сложившаяся общность людей, имеющая социальную целостность и своеобразно-индивидуальный стереотип поведения;</p> <p>Отличающийся сообразительностью, способностью быстро смекнуть что-нибудь;</p> <p>Делающий добро другим, отзывчивый;</p> <p>Мужественный и решительный в поступках</p>

Глава 3. Лингвоментальный комплекс *Россия/русский* в художественной картине мира (диахронический аспект)

§ 1. Языковое представление лингвоментального комплекса *Россия/русский* в художественных произведениях XIX века

Лингвоментальный комплекс *Россия/русский*, как мы уже убедились, в языковом сознании русского народа обладает сложным когнитивным содержанием, которое может значительно трансформироваться в русских художественных текстах XIX – XXI вв., отражающих взгляды писателей определенного столетия на социальное, политическое и экономическое устройство нашей страны. Осмысление языковой личностью феноменов, стоящих за содержанием лингвоментального комплекса *Россия/русский* накладывает существенный отпечаток на его содержание, которое в литературных текстах представляет собой «глубинную свернутую смысловую структуру текста» [Красных 1998, с. 63] и выражает «авторские модификации общепринятых ценностей» [Карасик 2009, с. 31]. Исследование художественной картины мира разных эпох позволяет проследить динамику развития и изменения лингвоментального комплекса в сознании носителей языка.

Проведенное нами исследование русской художественной картины мира показало, что, репрезентируясь в произведениях XIX века, лингвоментальный комплекс *Россия/русский* обладает весьма сложным когнитивным содержанием. Представляя собой многомерное ментальное образование, он включает в свое смысловое поле другие, более мелкие в содержательном значении единицы содержания, именуемые О.В. Евтушенко [См.: Евтушенко 2007 б] константами, которые представляют собой доминанты повторяющихся в текстах о России ключевых слов, являющихся постоянными для произведений определенного периода. Все константы, входящие в структуру лингвоментального комплекса *Россия/русский* группируются вокруг таких смысловых сегментов, как

«государство», «общество», «страна». Рассмотрим когнитивное наполнение каждого из вышеобозначенных сегментов.

Так, в произведениях XIX столетия в составе сегмента «государство» доминирующее, ядерное, положение занимает константа *власть*, в зависимости от контекста актуализирующая следующие значения: «1. Право управления государством, политическое господство. || Права и полномочия государственных органов. 2. Органы государственного управления. Правительство. || *мн. ч.* Должностные лица, начальство» [Словарь ... 1985, т. 1, с. 184]: «*Если вы право имеете ее (икону. – Т.К.) у нас отобрать, то мы **власти** не сопротивники – отбирайте; но для чего же редкое отеческое художество повреждать?* (Н.С. Лесков «Запечатленный ангел»)» [Лесков 1957, т. 4]; «*Но в нас горит еще желанье, / Под гнетом **власти** роковой / Нетерпеливою душой / Отчизны внемлем призыванье*» (А.С. Пушкин «К Чаадаеву») [Пушкин 1959, т. 1]; «*Последнее в борьбе суровой / Теперь лишь высказано слово; / То слово – **русского царя***» (Ф.И. Тютчев «Черное море») [Тютчев 2002, т. 2]. Иными словами, «если государство мыслится как целостная сущность (антропоморфная, зооморфная или выступающая в образе машины), то отдельные части государства именуется властью, а еще более мелкие составляющие – люди, облеченные полномочием осуществлять действия от имени государства, – властями» [Евтушенко 2005, с. 50-51].

Подтверждением данной мысли могут служить слова и словосочетания, вербализирующие константу *власть* в рамках лингвоментального комплекса *Россия/русский*. Так, для языкового сознания писателей XIX века особенно актуальными оказываются *царь, государь, император*: «*Полковник наш рожден был хватом: / Слуга **царю**, отец солдатам...*» (М.Ю. Лермонтов «Бородино») [Лермонтов т. 1, 1988]; «*Скажи ему, – сказал Воронцов переводчику (он говорил «ты» молодым офицерам), – что наш **государь** так же милостив, как могуществен, и, вероятно, по моей просьбе простит его и примет в свою службу*» (Л.Н. Толстой «Хаджи-Мурат») [Толстой т. 35, 1950]; «*Император Николай Павлович поначалу тоже никакого внимания на блоху не обратил,*

потому что при восходе его было смятение...» (Н.С. Лесков «Левша») [Лесков 1958, т. 7]. Данные лексемы эксплицируют представление о господствовавшей в этот период форме государственного правления – монархии, при которой верховная власть в России принадлежала одному лицу и передавалась по наследству. В произведениях XIX столетия олицетворением монархического правления стали императоры Петр I Великий, Александр I, Николай I, Александр II, Александр III: «*Ибрагим видал **Петра** в сенате, оспориваемого Бутурлиным и Долгоруким, разбирающего важные запросы законодательства, в адмиралтейской коллегии утверждающего морское величие России...*» (А.С. Пушкин «Арап Петра Великого») [Пушкин 1960, т. 5]; «*Когда **император Александр Павлович** окончил венский совет, то он захотел по Европе проездиться и в разных государствах чудес посмотреть*» (Н.С. Лесков «Левша») [Лесков 1958, т. 7].

Осуществлять руководство страной монархам помогали представители бюрократического аппарата, именуемые в произведениях рассматриваемого периода словами *сенат, коллегия, начальство, правительство, государственное правление, губернатор, министерство, вельможа, администрация, председатель управы, чиновник, земская управа, судебный пристав, член управы* и мн. др.: «*Я вчера слышала, она выходит за Протопопова, **председателя** здешней **управы***» (А.П. Чехов «Три сестры») [Чехов т. 13, 1978]; «*Он (Черновицкий. – Т.К.) все расспрашивал его (Володю. – Т.К.), что делает **государь** и **военный министр**, и рассказывал ему с ненатуральным восторгом подвиги храбрости, совершенные в Севастополе*» (Л.Н. Толстой «Севастополь в августе 1855 года») [Толстой т. 4, 1935]. Интересным представляется то, что большое количество лексем, актуализирующих в XIX веке константу *власть* лингвоментального комплекса *Россия/русский*, являются для языкового сознания XXI столетия устаревшими и относятся к пассивному запасу современного русского языка. Так, слова и словосочетания *сенат, коллегия, государственное правление, вельможа, председатель управы, земская управа, член управы* использовались для наименования представителей органов власти лишь во времена царской России.

Остальные лексемы – *начальство, правительство, губернатор, министерство, администрация, чиновник, судебный пристав* – и по сей день относятся к активному запасу русского языка.

Россия XIX века как никогда прежде нуждалась в деятельных и инициативных правителях, нацеленных на реформирование политической, экономической, культурной и социальной сфер жизни страны. С каждым из взошедших на престол связывались надежды на светлое будущее, но, к сожалению, Россия по-прежнему оставалась государством, в котором большая часть формировавшегося из крестьянских податей бюджета уходила на удовлетворение нужд многочисленных чиновников, хозяйствовавших на местах.

Несомненно, что поэты и прозаики XIX столетия, по-особенному чутко воспринимавшие несправедливости своего времени, не могли не обратить внимания на вседозволенность и бесчинство русских властей, пагубно влиявших на социально-экономическое развитие России. Желая «на троне поразить порок», русские классики открыто выражают свои взгляды и дают яркую, зачастую отрицательную, оценку действиям правительства, что накладывает отпечаток на признаковое наполнение константы *власть* лингвоментального комплекса *Россия/русский*. Так, данная константа приобретает такие когнитивные признаки, как «неправедная» («*Везде **неправедная** власть / В сгущенной мгле предрассуждений / Воссела – Рабства грозный Гений / И славы роковая страсть*» А.С. Пушкин «Вольность» [Пушкин 1959, т. 1]), «свирепствующая» («*И русскую деву влекли на позор, / Свирепствовал бич без боязни, / И ужас при слове «набор» / Подобен был ужасу казни?*» Н.А. Некрасов «Кому на Руси жить хорошо» [Некрасов 1981, т. 5]), «эгоистичная» («*Не богу ты служил и не России, / Служил лишь суете своей...*» Ф.И. Тютчев «Не богу ты служил и не России...» [Тютчев 2002, т. 2]), «коррупционная» («*Прежде, в недавнее еще время, мы говорили, что чиновники наши берут взятки, что у нас нет ни дорог, ни торговли, ни правильного суда...*» И.С. Тургенев «Отцы и дети» [Тургенев 1994, т. 5]), «беззаконная» («*Не видя слез, не внемля стоны, На пагубу людей избранное судьбой, / Здесь барство дикое без чувства, без закона, / Присвоило себе*

насильственной лозой / И труд, и собственность, и время земледельца» А.С. Пушкин «Деревня» [Пушкин 1959, т. 1]). Подобные признаки обогащают содержание лингвоментального комплекса *Россия/русский* когнитивным признаком «управляемая властями, поступающими вопреки справедливости, нарушающими справедливость» [Словарь ... 1986, т. 2, с. 482]».

В текстах XIX века в рамках сегмента «государство» лингвоментального комплекса *Россия/русский* актуализируется также и такая константа, как *армия*, содержащая информацию о «совокупности вооруженных сил государства (сухопутных, морских, воздушных) [Словарь ... 1985, т. 1, с. 45]» и их способности отстаивать честь страны в военных конфликтах. Лексическими экспликантами данной константы являются слова и словосочетания, называющие воинские подразделения (*армия* в значении «сухопутные вооруженные силы», *флот*), указывающие на представителей силовых структур (*адмирал, командир, офицер, ротный, генерал, военный министр, воинский начальник, ротмистр, солдат, матрос* и мн. др.), а также именующие атрибуты вооруженных сражений (*русская пуля, русский штык, судна, пушки, знамена, корабли*): «*Ликует русский флот. Широкая Нева / Без ветра, в ясный день глубоко взволновалась*» (А.С. Пушкин «Чу, пушки грянули! крылатых кораблей...») [Пушкин 1959, т. 2]; «*Между офицерами шел оживленный разговор о последней новости, смерти генерала Слепцова*» (Л.Н. Толстой «Хаджи-Мурат») [Толстой 1950, т. 35]; «*Что ж мы? на зимние квартиры? / Не смеют, что ли, командиры / Чужие изорвать мундиры / О русские штыки?*» (М.Ю. Лермонтов «Бородино») [Лермонтов 1988, т. 1].

Стоит отметить, что в пределах константы *армия* объективируется неоднозначная оценка обороноспособности нашей страны. Например, в повести Н.С. Лескова «Левша» указывается на ретроградность некоторых способов эксплуатации русского военного обеспечения: «*Скажите государю, что у англичан ружья кирпичом не чистят: пусть чтобы и у нас не чистили, а то, храни Бог войны, они стрелять не годятся*» [Лесков 1958, т. 7]. Несомненно, такой неправильный метод подготовки оружия к боевым действиям негативно сказывается на его работоспособности, что приводит к ослаблению военного

потенциала России: *«Государю так и не сказали, и чистка все продолжалась до самой Крымской кампании. В тогдашнее время как стали ружья заряжать, а пули в них и болтаются, потому что стволы кирпичом расчищены. <...> А доведи они левшины слова в свое время до государя – в Крыму на войне с неприятелем совсем бы другой оборот был»* [Лесков 1958, т. 7].

Действительно, русская армия была неготова к Крымской кампании. Недостаточное финансирование и неразвитость военной инфраструктуры отрицательно сказались на внутренних резервах вооруженных сил России. Уступая противникам в боевой тактике и технической оснащенности, русское войско не всегда могло достойно противостоять натиску вражеской коалиции. В связи с данным обстоятельством в рамках константы *армия* лингвоментального комплекса *Россия/русский* релевантной становится информация о бессилии и растерянности русских солдат и русского командования на фронте: *«Потери только, потери ужасные, – сказал полковник тоном официальной печали, – у меня в полку четыреста человек выбыло. Удивительно, как я жив вышел оттуда»* (Л.Н. Толстой «Севастополь в мае») [Толстой 1935, т. 4]; *«Действительно, простым глазом видно было, как будто темные пятна двигались с горы через балку от французских батарей к бастионам. Впереди этих пятен видны были темные полосы около нашей линии. <...> "Штурм!", – сказал офицер с бледным лицом, отдавая трубку моряку»* (Л.Н. Толстой «Севастополь в августе 1855 года») [Там же]; *«При свете зари пожара видны были мачты наших утопающих кораблей, которые медленно, глубже и глубже уходили в воду»* (Л.Н. Толстой «Севастополь в августе 1855 года») [Там же].

Необходимо сказать, что, хотя в произведениях XIX века и содержатся сведения о неудачах, постигавших вооруженные силы Российской империи, наиболее актуальной для художественных текстов этого периода является информация о ратной славе России, возможной благодаря самоотверженности русского народа на поле боя: *«Что тут хитрить, пожалуй к бою; / Уж мы пойдем ломить стеною, / Уж постойм мы головою / За родину свою!»* (М.Ю. Лермонтов «Бородино») [Лермонтов 1988, т. 1].

Действительно, секрет успеха русской армии кроется не в передовой оснащённости, а в доблестном служении русского солдата, для которого честь и свобода Родины были выше собственной жизни: *«Я горячим рожден патриотом, / Я весьма терпеливо стою, / Если войско, несметное счетом, / Переходит дорогу мою»* (Н.А. Некрасов «До сумерек» [«О погоде»]) [Некрасов 1981, т. 2]; *«И вождь сказал перед полками: / "Ребята, не Москва ль за нами? / Умремте ж под Москвой, / Как наши братья умирали". / И мы погибнуть обещали, / И клятву верности сдержали / Мы в бородинский бой»* (М.Ю. Лермонтов «Поле Бородина») [Лермонтов 1988, т. 1]; *«Вы ясно поймете, вообразите себе тех людей, которых вы сейчас видели, теми героями, которые в те тяжкие времена не упали, а возвышались духом и с наслаждением готовились к смерти, не за город, а за родину»* (Л.Н. Толстой «Севастополь в декабре месяце») [Толстой 1935, т. 4]. В мучительной борьбе «за веру, престол и отечество», русский человек являет собой образец истинной воинской доблести и отваги, благодаря которым и достигаются величайшие победы русской армии: *«Сбылось – и в день Бородина / Вновь наши вторглись знамена / В проломы падшей вновь Варшавы; / И Польша, как бегущий полк, / Во прах бросает стяг кровавый – И бунт раздавленный умолк»* (А.С. Пушкин «Бородинская годовщина») [Пушкин 1959, т. 2]. И именно героическое служение нашего народа делает Россию сверхдержавой, с достоинством отражающей удары врага.

Проанализированный материал, таким образом, позволяет нам говорить о том, что константа *армия* обогащает содержание лингвоментального комплекса *Россия/русский* когнитивным признаком «способная, подготовленная к обороне» [Словарь ... 1986, т. 2, с. 556], который наряду с вышеназванным актуальным признаком «управляемая властями, поступающими вопреки справедливости, нарушающими справедливость» формирует сегмент «государство» лингвоментального комплекса *Россия/русский* в художественных текстах XIX столетия.

Не менее значимым в структуре рассматриваемого нами лингвоментального комплекса является и сегмент «страна/территория», который содержит

представление о территориально-климатическом и социально-экономическом устройстве России. Необходимо отметить, что в рамках данного сегмента находит отражение самая разнообразная информация как о природном, так и об экономическом устройстве нашей страны. В нашей работе мы постарались свести все многообразие информации в единую систему и рассматривали наиболее общие признаки лингвоментального комплекса *Россия/русский*.

Так, писатели указывают на один из самых специфических признаков России – суровый климат, с характерными для него морозными снежными зимами: *«Но мороз не щадит – прибавляется. / Приуныла столица...»* (Н.А. Некрасов «Крещенские морозы» [«О погоде»]) [Некрасов 1981, т. 2]; *«А на дворе было светло от месяца, сухой снег скрипел под ногами, и мороз был трескучий, крещенский»* (Н.С. Лесков «Житие одной бабы») [Лесков 1956, т. 1]. Суровые погодные условия во многом определяют жизнедеятельность Российского государства, поэтому, на наш взгляд, целесообразно выделить константу *холод* и когнитивный признак «страна с сильными, устойчивыми холодами» [Словарь ... 1988, т. 4, с. 616]: *«Но спят усачи-гренадеры / В равнине, где Эльба шумит, / Под снегом холодным России, / Под знойным песком пирамид»* (М.Ю. Лермонтов «Воздушный корабль») [Лермонтов 1988, т. 1]; *«А доведись ему в России жить, так он не то что в декабре, а в мае запросился бы в комнату. Небось скрючило бы от холода»* (А.П. Чехов «Палата №6») [Чехов 1878 т. 8].

Актуализации названного когнитивного признака как нельзя лучше способствуют сочетания лексемы *русский*, объективирующей соответствующий концепт, с именами существительными *зима, стужа, мороз*: *«Татьяна (русская душою, / Сама не зная, почему) / С ее холодной красою / Любила русскую зиму...»* (А.С. Пушкин «Евгений Онегин») [Пушкин 1960, т. 4]; *«Но напрасно ты кутала в соболь / Соловьиное горло свое, / Дочь Италии! С русским морозом / Трудно сладить полуденным розам»* (Н.А. Некрасов «Крещенские морозы» [«О погоде»]) [Некрасов 1981, т. 2]. Актуализируясь в составе вышеперечисленных словосочетаний, концепт *русский* объективирует свой этноспецифический когнитивный признак – «составляющий отличительную черту, особенность

России» – и, являясь органической составляющей лингвоментального комплекса *Россия/русский*, служит одним из средств вербализации константы *холод* в составе этой более сложной в структурном плане ментальной единицы.

Несомненно, что писатели, поэты и даже философы в своих произведениях не могли не говорить о пространственном величии Российской Империи и богатстве ее природных ресурсов: «*Россия одарила нас бескрайними просторами, ширью уходящих равнин, вольно пронизываемых взором да ветром, зовущих в легкий, далекий путь*» (И.А. Ильин «О России») [Ильин 1995]; «*Теснясь и выглядывая друг из-за друга, ... холмы сливаются в возвышенность, которая тянется вправо от дороги до самого горизонта и исчезает в лиловой дали; едешь-едешь и никак не разберешь, где она начинается, и где кончается...*» (А.П. Чехов «Степь») [Чехов 1977, т. 7]. Подобное описание родной страны русскими классиками позволяет в пределах лингвоментального комплекса *Россия/русский* выделить константу *простор*, которая актуализируется в художественных текстах посредством лексем, указывающих на протяженность российской территории: «*Но я люблю – за что, не знаю сам – / Ее степей холодное молчанье, / Ее лесов безбрежных колыханье, / Разливы рек ее, подобные морям...*» (М.Ю. Лермонтов «Родина») [Лермонтов 1988, т. 1]; «*Уже вечерело; солнце скрылось за небольшую осиновую рошу, лежавшую в полверсте от сада: тень от нее без конца тянулась через неподвижные поля*» (И.С. Тургенев «Отцы и дети») [Тургенев 1994, т. 5].

Будучи обширной страной, Россия, тем не менее, представляет собой земельное пространство с определенными границами, которые в художественной картине мира русского народа определяются следующим образом: «*От Нила до Невы, от Эльбы до Китая, / От Волги по Евфрат, от Ганга до Дуная... / Вот царство русское...*» (Ф.И. Тютчев «Русская география») [Тютчев 2002, т. 1]; «*Или от Перми до Тавриды, / От финских хладных скал до пламенной Колхиды, / От потрясенного Кремля / До стен недвижного Китая, Стальной щетиною сверкая, / Не встанет русская земля?..*» (А.С. Пушкин Клеветникам России») [Пушкин 1959, т. 2]. Несомненно, приведенные описания границ довольно условны, но в

рамках нашего исследования они играют значительную роль, поскольку показывают, что в сознании русского человека наша страна представляет собой безмерную территорию, простирающуюся в необозримую даль.

Таким образом, совокупность приведенных выше примеров, на наш взгляд, иллюстрирует когнитивный признак «свободное обширное пространство» [Словарь ... 1987, т. 3, с. 527], которым наделяется лингвоментальный комплекс *Россия/русский* во всех, без исключения, произведениях XIX века.

Но стоит отметить, что в русской языковой картине мира обширное пространство России подразделяется на две неравнозначные области – центр и периферию, о чем свидетельствуют следующие высказывания, взятые из произведений русских классиков: «... *лучше отправить Хаджи-Мурата в центр России и воспользоваться им уже тогда, когда его семья будет выручена из гор и можно будет увериться в его преданности*» (Л.Н. Толстой «Хаджи-Мурат») [Толстой 1950, т. 4]; «*Лаврецкий прожил зиму в Москве, а весной следующего года дошла до него весть, что Лиза постриглась в Б...м монастыре, в одном из отдаленнейших краев России*» (И.С. Тургенев «Дворянское гнездо») [Тургенев 1994, т. 4].

Центр России, объективируясь посредством наименований *Москва* и *Санкт-Петербург*, отождествляется с пространством обеих столиц, являющихся средоточием общественной и культурной жизни страны: «*Судя по всему, в наших столицах нет умственного застоя, есть движение*» (А.П. Чехов «Палата №6») [Чехов 1978, т. 8]. Стоит отметить, что для русского народа Москва – это не просто столица нашей Родины, это – душа России, которая хранит в себе национальную культуру, традиции и обычаи. С древних времен русский человек восхищался красотой и величием Москвы, а выдающиеся художники слова с восторгом и любовью писали о нем в своих произведениях. Так, в романе «Евгений Онегин» А.С. Пушкина находим: «*Москва... Как много в этом звуке / Для сердца русского слилось! / Как много в нем отозвалось!*» [Пушкин 1960, т. 4]. А если мы обратимся к одному из произведений М.Ю. Лермонтова – поэме «Сашка», то увидим, что великий поэт был также пленен и очарован Москвой до

глубины души: *«Москва, Москва!.. люблю тебя как сын, / Как русский, – сильно, пламенно и нежно! / Люблю священный блеск твоих седин / И этот Кремль зубчатый, безмятежный»* [Лермонтов 1988, т. 1]. Со столицей нашей Родины связаны многие культурные и исторические события, происходившие в России и повлиявшие на формирование национального самосознания. Москва навсегда останется для русского народа одним из самых любимых городов, от встречи с которым остается ощущение, что ты побывал в самом сердце России.

Не меньший писательский восторг вызывает и северная столица нашей страны – Санкт-Петербург: *«Люблю тебя, Петра творенье, / Люблю твой строгий, стройный вид, / Невы державное течение, / Береговой ее гранит...»* (А.С. Пушкин «Медный всадник») [Пушкин 1960, т. 4]. Русские классики не раз обращали внимание на необычайное великолепие этого города, снискавшего себе славу передового культурного центра России: *«Все свежо, все эффектно: зимой / Словно весь посеребранный, пышен / Петербург самобытной красой!»* (Н.А. Некрасов «Кому холодно, кому жарко!» [«О погоде»]) [Некрасов 1981, т. 2]; *«Прошло сто лет, и юный град, / Полнощных стран краса и диво, / Из тьмы лесов, из топи блат / Вознесся пышно, горделиво...»* (А.С. Пушкин «Медный всадник») [Пушкин 1960, т. 4].

Полную противоположность столицам являет собой периферия, которая представляет многочисленное количество разбросанных по Российской Империи провинциальных городов и деревень, находящихся в отдалении от столичной жизни, и поэтому ассоциирующихся с глушью и захолустьем: *«В столицах шум, гремят витии, / Кипит словесная война, / А там, во глубине России, – / Там вековая тишина»* (Н.А. Некрасов «В столицах шум, гремят витии...») [Некрасов 1981, т. 1]. Большая территориальная протяженность обусловила удаленность большинства населенных пунктов от столичных центров, в связи с чем провинция составляет подавляющую часть территории России, ведущей тихую и размеренную жизнь: *«Вот, – воскликнул он, – хоть мы и в глуши живем, а в торжественных случаях имеем чем себя повеселить»* (И.С. Тургенев «Отцы и дети») [Тургенев 1994, т. 5]; *«Но говорят, вы нелюдим; / В глуши, в деревне все*

вам скучно, / А мы... *Ничем мы не блещим, / Хоть вам и рады простодушно*» (А.С. Пушкин «Евгений Онегин») [Пушкин 1960, т. 4]. Конечно, подобные условия неблагоприятно сказывались на развитии культуры в провинциальных регионах, в которых досуг молодых людей состоял, главным образом, из игры в карты или бездумного времяпрепровождения: *«Ни театра, ни музыки, а на последнем танцевальном вечере в клубе было около двадцати дам и только два кавалера. Молодежь не танцует, а все время толпится около буфета или играет в карты»* (А.П. Чехов «Палата №6») [Чехов 1978, т. 8].

Как мы видим, столицы и провинция разительно отличаются друг от друга, причем различия касаются различных аспектов жизнедеятельности этих административных единиц: внешнего убранства, культурного досуга, просветительской деятельности. Данное обстоятельство позволяет говорить нам о таких константах лингвоментального комплекса *Россия/русский*, как *центр* и *периферия*, которые обогащают его когнитивным признаком «страна с развивающимися столицами и отсталой провинцией».

Разумеется, столицы и провинция не представляют собой два мира, полностью обособленных друг от друга. Так или иначе, они оказываются связанными единым социально-экономическим устройством, характерным для России XIX столетия. В этот период наша страна представляла собой небогатое государство с абсолютно неразвитой финансовой системой, на что не раз указывали русские поэты и прозаики. В связи с этим в сегменте «страна» лингвоментального комплекса *Россия/русский* можно выделить константу *бедность*, объективирующую информацию о низком материальном благополучии страны и населяющего ее народа: *«Ты грустна, ты страдаешь душою: / Верю – здесь не страдать мудрено. / С окружающей нас нищетой / Здесь природа сама заодно»* (Н.А. Некрасов «Утро») [Некрасов 1981, т. 3]; *«Эти бедные селенья, / Эта скудная природа – / Край родной долготерпенья, / Край ты русского народа!»* (Ф.И. Тютчев «Эти бедные селенья...») [Тютчев 2002, т. 2]. Как видно из приведенных выше примеров, актуализации рассматриваемой константы

способствуют лексемы *нищета* и *бедность*, а также производные от них прилагательные *нищий/ая*, *бедный/ая*.

Действительно, в художественных текстах рассматриваемого периода писатели неоднократно акцентируют внимание на нищенском существовании нашей страны, затянувшийся экономический кризис в которой обусловил крайне низкий уровень жизни русского народа: *«Попадались <...> деревеньки с низкими избушками под темными, часто до половины раздетыми крышами, и покряхтывавшиеся молотильные сарайчики с плетеными из хвороста стенами и зевающими воротницами возле опустелых гумен, и церкви, то кирпичные с отвалившейся кое-где штукатуркой, то деревянные с наклонившимися крестами и разоренными кладбищами. <...> Как нарочно, мужички встречались все обтерханные, на плохих клячках; <...> исхудалые, шершавые, словно обглоданные, коровы жадно щипали траву по канавам»* (И.С. Тургенев «Отцы и дети») [Тургенев 1994, т. 5]. Приведенный фрагмент из романа «Отцы и дети» И.С. Тургенева, на наш взгляд, как нельзя лучше показывает, какое удручающее зрелище представляла собой в XIX веке наша Отчизна. Неказистые города и села с покосившимися административными зданиями, полуразваленными домами и неприбранными улицами, к сожалению, были обычным явлением в жизни царской России – бедной страны с богатыми природными ресурсами: *«Теперь у нас дороги плохи, / Мосты забытые гниют, / На станциях клопы да блохи / Заснуть минуты не дают...»* (А.С. Пушкин «Евгений Онегин») [Пушкин 1960, т. 4]; *«А вот мрачные, давно не отремонтированные университетские ворота... На свежего мальчика, приехавшего из провинции и воображающего, что храм науки в самом деле храм, такие ворота не могут произвести здорового впечатления»* (А.П. Чехов «Скучная история») [Чехов 1977, т. 7].

Не хватало денежных средств и для поддержания благосостояния населения. Лишение и нужда стали верными спутниками простого русского человека, который первым пожинал плоды недейственных экономических реформ, проводимых властями: *«Она была взята из однодворок и попала в крепость с нужды горькой, потому что у нас в округе иные вольные еще хуже*

крепостных живали: бедность страшная» (Н.С. Лесков «Житие одной бабы») [Лесков 1956, т. 1]; «*Мирно живу средь полей, / Но и крестьяне с унылыми лицами / Не услаждают очей; / Их нищета, их терпенье безмерное / Только досаду родит...*» (Н.А. Некрасов «Литература с трескучими фразами...») [Некрасов 1981, т. 2]. В этой связи отнюдь не случайными кажутся наименования населенных пунктов в поэме Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», в котором «говорящие» названия *Заплатово, Дырявино, Разутово, Знобишино, Горелово, Неелово, Неурожайка* служат одним из средств наглядной объективации материального оскудения страны. Кроме того, об обнищании нашего государства свидетельствует и словосочетание *русский голод*, в котором актуализируется такой когнитивный признак концепта *русский*, как «составляющий отличительную черту, особенность России»: «*Там и простился я с ножками, / С адского грохоту, свисту оглох, / С русского голоду чуть не подох!*» (Н.А. Некрасов «Кому на Руси жить хорошо») [Некрасов 1982, т. 5].

Подобное осмысление писателями экономического состояния родной страны позволяет говорить нам о том, что константа *бедность* обогащает содержание лингвоментального комплекса *Россия/русский* актуальным для художественных текстов XIX века когнитивным признаком «не имеющая достаточных ... средств к существованию...» [Словарь ... 1985, т. 1, с. 67].

Таким образом, сегмент «страна» лингвоментального комплекса *Россия/русский* содержит разнообразную информацию, касающуюся различных аспектов жизнедеятельности нашей Родины: климатических условий, территориальной организации, административного деления, экономического развития. Несомненно, это находит отражение в структуре рассматриваемого нами лингвоментального комплекса, в формировании содержания которого значимую роль играют такие константы, как *холод, простор, центр/периферия, бедность*.

В ходе нашего исследования немаловажным оказывается и то, что Россия в творчестве писателей XIX века – это не только геополитическое образование, но и, как справедливо отмечал А.Н. Толстой, «весь народ, совершающий на данной

площади свое историческое движение. Это – прошлое народа, настоящее и будущее. Это – его своеобразная культура, его язык, его характер» [Цит. по: Воркачев 2008, с. 5]. Данное обстоятельство позволяет выделить нам еще один смыслообразующий сегмент в структуре лингвоментального комплекса *Россия/русский* – «общество», который возник в результате метонимического переноса наименования страны на граждан, ее населяющих: «*Да, постигла и Россия / Тайну жизни наконец: / Тайна жизни – гарантия, / А субсидия – венец!*» (Н.А. Некрасов «Современники») [Некрасов 1982, т. 4].

Лексическим объективатором рассматриваемого сегмента зачастую выступает лексема *русский*, актуализирующая в данном случае следующие значения: 1. Нация, народность. «*Штабс-капитан Краут был белокурый красивый бойкий офицер с большими рыжими усами и бакенбардами; он говорил по-русски отлично, но слишком правильно и красиво для русского*» (Л.Н. Толстой «Севастополь в августе 1855 года») [Толстой 1935, т. 4]; 2. Прилагательное к словам «Россия», «Русь»: *русский человек, русские люди, русское общество, русский народ*.

Как мы видим, к актуализаторам сегмента «общество» относятся слова, которые, по замечаниям исследователей, связаны «с объективацией представления о многочисленном сообществе людей, благодаря осуществляемым действиям воспринимаемому как единый организм» [Юрьева 2008, с. 14] (*русские, народ, люди, общество*). Но все же, исходя из анализа функционирования словосочетаний, включающих репрезентант *русский*, мы можем говорить о том, что российское общество неоднородно, многоукладно, разделено на слои, профессии, классы. Так, в русской художественной литературе находит выражение гендерная дифференциация (*русский мужик, русские женщины, русские юноши, русские девы*), социальное неравенство (*русский крестьянин, русский барин, русская интеллигенция, русское дворянство*), профессиональная специализация (*русский офицер, русский солдат, русские писатели, русский поэт, русский рабочий*), идеологическое разделение (*русский революционер, русский монархист*).

Объединяя в своих пределах разнородных представителей нации, русское общество, тем не менее, не является абсолютно разрозненным и разобщенным коллективом людей, не имеющим общих точек соприкосновения. В произведениях XIX столетия писатели воссоздают единую социальную картину мира русского народа, в основе которой лежит менталитет этноса, его склад ума и образ мыслей. Так, например, классики рассматриваемого периода отмечают низкий уровень образованности людей, характерный для населения царской России: *Левша* отвечает: **«Наша наука простая: по Псалтирю да по Полусоннику, а арифметики мы нимало не знаем»**. Англичане переглянулись и говорят: **«Это удивительно»**. А левша им отвечает: **«У нас это так повсеместно»** (Н.С. Лесков «Левша») [Лесков 1935, т. 4]; **«Минув деревню бедную / Безграмотной губернии <...> / Пришли на Волгу странники...»** (Н.А. Некрасов «Кому на Руси жить хорошо») [Некрасов 1982, т. 5].

Причины подобной тотальной безграмотности можно найти на страницах художественной литературы. Так, простой народ, в большинстве своем находящийся за чертой бедности, и не пытался проявить заинтересованность в интеллектуальном самосовершенствовании, потому что был занят более насущной для него проблемой – добычей средств к существованию. Несомненно, это не лучшим образом сказывалось на его просвещенности, основным источником которой являлись церковные книги или низкопробные романы: **«Эх! Эх! Придет ли времечко, / Когда (приди, желанное!..) / Дадут понять крестьянину, / Что розь портрет портретику, / Что книга книге розь? / Когда мужик не Блюхера / И не милорда глупого – Белинского и Гоголя / С базара понесет?»** (Н.А. Некрасов «Кому на Руси жить хорошо») [Некрасов 1982, т. 5].

Но недостаточный уровень образованности наблюдался не только в среде социально незащищенного населения – крестьян, но и в обществе представителей дворянского сословия, специфику обучения которого можно проиллюстрировать на примере всем известного высказывания из романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: **«Мы все учились понемногу / Чему-нибудь и как-нибудь, / Так воспитаньем, слава Богу, / У нас немудрено блеснуть»** [Пушкин 1960, т. 4].

Не проявляя особого рвения к наукам, «высшее» общество также не состояло из гармонически развитых и всесторонне образованных людей: *«В нашем обществе все сведения о мире ученых исчерпываются анекдотами о необыкновенной рассеянности старых профессоров и двумя-тремя остроумиями... Для образованного общества этого мало. Если бы оно любило науку, ученых и студентов так, как Николай, то его литература давно бы уже имела целые эпопеи, сказания и жития, каких, к сожалению, она не имеет теперь»* (А.П. Чехов «Скучная история») [Чехов 1977, т. 7]. Несмотря на то, что многие представители русского социума проходили обучение в лицеях, гимназиях и университетах, уровень знаний большинства населения был очень далек от того, каким должен обладать поистине образованный человек. В связи с этим мы можем говорить о такой константе лингвоментального комплекса *Россия/русский*, как *необразованность*, и связанным с ней когнитивным признаком «не имеющая образования, невежественная» [Словарь ... 1986, т. 2, с. 457]: *«Что ж там говорить, вы сами видите, страна необразованная, народ безнравственный, притом скука...»* (А.П. Чехов «Вишневый сад») [Чехов 1978, т. 13]; *«Впрочем, это бы ничего, но никакой свободы воззрения, никакой ширины, ничего... этого. Всю систему воспитания надобно переменить»* (И.С. Тургенев «Отцы и дети») [Тургенев 1994, т. 5].

Вполне вероятно, что невежественность и необразованность России, о которых пишут классики XIX столетия, во многом обусловлены образом жизни, который ведет русский человек. Так, по заверениям одного из героев пьесы А.П. Чехова «Три сестры», люди «только едят, пьют, спят, потом умирают... рождаются другие и тоже едят, пьют, спят и, чтобы не отупеть от скуки, разнообразят жизнь свою гадкой сплетней, водкой, картами, сутяжничеством, и жены обманывают мужей, а мужья лгут, делают вид, что ничего не видят, ничего не слышат...». Подобная бездеятельность порождает безынициативных и апатичных личностей, которые, понимая всю бесполезность своей жизни, мечтают о лучшем, но при этом не пытаются вырваться из порочного круга обывательского существования: *«Настоящее противно, но зато когда я думаю о будущем, то как хорошо!*

Становится так легко, так просторно; и вдали забрезжит свет, я вижу свободу, я вижу, как я и дети мои становимся свободны от праздности, от квасу, от гуся с капустой, от сна после обеда, от подлого тунеядства...» (А.П. Чехов «Три сестры») [Чехов 1978, т. 13]. Отсутствие какой-либо физической или интеллектуальной деятельности приводит русского человека к жизни, лишенной целей и смысла: *«Когда я работаю подолгу, без усталости, тогда мысли полегче, и кажется, будто мне тоже известно, для чего я существую. А сколько, брат, в России людей, которые существуют неизвестно для чего»* (А.П. Чехов «Вишневый сад») [Чехов 1978, т. 13]; *«Мы отстали по крайней мере лет на двести, у нас нет еще ровно ничего, нет определенного отношения к прошлому, мы только философствуем, жалуемся на тоску или пьем водку»* (А.П. Чехов «Вишневый сад») [Чехов 1978, т. 13]. Вследствие данного обстоятельства мы можем говорить о том, что лингвоментальный комплекс *Россия/русский* включает в свое содержание константу *праздность*, которая актуализирует такой когнитивный признак, как «ничем не занимающаяся, живущая без работы, без дела» [Словарь ... 1987, т. 3, с. 357]: *«Теперь кружок понтеров праздных / Вообразить прошу я вас, / Цвета их лиц разнообразных, / Блистанье их очков и глаз...»* (М.Ю. Лермонтов «Тамбовская казначейша») [Лермонтов 1988, т. 1]; *«Что ведь есть / Такие праздные счастливы, / Ума недалежного, ленивы, / Которым жизнь куда легка!»* (А.С. Пушкин «Медный всадник») [Пушкин 1960, т. 3].

Как правило, праздный образ жизни был характерен для представителей дворянства, которые в силу своей материальной обеспеченности не были обременены утомительной работой. Что же касается простого народа, то для него не были характерны ни безделье, ни тунеядство, поскольку он находился в рабской зависимости от власти имущих, принуждавших его к непомерному физическому труду: *«Склонясь на чуждый плуг, покорствуя бичам, / Здесь Рабство тощее влачится по браздам / Неумолимого Владельца. <...> / Увижу ль, о друзья! Народ неугнетенный / И Рабство, падшее по манию царя, / И над отечеством Свободы просвещенной / Взойдет ли наконец прекрасная Заря?»*

(А.С. Пушкин «Деревня») [Пушкин 1959, т. 1]; *«Мы надрывались под зноем, под холодом, / С вечно согнутой спиной, / Жили в землянках, боролися с голодом, / Мерзли и мокли, болели цингой. / Грабили нас грамотеи-десятники, / Секло начальство, давила нужда... / Все претерпели мы, Божии ратники, / Мирные дети труда!»* (Н.А. Некрасов «Железная дорога») [Некрасов 1981, т. 2]. «Мирные дети труда» – рабочие и крестьяне – были самыми угнетенными и притесненными представителями российского общества. Чрезмерная эксплуатация не щадила даже женщин, которые были обречены влачить жалкое существование в «безлюдном» и «безымянном» крае – России: *«Вдали от солнца и природы, / Вдали от света и искусства, / Вдали от жизни и любви / Мелькнут твои молодые годы, / Живые помертвеют чувства, / Мечты развеются твои...»* (Ф.И. Тютчев «Русской женщине») [Тютчев 2002, т. 1]; *«В полном разгаре страда деревенская... Доля ты! – русская долюшка женская! Вряд ли труднее сыскать. / Не мудрено, что ты вянешь до времени, / Всевыносящего русского племени / Многострадальная мать!»* (Н.А. Некрасов «В полном разгаре страда деревенская...») [Некрасов 1981, т. 2].

По-особенному чутко воспринимая царившую в XIX веке социальную несправедливость, русские классики открыто выражают свое отношение к этой враждебной для простого человека действительности, которая, по их мнению, «обездоливает и порабощает людей, искажает духовный мир личности» [Макогоненко 1986, с. 8]: *«Эх, Русь моя, Русь родимая! Долго ж тебе еще валандаться с твоей грязью да с нечистью? Не пора ли очнуться, оправиться? Не пора ли разжать кулак, да за ум взяться? Схаменися, моя родимая, многохвальная! Полно дурачиться, полно друг дружке отирать слезы кулаком да палкой. Полно друг дружку забивать да заколачивать! Нехай плачет, кому плачется. Поплачь ты и сама над своими кулаками: поплачь, родная, тебе есть над чем поплакать! Авось отлевет от твоей груди, суровой, недружливой, авось полегчает твоему сердцу, как прошибет тебя святая слеза покаянная!»* (Н.С. Лесков «Житие одной бабы») [Некрасов 1956, т. 1]. Действительно, закабаленность и закрепощенность не лучшим образом сказывались на моральном

облике русского народа, который, за неимением времени и средств, предпочитал избавляться от физической усталости и психологической напряженности при помощи употребления спиртного: *«Нет меры хмелю русскому. / А горе наше меряли? / Работе мера есть? / Вино валит крестьянина, / А горе не валит? / Мужик беды не меряет, / Со всякою справляется, / Какая ни приди. / Мужик, трудясь, не думает, / Что силы надорвет, / Так неужель над чаркою / Задуматься, что лишнего / В канаву угодишь?»* (Н.А. Некрасов «Кому на Руси жить хорошо») [Некрасов 1982, т. 5].

Резкое неприятие писателями социальной обстановки в стране приводит к тому, что в их творчестве актуализируется такая константа лингвоментального комплекса *Россия/русский*, как *неволя* в значении «отсутствие свободы, независимости, положение и состояние того, кто их лишен» [Словарь ... 1986, т. 2, с. 429], вербализирующая информацию об ущемлении прав, притеснении интересов и ограничении свободы простого русского народа. Лексическими объективаторами этого компонента содержания выступают лексемы, объединенные такими семантическими компонентами, как «порабощенный» и «угнетенный»: *несвободный, подневольный, зависимый, угнетенный, притесненный*.

Действительно, крестьянской Руси жилось нелегко. Ее по-настоящему свободная жизнь в XIX столетии являлась недостижимым идеалом, о котором с особой эмоциональностью писали русские поэты и прозаики, мечтавшие о равноправной и справедливой России: *«Что ни год – уменьшаются силы, / Ум ленивее, кровь холодней... / Мать-отчизна! Дойду до могилы, / Не дождавшись свободы твоей! / Но желал бы я знать, умирая, / Что стоишь ты на верном пути, / Что твой пахарь, поля засевая, / Видит ведренный день впереди...»* (Н.А. Некрасов «Что ни год – уменьшаются силы...») [Некрасов 1981, т. 2].

В таком тяжелом положении России только и оставалось, что надеяться на помощь высших сил, о которых в своих произведениях не раз упоминали русские классики: *«Не поймет и не заметит / Гордый взор иноплеменный, / Что сквозит и тайно светит / В наготе твоей смиренной. / Удрученный ношей крестной, /*

Всю тебя, земля родная, / В рабском виде царь небесный / Исходил, благословляя» (Ф.И. Тютчев «Эти бедные селенья...») [Тютчев 2002, т. 2]. Православная вера исстари играла значительную роль в жизни русского народа и во многом определяла основы его национального самосознания: *«Умственность, воспринимаемая с верой, дает плоды, Богу угодные. Как сказано в молитве? Создателю во славу, родителям же нашим на утешение, церкви и отечеству на пользу...»* (А.П. Чехов «Степь») [Чехов 1977, т. 7]. Несомненно, подобное обстоятельство не могло скрыться из поля зрения писателей, неоднократно отмечавших особое значение православия на Руси: *«Они (туляки. – Т.К.) шли вовсе не в Киев, а к Мценску, к уездному городу Орловской губернии, в котором стоит древняя «камнесечная» икона Св. Николая... <...> Отслужили они молебен у самой иконы, потом у каменного креста и, наконец, возвратились домой «нощию» и <...> принялись за дело в ужасном секрете»* (Н.С. Лесков «Левша») [Лесков 1958, т. 7]; *«Помолился я Богу, и наставил меня Бог на ум»* (А.П. Чехов «Степь») [Чехов 1977, т. 7].

Подобная религиозность русского человека, о которой пишут русские классики, позволяет выделить в содержании лингвоментального комплекса *Россия/русский* константу *вера* и когнитивный признак «признающая существование бога, религиозная» [Словарь ... 1985, т. 1, с. 153]. Лексическими актуализаторами данной константы служат названия православных праздников (*Троица, Пасха, Рождество Христово, Благовещение*) и религиозных атрибутов (*патриархия, скиния, иконописная святыня, мощи святых, иконостас, святые места, благословение, благодать*). Особого внимания в этом ряду заслуживает словосочетание *русская вера*, которое в произведениях XIX века становится устойчивым и приобретает фразеологически связанное значение «истинная, непоколебимая»: *«... наша русская вера самая правильная, и как верили наши правотцы, так же точно должны верить и потомцы»* (Н.С. Лесков «Левша») [Лесков 1958, т. 7]; *«Веры мы русской, православной»* (Л.Н. Толстой «Воскресение») [Национальный корпус русского языка]. Подтверждением нашей мысли могут служить слова И.А. Ильина о том, что «из глубины нашего

Православия родился у нас этот верный опыт, эта уверенность, что *священное есть главное в жизни* (здесь и далее курсив автора. – Т.К.) и что без священного жизнь становится унижением и *пошлостью*; а Пушкин и Гоголь подарили нам это клеймящее и решающее слово, которого кажется совсем не ведают другие языки и народы...» [Ильин 1995, с. 7-8].

Удивительно, но религиозность русского этноса не исключает наличия в его характере таких черт и качеств, которые, на первых взгляд, не могут быть присущи православному человеку. Так, классики XIX столетия указывают на бесчестность, растленность, жестокость и безнравственность представителей нашего народа: «Глуп-с, оттого и не имею; опять в такой нации, что **тут – честно жить нельзя**» (Н.С. Лесков «Железная воля») [Лесков 1956, т. 6]; «**Растленье душ и пустота, / Что гложет ум и в сердце ноет, – / Кто их излечит, кто прикроет?..**» (Ф.И. Тютчев «Над это темною толпой...») [Тютчев 2002, т. 2]; «**Беда у нас родиться смирным да сиротливым – замнут, затрут тебя, и жизни не увидишь. Беда и тому, кому бог дает прямую душу да горячее сердце нетерпеливое: станут такого колотить сызмальства и доколотят до гробовой доски**» (Н.С. Лесков «Житие одной бабы») [Лесков 1956, т. 1]; «**Что ж там говорить, вы сами видите, страна необразованная, народ безнравственный, притом скука...**» (А.П. Чехов «Вишневый сад») [Чехов 1978, т. 13]. На наш взгляд, перечисленные свойства русского человека вербализуют константу *неправедность* в содержании исследуемого нами лингвоментального комплекса, который обогащается когнитивными признаками «бесчестная», «растленная», «жестокая», «безнравственная», которые в своей совокупности могут быть объединены в признак «способная на бесчестные, низкие поступки» [Словарь ... 1986, т. 2, с. 466]. В связи с данным обстоятельством стоит отметить, что в большинстве своем русская литература не жаловала изображение добродетельных персонажей с достойно прожитыми жизнями. Выступая обличителями людских пороков, русские классики уделяли большое внимание описанию «темных» сторон национального характера. Конечно, подобный «провал» позитивных контекстов и приводит к появлению в лингвоментальном комплексе

Россия/русский вышеперечисленных когнитивных признаков негативной направленности.

Но, несмотря на все недостатки характера, народ Российской Империи, по мнению русских писателей, остается великой нацией, на что указывают лексемы *величье, великий*, которые характеризуют русских людей: «*Вас пожирает, вам обидна / Величья нашего заря; / Вам солнца божьего не видно / За солнцем русского царя*» (М.Ю. Лермонтов «Опять народные витии...») [Лермонтов 1988, т. 1]; «*Мысль быть сподвижником великого человека и совокупно с ним действовать на судьбу великого народа возбудила в нем в первый раз благородное чувство честолюбия*» (А.С. Пушкин «Арап Петра Великого») [Пушкин 1960, т. 5]. Действительно, нашему народу есть, чем гордиться, его есть, за что уважать. В связи с этим ошибочно было бы полагать, будто характер русского этноса – это средоточие только лишь отрицательных качеств. Напротив, русский человек отличается непоколебимостью, духовной и физической стойкостью, молодецкой удалью: «*Главное, отрадное убеждение, которое вы вынесли, – это убеждение в невозможности взять Севастополь, и не только взять Севастополь, но поколебать где бы то ни было силу русского народа...*» (Л.Н. Толстой «Севастополь в декабре месяце») [Толстой 1935, т. 4]; «*И гнется, да не ломится, / Не ломится, не валится... / Ужли не богатырь?*» (Н.А. Некрасов «Кому на Руси жить хорошо») [Некрасов 1982, т. 5]; «*Да, зовите, пожалуй, глупостью, а пожалуй, и удалью молодого и свежего народа*» (Н.С. Лесков «Железная воля») [Лесков 1956, т. 6]. Неслучайно Н.А. Некрасов в уста одного из героев своей поэмы вкладывает следующие слова: «*Не белоручки нежные, / А люди мы великие / В работе и гульбе!..*» (Н.А. Некрасов «Кому на Руси жить хорошо») [Некрасов 1982, т. 5]. Подобное писательское восприятие русского человека позволяет выделить нам в содержании лингвоментального комплекса *Россия/русский* актуальную для художественной картины мира XIX века константу *величие*, которая вербализует представление писателей о наличии в русском этносе «выдающихся свойств, качеств, вызывающих преклонение, уважение» [Словарь ... 1985, т. 1, с. 148].

Говоря о своеобразии русского социума, нельзя не упомянуть словосочетания с лексемой-репрезентантом *русский*, в которых актуализируются такие когнитивные компоненты лингвоментального комплекса *Россия/русский*, как «специфический», «неповторимый», «своеобразный». Так, для того чтобы подчеркнуть уникальность этноса, поэты и прозаики употребляют следующие фразеологизмы: *русское гостеприимство, русская душа, русская мысль, русский ум, русское сердце, русский дух, русский характер, русская простота*: «Он первый угадал, в чем дело, / И им впервые **русский дух** / Союзной силой признан смело, – / И вот венец его заслуг» (Ф.И. Тютчев «На юбилей князя А.М. Горчакова») [Тютчев 2002, т. 2]; «А между тем железная воля Пекторалиса <...> у нас по нашей **русской простоте** все как-то смахивала на шутку и потешение» (Н.С. Лесков «Железная воля») [Лесков 1956, т. 6]. Данные устойчивые выражения, в которых репрезентант *русский* выступает в значении «не похожий на других, отличающийся яркими индивидуальными чертами, своеобразный» [Словарь ... 1988, т. 4, с. 16], на наш взгляд, как нельзя лучше объективируют представление о феномене загадочной русской души – национальной тайне, непостижимой и неведомой: «**Русский мужик** – это тот самый **таинственный незнакомец**, о котором некогда так много толковала госпожа Ратклифф. Кто его поймет? Он сам себя не понимает» (И.С. Тургенев «Отцы и дети») [Тургенев 1994, т. 5].

Итак, мы видим, что в произведениях русских классиков сегмент «общество» лингвоментального комплекса *Россия/русский* содержит разнохарактерную информацию о русском социуме – группе людей, объединенных общностью территории и единством ментальных установок. Несомненно, что подобная многоаспектность исследуемого сегмента накладывает значительный отпечаток на формирование содержания лингвоментального комплекса *Россия/русский*.

Таким образом, мы можем утверждать, что лингвоментальный комплекс *Россия/русский* в языковом сознании русских писателей XIX века наделяется особым художественным содержанием. Так, проведенный нами анализ показал,

что сегмент «государство» включает здесь константы *власть* с когнитивным признаком «управляемая властями, поступающими вопреки справедливости, нарушающими справедливость» и *армия* с когнитивным признаком «способная подготовленная к обороне». Сегмент «страна» содержит константы *холод* с признаком «страна с сильными, устойчивыми холодами», *простор* с признаком «свободное обширное пространство», *центр/периферия* с признаком «страна с развивающимися столицами и отсталой провинцией», *бедность* с признаком «не имеющая достаточных средств к существованию». А сегмент «общество» составляют константы *необразованность* с признаком «не имеющая образования, невежественная», *праздность* с признаком «ничем не занимающаяся, живущая без работы, без дела», *неволя* с признаком «ущемленная в правах и интересах, ограниченная в свободе», *вера* «признающая существование бога, религиозная», *неправедность* с признаком «способная на бесчестные, низкие поступки», *величие* с признаком «обладающая выдающимися свойствами, качествами, вызывающими преклонение, уважение» (См. Таблица 2).

Таблица 2

Когнитивное содержание лингвоментального комплекса *Россия/русский* в художественных текстах XIX века

<i>Сегмент</i>	<i>Константа</i>	<i>Когнитивные признаки</i>
Государство	Власть	Управляемая властями, поступающими вопреки справедливости, нарушающими справедливость
	Армия	Способная, подготовленная к обороне
Страна	Холод	Страна с сильными, устойчивыми холодами
	Простор	Свободное обширное пространство
	Центр/Периферия	Страна с развивающимися столицами и

		отсталой провинцией
	Бедность	Не имеющая достаточных средств к существованию
Общество	Необразованность	Не имеющая образования, невежественная
	Праздность	Ничем не занимающаяся, живущая без работы, без дела
	Неволя	Ущемленная в правах и интересах, ограниченная в свободе
	Вера	Признающая существование бога, религиозная
	Неправедность	Способная на бесчестные, низкие поступки
	Величие	Обладающая выдающимися свойствами, качествами, вызывающими преклонение, уважение

§ 2. Лингвоментальный комплекс *Россия/ русский* в произведениях художественной литературы XX века

XX век поистине можно считать беспрецедентной эпохой в истории России. Первая мировая война, Февральская и Октябрьская революции 1917 г., Гражданская война, Великая Отечественная война, коллективизация, перестройка – это лишь часть испытаний, выпавших в XX столетии на долю нашей страны и оказавших значительное влияние на развитие различных отраслей ее жизнедеятельности: политической, экономической, промышленной, социальной и др. Русские поэты и прозаики были особенно чувствительны к происходящим переменам, и потому в своих произведениях давали яркую оценку российской действительности XX века. Несомненно, что художественное осмысление переломных и критических моментов жизни родного государства накладывает

существенный отпечаток на содержание лингвоментального комплекса *Россия/русский* в художественной картине мира XX столетия.

Так, в художественных текстах рассматриваемого периода в составе сегмента «государство» одну из доминирующих позиций занимает константа *революция*, объективирующая представление писателей о государственном перевороте 1917 г.: «*Слышен волховский звон / И Буслаев разгул, / Закружились под гул / Волга, Каспий и Дон. / Синегубый Урал / Выставляет клыки, / Но кадят Соловки / В его синий оскал*» (С.А. Есенин «Отчарь») [Есенин 1991, т. 1]; «*Винтовок черные ремни, / Кругом – огни, огни, огни... / В зубах – цыгарка, примят картуз. / На спину б надо бубновый туз!*» (А.А. Блок «Двенадцать») [Блок 2008].

Согласно толковым словарям, революция – это «коренной переворот во всей социально-экономической структуре общества, приводящий к переходу от исторически отжившего общественного строя к более прогрессивному» [Словарь ... 1987, т. 3, с. 693]. Данное определение как нельзя лучше подтверждается ходом российской истории, поскольку первоочередной задачей как Февральской, так и Октябрьской революций 1917 г. было абсолютное искоренение основ монархической государственности, воспринимавшейся революционерами как полностью исчерпавшая себя форма правления, при которой власти лишь безжалостно эксплуатируют простой народ и бездумно растрачивают богатства России, замедляя тем самым социально-экономический прогресс родной страны. Восстановить справедливость был призван социализм – новый государственный строй, под красным знаменем которого вершилась революция: «*В очи бьется / Красный флаг. / Раздается / Мерный шаг*» (А.А. Блок «Двенадцать») [Блок 2008].

Исходя из анализа произведений XX века, мы можем говорить о том, что революционные настроения завладели Россией задолго до 1917 г. Русские люди чувствовали близость грядущих перемен и ощущали бессознательное беспокойство перед мятежным бунтом еще до решительного выступления оппозиции против правящих властей: «*Но и после охлаждающих разговоров с доктором Коля чувствовал и видел всюду в городе тревожное, хмурое*

любопытство: все беспокойно ожидали чего-то...» (М. Горький «Городок Окуров») [Горький 1979, т. 5]; «*Да, все изменялось. Даже рабочие становятся все капризнее, злее, чахоточнее, а бабы более крикливы. Шум в рабочем поселке беспокойней...*» (М. Горький «Дело Артамоновых») [Горький 1979, т. 10]. Именно в этой атмосфере всеобщей сумятицы и обеспокоенности и разжигалось пламя предстоящей революции, на приближение которой указывала повсеместная, пока еще противозаконная, социалистическая пропаганда: «*Потом произошло нечто еще более ужасное: оказалось, что и сын Алферова <...> был узнан, уличен в "пропаганде", – это слово звучало тоже очень страшно, и заключен в Петропавловскую крепость*» (И.А. Бунин «Жизнь Арсеньева») [Бунин 1989]. Наряду с лексемой *пропаганда*, которая, как мы видим из вышеприведенного примера, вербализует представление о зарождении мятежных настроений в России, «ужасными» были слова *социалист*, *большевик* и *революционер*, которые в художественных текстах XX столетия зачастую приобретают неодобрительную окраску и именуют ярких сторонников государственного переворота 1917 г.: «*Мистически произносилось и слово "социалист" – в нем заключался великий позор и ужас, ибо в него вкладывали понятие всяческого злодейства* (И.А. Бунин «Жизнь Арсеньева») [Бунин 1989]; «*Старушка, как курица, / Кой-как перемотнулась через сугроб. / – Ох, Матушка-Заступница! / – Ох, большевики загонят в гроб!*» (А.А. Блок «Двенадцать») [Блок 2008]; «*Он жил у дьяконицы, у нее же в бане устраивали конгрессы эти революционеры*» (М. Горький «Дело Артамоновых») [Горький 1979, т. 10]. В ходе нашего рассуждения интересными также выступают сочетания лексем *протестант*, *бунтовщик*, *революционер* с лексемой *русский*, подчеркивающие национальное своеобразие русского бунта: «*И что такое вообще русский протестант, бунтовщик, революционер, всегда до нелепости отрешенный от действительности и ее презирающий, ни в малейшей мере не желающий подчиниться рассудку, расчету, деятельности невидной, неспешной, серой?*» (И.А. Бунин «Жизнь Арсеньева») [Бунин 1989].

Но, несмотря на страх, который внушала русским людям оппозиционная власть, большинство жителей России верило, что только революция с

последующим установлением социалистического строя способна стабилизировать обстановку в стране и вывести ее на путь прогресса и всеобщего равенства: *«Ради вселенского / Братства людей / Радуюсь песней я / Смерти твоей»* (С.А. Есенин «Иорданская голубица») [Есенин 1991, т. 1]; *«Начнется выздоровление, обновление России – вот что, брат!; Теперь все пойдет отлично; теперь народ скажет, наконец, свое мощное слово, давно назревшее в душе его!»* (М. Горький «Дело Артамоновых») [Горький 1979, т. 10]. Все возрастающую потребность русского человека в государственном перевороте, а также его готовность поддерживать вооруженное восстание подчеркивают словосочетания имен прилагательных и ключевых слов, номинирующих концепт *Россия* (*Россия, Русь, родина*): *воспрянувшая, мятежная, буйственная, прозревшая*. Составляя признаковое поле данной ментальной единицы, они очень ярко характеризуют народные настроения начала XX столетия: *«Тучи – как озера, / Месяц – рыжий гусь. / Пляшет перед взором / Буйственная Русь»* (С.А. Есенин «Отчарь») [Есенин 1991, т. 1].

В итоге, главная цель революции была достигнута – монархия пала: *«... через несколько дней после ее смерти (тетки Ольги. – Т.К.) город и фабрику точно громом оглушило: царь отказался от престола»* (М. Горький «Дело Артамоновых») [Горький 1979, т. 10]. Несомненно, это оказало значительное влияние на дальнейшую судьбу России, в которой на смену царскому режиму пришла республиканская форма правления: *«Но спокойно звенит / За окном, / То погаснув, то вспыхнув / Снова, / Железное / Слово: / "Рре-эс-пуу-ублика!"»* (С.А. Есенин «Товарищ») [Есенин 1991, т. 1]; *«"Что ж теперь – республика будет?" – спросил Яков брата, радостно воткнувшего нос в газету. "Республика, конечно!" – ответил Мирон, склоняясь над столом...»* (М. Горький «Дело Артамоновых») [Горький 1979, т. 10]. Подобное государственное реформирование нашло яркое воплощение в постреволюционном наименовании нашей страны, ставшей Российской Советской Федеративной Социалистической Республикой (РСФСР): *«Автор не имел права передавать свою пьесу ни в какой город РСФСР»* (М.А. Булгаков «Записки покойника» («Театральный роман»))

[Национальный корпус русского языка]; «*Был в РСФСР семинар – встреча с молодыми членами Союза – поэтами*» (В.П. Астафьев «Зрячий посох» [Национальный корпус русского языка]). Стоит отметить, что в произведениях рассматриваемого периода наряду с официальным онимом употребляются и такие описательные наименования, как *страна, где власть Советов, советская сторона, Страна Советов, советская Россия, Русь советская*, объективирующие когнитивный признак «советская республика» лингвоментального комплекса *Россия/русский*: «*Но ты видением поэта / Прочтешь не в буквах, а в другом, / Что в той стране, где власть Советов, / Не пишут старым языком*» (С.А. Есенин «Издатель славный! В этой книге...») [Есенин 1991, т. 2]; «*Он говорит о Стране Советов с такой / на него непохожей / нежностью...*» (К.М. Симонов «В гостях у Шоу») [Симонов 1979].

Итак, как мы смогли убедиться, константа *революция* исследуемого нами лингвоментального комплекса получает яркую объективацию в художественных текстах XX столетия. Репрезентируя информацию о революционных преобразованиях, охвативших нашу страну в 1917 г., она занимает значимое место в структуре лингвоментального комплекса *Россия/русский* и обогащает его таким когнитивным признаком, как «претерпевшая коренные изменения» [Словарь ... 1987, т. 3, с. 380].

В связи с вышесказанным вполне закономерным представляется то, что в художественных текстах XX века особое внимание уделяется описанию реалий постреволюционного государственного строя – социализма, не на одно десятилетие завладевшего сердцами и умами русского народа. Подобное обстоятельство, несомненно, оказывает влияние на формирование содержания лингвоментального комплекса *Россия/русский*, в рамках которого формируется константа *социализм*, вербализующая информацию об «общественном строе, характеризующемся общественной собственностью на средства производства, плановой экономикой» [Мокиенко 1998, с. 571]: «*Нас пленил не социализм, а чувствительная сторона социализма...*» (И.А. Бунин «Окаянные дни») [Бунин 1991]. Стоит отметить, что, в отличие от константы *власть*, формирующей

сегмент «государство» в произведениях XIX века, константа *социализм* обладает более широким содержанием, включающем информацию не только о людях, руководящих страной, но и о всем комплексе идеологических идей, определяющих жизнедеятельность страны: «*Вы оторвали человека от жизни и разрушили его; социализм соединяет разрушенный вами мир во единое целое, и это – будет!*» (М. Горький «Мать» [Национальный корпус русского языка]).

Необходимо сказать, что константа *социализм* в произведениях рассматриваемого периода получает богатую лексическую объективацию. Так, в поэзии и прозе XX столетия начинает функционировать новый репрезентант концепта *русский* – лексема *советский*, как нельзя лучше отражающая реалии новой, постреволюционной, эпохи. Согласно толковым словарям, слово *советский* имеет следующие значения: «1. Основанный на управлении Советами как органами власти. *Советская власть. Советское государство. Союз Советских Социалистических Республик. Советский строй.* 2. Относящийся к Стране Советов, к СССР, принадлежащий Стране советов: *Советский народ. Советское правительство. Советская конституция. Советская Армия*» [Словарь ... 1988, т. 4, с. 175]. Употребляясь в вышеперечисленных значениях, рассматриваемый репрезентант на страницах художественных произведений раскрывает свою многозначность. В большинстве случаев употребление слова *советский* связано с политическими реалиями (*советская власть, советское правительство, советское государство*), характеристикой мира людей (*советские писатели, советский рабочий, советский солдат*), культурным наследием нашей страны (*советская литература, советское искусство*) и ее промышленным развитием (*советская промышленность, советская пятилетка, советское производство*). Например: «*Москва не древнедержавная, / Что где-то в веках взялась, / А эта, своя, где главная / Живет Советская власть*» (А.Т. Твардовский «Песнь о Москве») [Твардовский 1979]; «*Советские работники выигрывают и проигрывают в карты тысячи, пьянство м поддерживают винокурение...*» (И.А. Бунин «Окаянные дни») [Бунин 1991].

Кроме того, актуализации константы *социализм* способствуют слова и словосочетания, именующие представителей социалистической власти, которые осуществляли руководство страной: *Учредительное собрание, Совет Рабочих Депутатов, Совнарком, председатель волисполкома, предсельсовета, комиссар, член бюро, волсовет, горсовет, райком* и мн. др. Несомненно, что в современной языковой картине мира перечисленные лексемы уже не актуальны, но в XX веке они входили в активный словарный запас языка и объективировали сведения о государственном устройстве России: «*От здания к зданию / Протянут канат. / На канате – плакат: "Вся власть Учредительному Собранию!"*» (А.А. Блок «Двенадцать») [Блок 2008]; «*Все по-мальчишески стройные, / шпорами чуть звеня, / идут комиссары строгие, / погибшие за меня*» (Е.А. Евтушенко «Комиссары») [Евтушенко 2015]. Особое место в данном ряду занимают имена собственные *Ленин, Сталин, Троцкий, Бухарин* и др., называющие политических деятелей – ярких сторонников социализма: «*А вы, что ныне норовите / Вернуть былую благодать, / Так вы уж Сталина зовите – / Он богом был – Он может встать*» (А.Т. Твардовский «По праву памяти») [Твардовский 1971]. Интересным представляется то, что имена так называемых «вождей народа» в процессе функционирования в поэзии и прозе XX столетия наделялись самыми разнообразными элементами коннотации – от восторженной, как, например, у А.Т. Твардовского, до пренебрежительной, как у И.А. Бунина: «*Бессрочна она и безмерна, / И мы ее в вечность несем. / Как Ленина дело бессмертно, / Так память бессмертна о нем*» (А.Т. Твардовский «Памяти Ленина») [Твардовский 1971]; «*Слава Тебе, Господи. Лучшие черты, чем Ленин*» (И.А. Бунин «Окаянные дни») [Бунин 1991]. На наш взгляд, русские классики, чьим инструментом воздействия было слово, подобным образом высказывали свое отношение к правящим властям и выражали свою гражданскую позицию либо соответствующую официальной идеологии, либо идущей с ней вразрез.

Действительно, к господствовавшему в XX веке государственному строю сложно было оставаться равнодушным. Социалистическая пропаганда и коммунистическое воспитание активно внедряли марксистские идеи в массы и

приумножали количество людей, верящих в скорые свободу, равенство и братство: *«И вот сестра разводит, / Раскрыв, как Библию, пузатый «Капитал», / О Марксе, / Энгельсе... / Ни при какой погоде / Я этих книг, конечно, не читал»* (С.А. Есенин «Возвращение на родину») [Есенин 1991, т. 1].

На социалистическую ориентированность нашей страны указывают лексемы, именующие актуальные для XX столетия реалии действительности: государственные символы (знамя, «Интернационал»), философские, экономические и политические учения (марксизм, ленинизм), способы организации сельскохозяйственных предприятий (колхоз, совхоз), формы проведения массовых мероприятий (демонстрация, шествие, митинг) и др. Особое значение в данном ряду занимает слово коммунизм, именующее идеал государственного устройства и вербализующее представление о «бесклассовом общественном строе с единой общенародной собственностью на средства производства и полным социальным равенством всех членов общества» [Мокиенко 1998, с. 267]: *«И смерть пошла у ног его кружить / Не просто прихотью безумца злого, / А чтоб убить с ним вместе это слово, / Как будто можно Коммунизм убить»* (К.М. Симонов «Нет!») [Симонов 1979]. Данная лексема, наряду с вышеперечисленными словоформами, не только объективирует константу социализм лингвоментального комплекса Россия/русский, но и актуализирует его когнитивный признак «проникнутая идеями социализма, отвечающая принципам социализма» [Словарь ... 1988, т. 4, с. 212], особенно актуальный в художественных текстах рассматриваемого периода.

Как мы видим, объективация лингвоментального комплекса Россия/русский в художественной картине мира XX столетия несет на себе отпечаток писательского мировидения эпохи. Поэты и прозаики, «переболевшие всеми "болями" своего времени» [Гулин 2008, с. 36], не могли занимать позицию сторонних наблюдателей и в своих художественных текстах старались запечатлеть события, формировавшие облик России и повлиявшие на ход ее истории. Поэтому вполне закономерным представляется то, что в художественных текстах исследуемого периода в фокус авторского восприятия

попадают военные потрясения, которыми неоднократно была подвержена наша страна на протяжении XX века: «*Все войны, войны – мировая первая, гражданская, вторая мировая*» (Е.А. Евтушенко «Дядя Вася») [Евтушенко 2015]. Помимо вооруженных конфликтов, перечисленных Е.Е. Евтушенко, РСФСР также принимала участие в войне во Вьетнаме и Афганистане, на что также указывают русские классики: «*Не спрашиваю, не пытаю. / Сначала, как на полигоне, / Сам на себе Вьетнам испытываю, / Сам проверяю: все ли понял!*» (К.М. Симонов «Чужого горя не бывает...») [Симонов 1979]; «*Русский парень лежит на афганской земле. / Муравей-мусульманин ползет по скуле, / и о том, как его бы поднять, воскресить, / муравьев православных он хочет спросить...*» (Е.А. Евтушенко «Афганский муравей») [Евтушенко 2015]. Но самый большой писательский отклик, бесспорно, получили события Великой Отечественной войны – величайшего потрясения в жизни советского народа: «*...Как где-то радио в дому / В июньский этот день вступало / Еще не с тем, о чем ему / Вещать России предстояло; / Как у столиц и деревень / Текло в труде начало суток; / Как мы теряли этот день / И мир – минуту за минутой...*» (А.Т. Твардовский «22 июня 1941 года») [Твардовский 1971].

Художественное осмысление судьбы России в годы военных невзгод накладывает отпечаток на содержание лингвоментального комплекса *Россия/русский*, в рамках которого значимое место занимает константа *война* в значении «организованная вооруженная борьба между государствами...» [Словарь ... 1985, т. 1, с. 203]: «*Петроградское небо мутилось дождем, / На войну уходил эшелон. / Без конца – взвод за взводом и штык за штыком / Наполнял за вагоном вагон*» (А.А. Блок «Петроградское небо мутилось дождем...») [Блок 2008]. Лексическими экспликантами данной константы выступают слова самых разных тематических групп: *солдат, воин, боец* (участники военных столкновений); *враг, противник* (люди, с которыми ведется сражение); *наступление, оборона, атака, бомбежка* (боевые действия); *граната, винтовка, пулемет, автомат, ружье, гранатомет* (стрелковое оружие); *танк, истребитель, ракета* (военная техника). Например: «*Святая ярость наступленья, / Боев жестокая страда / Завяжут наше поколение / В железный узел,*

навсегда) (К.М. Симонов «Однополчане») [Симонов 1979]. Кроме того, к вербализаторам данной константы относятся свободные сочетания имен существительных с лексемой-репрезентантом *русский*, выступающей здесь в значении «относящийся к РСФСР»: *русский труженик-солдат, русский офицер, русские войска, русская артель, русские полки, русская пехота, русская армия*. Например: «*Бился ль ты в горах Кавказа, / Или пал за Сталинград, / Мой земляк, ровесник, брат, / Верный долгу к приказу / Русский труженик-солдат*» (А.Т. Твардовский «Бой в болоте» [«Василий Теркин»]) [Твардовский 1971].

Интересным представляется то, что в смысловое поле константы *война* входят не только лексемы, именующие зримые явления военной действительности, но и слова, называющие чувства и эмоции, которые испытывали русские люди, сполна познавшие лишения и потери военного времени: *боль, горе, злость, ненависть, печаль, тоска, страх, волнение, отчаяние, растерянность*. Так, в произведениях XX столетия находим: «*Наряженный, / взволнованный, / Среди друзей, / родных, / сидит мобилизованный / растерянный жених. / Сидит / с невестой – Верю. / А через пару дней / шинель наденет серую, / на фронт поедет в ней*» (Е.А. Евтушенко «Свадьбы») [Евтушенко 2015]; «*Смесь восторга и боли – / Это было и тут, / Как у всех, что из боя / С легкой раной идут*» (А.Т. Твардовский «От Иркутска до Братска») [Твардовский 1971].

Действительно, Великая Отечественная война, о которой шла речь в приведенных выше примерах, стала тяжелым испытанием силы духа русского народа, который каждый день ценой нечеловеческих усилий защищал страну от фашистских захватчиков. Подтверждением нашей мысли могут служить атрибутивные связи лексемы, номинирующей константу *война*, с такими именами прилагательными, как *кровавая, жестокая, страшная, проклятая, тяжелая, громадная*: «*А в том, что Сталин говорил о неудачном начале этой громадной и страшной войны, не особенно меняя привычный лексикон, – как об очень больших трудностях, которые надо как можно скорее преодолеть, – в этом тоже чувствовалась не слабость, а сила*» (К.М. Симонов «Живые и мертвые» [Национальный корпус русского языка]); «*Недаром в дни войны кровавой /*

Благословлял ее иной: / Не попрекнув его виной, / Что душу горькой жггла отравой...» (А.Т. Твардовский «По праву памяти») [Твардовский 1971].

Да, война была именно такой – кровавой, жестокой, страшной. И русские классики XX столетия, говоря о судьбе России, не могли обойти стороной данную веху в истории нашей страны. Конечно, это нашло отражение в лингвоментальном комплексе *Россия/русский*, содержание которого обогатилось когнитивным признаком «принимающая участие в войне, сражающаяся» [Словарь ... 1985, т. 1, с. 195].

Итак, как мы смогли убедиться, в языковом сознании писателей XX века сегмент «государство» лингвоментального комплекса *Россия/русский* содержит информацию, напрямую соотносящуюся с историей нашей страны, о чем свидетельствует наличие в его структуре констант *революция, социализм, война* и соотносимых с ними когнитивных признаков «претерпевшая коренные изменения», «проникнутая идеями социализма, отвечающая принципам социализма», «принимающая участие в войне, сражающаяся».

Если мы обратимся к следующему сегменту – «страна», то увидим, что в нем, как и в художественной картине мира XIX века, находит отражение писательское восприятие безграничности русского географического пространства: *«Когда же он рассказывал ей о безграничной широте и просторе золотых степей, она спрашивала: "Ни лесов нет, ничего?.. "»* (М. Горький «Дело Артамоновых») [Горький 1979, т. 10]; *«Гой ты, Русь, моя родная, / Хаты – в ризах образа... / Не видать конца и края – / Только синь сосет глаза»* (С.А. Есенин «Гой ты, Русь, моя родная...») [Есенин 1991, т. 1]. В связи с этим мы можем говорить, что константа *простор* является актуальной и для русского языкового сознания XX столетия. Подтверждением нашей мысли может служить функционирование в текстах рассматриваемого периода таких словосочетаний, как *русская равнина, русская ширь, русское поле, русские пашни, русская дорога, русские нивы, русская степь*: *«И знакомые взору просторы / Уж не так под луной хороши. / Буераки... пеньки... косогоры / Обпечалили русскую ширь»* (С.А. Есенин «Этой грусти теперь не рассыпать...») [Есенин 1991, т. 1]. Репрезентируясь в

составе данных словосочетаний, концепт *русский* вербализует свой национально-специфический признак «составляющий отличительную черту, особенность России» и служит одним из средств актуализации константы *простор* лингвоментального комплекса *Россия/русский*.

Кроме того, восприятие России классиками XX века как безграничного природного пространства подчеркивают имена прилагательные, в семантике которых есть указание на большую протяженность определяемых ими объектов действительности. К подобным лексемам, встречающимся на страницах художественных произведений, можно отнести следующие:

– *необъятный*, то есть «огромный по протяжению, размерам, беспредельный» [Словарь ... 1986, т. 2, с. 458]: «*Был молодой Вильгельм Второй, был какой-то генерал Буланже, был Александр Третий, грузный хозяин необъятной России*» (И.А. Бунин «Жизнь Арсеньева») [Бунин 1989];

– *просторный*, то есть «расположенный на большом пространстве, занимающий большое пространство» [Словарь ... 1987, т. 3, с. 527]: «*И, отдавая дань просторным / Краям, что прочила Сибирь, / В наш век нисколько не зазорным / Я находил автомобиль*» (А.Т. Твардовский «К концу дороги» [«За далью – даль»]) [Твардовский 1971];

– *безграничный*, то есть «не имеющий видимых границ, беспредельный» [Словарь ... 1985, т. 1, с. 70]: «*Пустынные поля, одинокая усадьба среди них... Зимой безграничное снежное море, летом – море хлебов, трав и цветов...*» (И.А. Бунин «Жизнь Арсеньева») [Бунин 1989];

– *далекий*, то есть имеющий большое протяжение» [Словарь ... 1985, т. 1, с. 362]: «*Ты вспоминаешь не страну большую, / Какую ты изъездил и узнал, / Ты вспоминаешь родину – такую, / Какой ее ты в детстве увидал. / Клочок земли, припавший к трем березам, / Далекую дорогу за леском...*» (К.М. Симонов «Родина») [Симонов 1979];

– *необозримый*, то есть «недоступный обзору, осмотру, неоглядный» [Словарь ... 1986, т. 2, с. 457]: «*Уж стоны миновали, / Кругом – поля. / По всей*

необозримой дали / *Дрожит земля*) (А.А. Блок «Бежим, бежим, дитя свободы...») [Блок 2008];

– *широкий*, то есть «занимающий большое пространство, обширный» [Словарь ... 1988, т. 4, с. 717]: «*Касаясь трех великих океанов, / Она лежит, раскинув города, / Покрыта сеткою меридианов / Непобедима, широка, горда*» (К.М. Симонов «Родина») [Симонов 1979];

– *бесконечный*, то есть «не имеющий начала и конца, предела, безграничный, беспредельный» [Словарь ... 1985, т. 1, с. 81]: «*За крышами домов печально светилась Ока, кусок Луны таял над нею, дальше черными сугробами лежали бесконечные леса*» (М. Горький «Дело Артамоновых») [Горький 1979, т. 10].

В свете вышесказанного, мы можем утверждать, что константа *простор* прочно занимает свои позиции в структуре лингвоментального комплекса *Россия/русский* и на протяжении еще одного столетия актуализирует такой его когнитивный признак, как «свободное обширное пространство» [Словарь ... 1987, т. 3, с. 527].

Необходимо отметить, что на протяжении всего XX столетия необозримые просторы нашей страны находились во власти промышленных реформ и технического прогресса, призванных вывести Россию на передовой путь модернизации и экономического роста. Подобное обстоятельство, несомненно, находит отражение в художественной картине мира XX века, сформированной летописцами своей эпохи – русскими прозаиками и поэтами, чье творчество было неразрывно связано с судьбой родной страны. В своих произведениях классики XX столетия не раз указывают на усовершенствование технического и промышленного оснащения России в соответствии с современными требованиями: «*Как это он (человек. – Т.К.), интересно, надсадится, если есть машины? Знала бы ты, бабушка, каких машин понастроили. Тебе и в голову не придет, что они могут делать. Теперь уж не осталось такого производства, чтоб самому упираться*» (В.Г. Распутин «Прощание с Матерой») [Распутин 2004]; «*Тысячеверстный – напрямик – / Проложен путь иной. / И тем путем в*

недавний срок, / Наполнив провода, / Иркутской ГЭС ангарский ток / Уже потек сюда» (А.Т. Твардовский «Разговор с Падуном») [Твардовский 1971].

Интересной в этой связи представляется поэма С.А. Есенина «Сорокоуст» – своеобразная отходная по ушедшей в прошлое «деревянной» Руси поэта, символом которой здесь является маленький жеребенок, отчаянно пытающийся обогнать бешено мчащийся поезд. Как ни старается бедное животное, ему не удается победить стального гиганта, символизирующего новую Россию и ее техническую мощь: *«Милый, милый, смешной дуралей, / Ну куда он, куда он гонится? / Неужель он не знает, что живых коней / Победила стальная конница?»* [Есенин 1991, т. 1]. С.А. Есенину вторит и М. Горький в романе «Дело Артамоновых». Так, один из героев этого произведения сетует на то, что бездушный металл скоро окончательно вытеснит человека из производства: *«... Железо, Яша, железо везде, машина! Машина работает, машина поет, говорит! <...> Когда человек командует – к этому привыкли, а когда железный металл – обидно! К топору, молотку, ко всему, что в руку взять можно, – привыкли, а тут вещь сто пудов, однако как живая»* [Горький 1979, т. 10].

На наш взгляд, совокупность вышеприведенных примеров позволяет говорить нам о такой константе лингвоментального комплекса *Россия/русский*, как *прогресс*, содержащей информацию о «движении вперед, совершенствовании» [Словарь ... 1987, т. 3, с. 477] нашей Родины: *«Вспомни, как было, например, тридцать или двадцать лет назад и как теперь. Сколько всего понастроили да напридумывали!»* (В.Г. Распутин «Прощание с Матерой») [Распутин 2004]; *«Какие стройки, / спутники в стране! / Но потеряли мы / в пути неровном / и двадцать миллионов на войне, / и миллионы – на войне с народом»* (Е.А. Евтушенко «Письмо к Есенину») [Евтушенко 2015].

Как видно из стихотворения Е.А. Евтушенко, активно осваивая родные просторы, русский человек не забывал и о далеком космическом пространстве, в исследовании которого им был совершен небывалый прорыв. Подтверждением этого также могут служить художественные тексты классиков XX века: *«Гляжу я*

с грустью на коллегу / и на его роман – / телегу. / **Мы лунник в небо запустили, а оперы – / в тележном стиле**» (Е.А. Евтушенко «Ракеты и телеги») [Евтушенко 2015]; **«Жилец Земли, геройский этот малый / В космической посудине своей / По круговой, вовеки небывалой, / В пучинах неба вымахнул над ней...»** (А.Т. Твардовский «Памяти Гагарина») [Твардовский 1971]. Запуск лунохода и полет Ю.А. Гагарина в открытый космос, о которых идет речь в данных примерах, послужили мощным толчком для развития не только советской, но и мировой космической науки, а за СССР окончательно закрепили статус космической сверхдержавы.

Стоит сказать, что такое техническое и промышленное развитие значительно изменили жизнь нашей страны. Так, например, одним из последствий глобальной модернизации России стало заметное повышение роли городов в жизни русского общества: **«Мир таинственный, мир мой древний, / Ты, как ветер, затих и присел. Вот сдавили за шею деревню / Каменные руки шоссе. / <...> Город, город, ты в схватке жестокой / Окрестил нас как пададь и мразь. / Стынет поле в тоске волоокой, / Телеграфными столбами давясь»** (С.А. Есенин «Мир таинственный, мир мой древний...») [Есенин 1991, т. 1]. Действительно, русская деревня с ее многовековыми патриархальными обычаями и традициями бесшумно и неторопливо доживала свой век. Урбанизация – неперенный спутник прогресса – стала олицетворением современной промышленной России, к сожалению русских писателей, победившей древнюю крестьянскую Русь: **«На новостройках в эти годы / Кипела главная страда: / Вставали в заревах заводы, / Росли под небо города. / И в отдаленности унылой / За той большой страдой село, / Как про себя ни гомонило, / Уже угнаться не могло. <...> / Земля родная, что же случилось, / Какая странная судьба: / Не только юность, но и старость – / Туда же, в город, на хлеба. / Туда на отдых норвила / Вдали от дедовских могил...»** (А.Т. Твардовский «На новостройках в эти годы...») [Твардовский 1971].

Итак, мы убедились, что константа *прогресс* содержит разнообразную информацию об индустриальном совершенствовании нашей страны,

наблюдавшемся на протяжении всего XX века. Организуя в пределах своего смыслового поля большое количество лексем (например, *промышленность, завод, ТЭЦ, ГЭС, чугун, бетон, сталь, БАМ, поезд, паровоз, электричество, стройка, строительство* и мн.др.), данная константа занимает одно из центральных мест в содержании лингвоментального комплекса *Россия/русский* и актуализирует такой его когнитивный признак, как «развивающаяся в соответствии с современными требованиями».

Прогресс и модернизация, казалось бы, должны были повысить благосостояние нашей страны и вывести ее из затянувшегося экономического кризиса, берущего свое начало еще в XIX столетии. Но, к сожалению, и в XX веке Россия по-прежнему испытывала острую нехватку материальных средств, на что не раз указывали русские поэты и прозаики: «*И, едучи, как-то особенно крепко задумался вообще о великой бедности наших мест. Все было бедно, убого и глухо кругом*» (И.А. Бунин «Жизнь Арсеньева») [Бунин 1989]; «*Защити там в черных бедах / Скорбью вытерзанный люд. / Помолись с ним о победах / И за нищий их уют*» (С.А. Есенин «Микола») [Есенин 1991, т. 1]. В связи с данным обстоятельством мы можем говорить о том, что константа *бедность* и связанный с ней когнитивный признак «не имеющая достаточных ... средств к существованию...» [Словарь ... 1985, т. 1, с. 67] продолжают быть актуальными и в художественной картине мира XX столетия, поскольку наглядно объективируют представление писателей о крайне низком уровне финансового благосостояния страны и населяющих ее граждан: «*Но мало того, – я ровно ничего не знал даже о теперешней России! Ну да, разоряющиеся помещики, голодающие мужики, земские начальники...*» (И.А. Бунин «Жизнь Арсеньева») [Бунин 1989]; «*У многих не с чем идти, не у тебя одной, – продолжал он <...>. – Но собирают как-то. Теперь так и хоронят: с миру по копейке. Соберем и тебе...*» (В.Г. Распутин «В ту же землю») [Распутин 2017].

Особенно ярко рассматриваемые компоненты содержания актуализируются посредством атрибутивных связей лексем *Россия, Русь, страна*, номинирующих концепт *Россия*, с такими именами прилагательными, как *бедная* и *нищая*: «*О,*

нищая моя страна, / Что ты для сердца значишь? / О, бедная моя жена, / О чем ты горько плачешь?» (А.А. Блок «Осенний день») [Блок 2008]; *«Полевая Россия! Довольно / Волочиться сохой по полям! / Нищету твою видеть больно / И березам и тополям. / Я не знаю, что будет со мною... / Может, в новую жизнь не гожусь, / Но и все же хочу я стальнойю / Видеть бедную, нищую Русь»* (С.А. Есенин «Неуютная жидкая лунность») [Есенин 1991, т. 1]; *«Опять, как в годы золотые, / Три стертых треплются шлеи, / И вязнут спицы росписные / В расхлябанные колеи... / Россия, нищая Россия, / Мне избы серые твои, / Твои мне песни ветровые – / Как слезы первые любви!»* (А.А. Блок «Россия») [Блок 2008].

Если мы обратимся к толкованию данных лексем, то увидим, что они характеризуют Россию как страну, испытывающую острый недостаток материальных средств. Так, согласно словарным дефинициям, бедный – это «не имеющий достаточных или необходимых средств к существованию; неимущий и малоимущий» [Кузнецов 2000, с. 64], а нищий – это «неимущий, крайне бедный; отличающийся нищетой» [Там же, с. 653]. Иллюстрацией к данным определениям могут служить примеры из художественных текстов XX века, описывающих неприглядные условия жизни, характерные для России: *«И низких нищих деревень / Не счесть, не смерить оком, / И светит в потемневший день / Костер в лугу далеком...»* (А.А. Блок «Осенний день») [Блок 2008]; *«Почему, в самом деле, влачил нищее существование русский мужик, все-таки владевший на великих просторах своих таким богатством...»* (И.А. Бунин «Жизнь Арсеньева») [Бунин 1979]; *«Но землю эту, в пальцах разминая, / ее водой своих детей поя, / любуясь ею, поняли: родная! / Почувствовали: / кровная, / своя... / Потом опять влезали постепенно / в хомут бедняцкий, в горькое житье...»* (Е.А. Евтушенко «Станция зима») [Евтушенко 2015].

Действительно, на Россию был крепко наброшен «бедняцкий хомут». Конечно же, это не могло не волновать русское общество, выразителями настроений которого стали поэты и прозаики, в своих произведениях откликавшиеся на злободневные события современной им эпохи.

Подтверждением тому могут служить константы *прогресс* и *бедность* сегмента «страна» лингвоментального комплекса *Россия/русский*.

Интересным, на наш взгляд, является то, что следующий сегмент – «общество» – в произведениях XX столетия получает несколько иную лексическую объективацию, нежели в художественных текстах XIX века, что напрямую связано с революционными преобразованиями нашей страны. После мятежного переворота 1917 г. на смену крестьянам и сельской общине приходят товарищи и трудовой коллектив. Это выражается в употреблении соответствующих наименований по отношению к представителям русского социума: «Без глотка, **товарищ**, / Песню не заваривай, / Так давай по маленькой хлебнем!» (К.М. Симонов «Корреспондентская застольная») [Симонов 1979]; «К черту чувства. Слова в навоз, / Только образ и мощь порыва! / Что нам солнце? Весь звездный обоз – / Золотая струя **коллектива**» (С.А. Есенин «В час, когда ночь воткнет...») [Есенин 1991, т. 2]. Согласно «Толковому словарю языка Совдепии» В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной, отражающему реалии советской эпохи, товарищ – это «гражданин в советском обществе» [Мокиенко, Никитина 1998, с. 602], а коллектив – это «коллектив работников предприятия, учреждения» [Там же, с. 253]. Как видно из данных словарных толкований, наиболее идеологически маркированной лексемой является существительное *товарищ*, подчеркивающее принадлежность русского человека к социалистическому обществу: «Последняя война, больше не хотят. **И теперь – все товарищи**. А для дурака я действительно стар» (М. Горький «Дело Артамоновых») [Горький 1979, т. 10].

Говоря о лексических вербализаторах сегмента «общество», нельзя не сказать и о таких словах, как *буржуй* и *пролетарий*, репрезентирующих характерное для советского социума деление людей на собственников (буржуев) и рабочих (пролетариев): «**Пролетарий борется с буржуем** за перераспределение прав и богатств, им нет дела до взлетов творческого духа, до поэзии, до истории» (А.И. Алдан-Семенов «Красные и белые») [Национальный корпус русского языка]. Стоит отметить, что социалистическая идеология, ратующая за

социальное равенство и общественную собственность, повлияла на функционирование данных лексем в художественных текстах XX века. Так, слово *буржуй*, именуемое классового врага советского человека, здесь зачастую наделяется пренебрежительным оттенком коннотации, в отличие от нейтрально окрашенной лексемы *пролетарий*: «Ты лети, **буржуй**, воробышком! / Выпью кровушку / За зазнобушку, / Чернобровушку...» (А.А. Блок «Двенадцать») [Блок 2008]; «Наш фабричный котел еще мало вместителен, и долго придется ждать, когда он, переварив русского мужика в **пролетария**, сделает его восприимчивым к вопросам государственной важности» (М. Горький «Жизнь Клима Самгина») [Национальный корпус русского языка].

В советскую эпоху, протекающую под лозунгом социализма – «От каждого – по его способностям, каждому – по его труду» – данное обстоятельство представляется вполне закономерным, поскольку именно пролетарий был образцом советского гражданина, работающего на благо своего Отечества: «Без лести, унижения, / без всяких громких фраз, – / **я вырос в уважении / к тебе, рабочий класс**» (Е.А. Евтушенко «Рабочая кость») [Евтушенко 2015]. Действительно, трудно переоценить роль простого русского человека, который, несмотря на постоянные лишения, трудности и неудобства, делал все для того, чтобы его Родина – РСФСР – пошла по пути прогресса и процветания: «Какие угрюмые горы с ущельями / В снегах прогревая бивачными дымами, / **Прошел он навывлет стволами-тоннелями, / Мостами сцепив берега нелюдимые!** / В какие студеные дебри суровые / Врубаясь дорог протяженными клиньями, / **Он ввез города на колесах готовые, / К столицам своим подключив их на линии!**» (А.Т. Твардовский «Дорога дорог») [Твардовский 1971]. В стороне не остался никто – даже женщины, которые были примером настоящего пролетария, стойкого и выносливого: «**И когда я вижу вас над рельсами / с ломами тяжелыми в руках, / в сердце моем боль звенит надтреснуто: "Как же это вам под силу, как?"**» (Е.А. Евтушенко «Женщинам») [Евтушенко 2015].

Но ошибочным было бы полагать, что в произведениях XX столетия речь шла только о рабочих, отдающих свои силы новостроям или производству.

Русские классики создают и разнообразную галерею образов русских крестьян-тружеников – выходцев из российской глубинки – с безрадостной и неустроенной судьбой: «*Посмотри, как он трудится в поле, / Пашет землю сохой, / И послушай те песни про горе, / Что поет он, идя бороздой*» (С.А. Есенин «Брату человеку») [Есенин 1991, т. 2]; «*Но, как ни гнули спины, выходило: / не сами ели хлеб, а хлеб их ел. / За молотью, косью, / уборкой хлеба, / за полем, домом и гумном своим, / что вдоволь правды там, где вдоволь хлеба, / и хватит с них вполне, / казалось им*» (Е.А. Евтушенко «Станция Зима») [Евтушенко 2015]. Да, и в XX веке жизнь русского крестьянина представляла собой удручающее зрелище. Подчиненный годовому циклу сельскохозяйственного производства, он был зависим от земли, которая одновременно и кормила, и губила его: «*После чая отец иногда едет со мной на беговых дрожках в поле, где, смотря по времени, или пашут <...> разутые, без шапок мужики, или выпалывают то просо, то картошки несметные девки <...>, или на зное косят, со свистом, размашисто, приседая и раскорячиваясь, валят густую стену жаркой желтой ржи косцы с почерневшими от пота спинами <...>, а следом за ними работают граблями и, сгибаясь, наклоняясь, борются с колкими головастыми снопами <...>, мнут их коленом и туго вяжут подоткнутые бабы...*» (И.А. Бунин «Жизнь Арсеньева») [Бунин 1989]. Подтверждением нашей мысли могут служить лексемы *пашут*, *выпалывают*, *косят*, *работают*, *борются* (со снопами), *вяжут*, которые передают информацию о специфике нелегкого крестьянского труда.

Итак, на примере художественных текстов мы видим, что в XX веке русский народ в своем большинстве был поглощен беспрестанной работой, закалявшей его характер и укрепляющей дух. Данное обстоятельство позволяет выделить нам константу *труд* лингвоментального комплекса *Россия/русский*, которая вербализует информацию о «целенаправленной деятельности человека, требующей умственного или физического напряжения» [Словарь ... 1988, т. 4, с. 417], и соотносящийся с ней когнитивный признак «обладающая способностью много и производительно работать» [Словарь ... 1987, т. 3, с. 576]. Лексическими объективаторами этих компонентов содержания выступают имена

существительные *труд, работа, деятельность, дело*, а также соотносящиеся с ними глаголы и имена прилагательные: «Туда люди для того и едут, чтоб одну большую **работу** всем вместе сделать, она для них – самое главное, они там и живут только для этой **работы...**» (В.Г. Распутин «Прощание с Матерой») [Распутин 2004].

К сожалению, в XX столетии стойкость и выдержка русского этноса проверялись не одной только лишь мирной работой, но и военным гнетом, в корне изменившим судьбу русского человека, вынужденного не жить, а выживать, находясь «посреди труда и войны»: «Шла она / от дерева / к дереву / **посреди труда и войны** / под ухмылки прыщавого деверя / и его худосочной жены» (Е.А. Евтушенко «Настя Карпова») [Евтушенко 2015]. Особенно тяжким испытанием Великая Отечественная война стала для советского солдата, вынужденного жить в состоянии боевой готовности на протяжении долгих 1418 дней и ночей: «**Мы сотни верст и тыщи верст земли,** / Родной земли, завещанной отцами, / **Топча ее, в страде войны прошли** / С оглохшими от горечи сердцами. / **Из боя в бой мы шли, из боя в бой,** / И, отступая в страшный час разлуки, / Мы не могли, солдаты, взять с собой / Всех тех, что к нам протягивали руки» (А.Т. Твардовский «Возмездие») [Твардовский 1971]. Куда только по долгу службы ни заносила его фронтовая судьба: Сталинград, Москва, Одесса, Западный фронт... Но, где бы ни оказывался русский солдат, он с честью и достоинством отстаивал интересы своей страны, не останавливаясь даже перед собственной смертью: «Я долю свою по-солдатски приемлю, / Ведь если бы смерть выбирать нам, друзья, / **То лучше, чем смерть за родимую землю,** / **И выбрать нельзя**» (А.Т. Твардовский «Пускай до последнего часа расплаты...») [Твардовский 1971]; «В нас есть суровая свобода: / На слезы обрекая мать, / **Бессмертье своего народа / Своею смертью покупать**» (К.М. Симонов «Слава») [Симонов 1979].

В годы смертельной опасности, когда русские солдаты плечом к плечу сражались против упорного и сильного врага за светлое будущее России, в душе нашего народа с небывалой силой возросло чувство этнического самосознания. К

русскому человеку пришло понимание того, что именно от его смелости и решимости зависит судьба Родины. Не страшась опасности и риска, он героически сражался на передовой против немецких захватчиков, самоотверженно приближая день Великой Победы, о чем не раз упоминается в художественных текстах XX века: «... в полверсте от крайней хаты / Мы, оторвавшись от земли, / **Под оружейные раскаты, / Уже не прячась, в рост пошли**» (К.М. Симонов «Пехотинец») [Симонов 1979]. Это позволяет говорить нам о том, что сегмент «общество» лингвоментального комплекса *Россия/русский* включает константу *мужество*, объективирующую представление русских писателей о «присутствии духа в опасности, в беде и т. п.; храбрости, бесстрашии» [Словарь ... 1986, т. 2, с. 309] русского человека. Смысловое поле данной константы составляют имена существительные *отвага, смелость, храбрость, стойкость, героизм, бесстрашие, доблесть, решимость* и др., вербализующие такой когнитивный признак лингвоментального комплекса *Россия/русский*, как «обладающая мужеством, стойкая» [Там же, с. 308]: «**И русских воинов отвага / Ее от волжских берегов / Несла до черных стен рейхстага / На жарком темени стволы...**» (А.Т. Твардовский «Так это было» [«За далью – даль»]) [Твардовский 1971].

В ходе нашего исследования стоит отметить, что в произведениях XX столетия в фокусе художественного восприятия оказываются не только положительные, но и отрицательные качества, присущие русскому народу. Так, поэты и прозаики не раз акцентируют внимание на чрезмерно разгульный и распутный образ жизни, который был присущ большинству населения современной им России: «**Не решаясь начать беседу с главного, Артамонов заговорил о том, как быстро портится народ, раздражая своей ленью, пьянством, распутством...**» (М. Горький «Дело Артамоновых») [Горький 1979, т. 10]; «**Знаменитое "Руси есть веселие питеи" вовсе не так просто, как кажется. Не родственно ли с этим «веселием» и юродство, и бродяжничество, и радения, и самосжигания, и всяческие бунты...**» (И.А. Бунин «Жизнь Арсеньева») [Бунин 1989].

Как правило, полезному и деятельному отдыху русский человек предпочитал беспечное и легкомысленное времяпрепровождение, сопряженное с пьянством и кутежом: *«Вот говорит мне мать: "Чем плох твой Петр? / Он бить не бьет, / на сторону не ходит, / конечно, пьет, / а кто сейчас не пьет?"»* (Е.А. Евтушенко «Станция зима») [Евтушенко 2015]; *«Эх, была-де пора, / Жил, тоски не зная, / Лишь кутил да гулял, / Песни распевая»* (С.А. Есенин «Воспоминание») [Есенин 1991, т. 2]; *«Такова позиция человека уездного, ибо – как сказано во всех географиях – население уездных городов сплошь состоит из людей, занимающихся пьянством, карточной игрой и мизантропией»* (М. Горький «Городок Окуров») [Горький 1979, т. 5]. Русскому народу истари была присуща неумная потребность праздника. Быть может, поэтому он так нуждался в мире, полном хмельного чада и беззаботного веселья: *«От века дело делают талантливо, / талантливо гуляют на Руси»* (Е.А. Евтушенко «Русские таланты») [Евтушенко 2015]; *«... Пировать в Дремове любили; свадьба растянулась на пять суток; колобродили с утра до полуночи, толпою расхаживая по улицам из дома в дом, кружась в хмельном чаду»* (М. Горький «Дело Артамоновых») [Горький 1979, т. 10].

Столь легкомысленный подход к собственной жизни способствовал моральной деградации русского народа, который растрачивал свою неумную энергию и недюжинную силу не только в беспросветном пьянстве, но и в бессмысленных и жестоких драках: *«... Яков понял, что у ворот фабрики разыгралась обычная в понедельник драка, после праздников почти всегда дрались, но в памяти остался этот жуткий бег темных, воющих пятен»* (М. Горький «Дело Артамоновых») [Горький 1979, т. 10]; *«С Михайлова дня зачинались жестокие бои на льду реки, бои шли всю зиму, вплоть до масляной недели, и <...> город одолевал численностью, наваливался тяжестью: заречные всегда были биты и гонимы через всю слободу...»* (М. Горький «Городок Окуров») [Горький 1979, т. 5]. Если собрать ключевые имена существительные (лень, пьянство, распутство, бои, бродяжничество, самосжигания) и глаголы (портиться, драться, пить, колобродить, кутить, гулять) из приведенных

примеров, они могут быть сгруппированы в константу *саморазрушение*, объективирующую когнитивный признак «дошедшая до ... морального падения, расстройства, упадка» [Словарь ... 1987, т. 3, с. 612].

На наш взгляд, необходимо отметить, что в произведениях XX века художественное наполнение лингвоментального комплекса *Россия/русский* проявляется не только в изменении его когнитивного содержания, но и в оригинальной художественной метафоризации образа России. Так, например, в художественной картине мира XX столетия функционирует глубоко личностная метафора «Россия – корова» С.А. Есенина: «*О родина, счастливый / И неусходный час! / Нет лучше, нет красивей / Твоих коровьих глаз*» («Октоих») [Есенин 1991, т. 1]. Со слов И.В. Грузинова известно следующее высказывание Есенина 1921 г.: «Кто о чем, а я о корове. Знаешь ли, я оседлал корову. Я еду на корове. Я решил, что Россию следует показать через корову. Лошадь для нас не так характерна. Взгляни на карту — каждая страна представлена по-своему: там осел, там верблюд, там слон... А у нас что? Корова! Без коровы нет России» [Грузинов 1986, с. 353]. Глубокий зооморфизм, чувство единения природы и России, восприятие писателем родной страны как громадного животного существа подчеркивают лексемы *телиться, телица*: «*Холмы поют о чуде, / Про рай звенит песок. / О верю, верю – будет / Телиться твой восток!*» («Пришествие») [Есенин 1991, т. 1]; «*Перед воротами в рай / Я стучусь: / Звездами спеленай / Телицу Русь*» («Преображение») [Есенин 1991, т. 1].

Интересным представляется то, что в стихотворениях С.А. Есенина Россия олицетворяется не только с животным, но и с человеком, женщиной. Так, родная страна для писателя – это сказочная царевна, впавшая в глубокую дрему: «*Пойдем, пойдем, царевна сонная, / К веселой вере и одной, / Где светит радость испоконная / Неопалимой купиной*» («Не в моего ты Бога верила...») [Есенин 1991, т. 2]. Актуализации подобной авторской мысли способствует употребление репрезентанта *Русь* вместе с лексемами *дремлет, задремавшая*: «*Хорошо ивняком при дороге / Сторожить задремавшую Русь*» («Песни, песни, о чем вы кричите?») [Есенин 1991, т. 1]; «*И дремлет Русь в тоске своей веселой, /*

Вцепивши руки в желтый крутосклон («Голубень») [Есенин 1991, т. 1]. Кроме того, приложение *покойный уголок* («*О Русь, покойный уголок...*») и эпитет *кроткая* (*родина кроткая*) также указывают на размеренность и спокойствие российской жизни и способствуют актуализации рассматриваемого метафорического образа в лирике С.А. Есенина 1910 – 1917 гг.

Не менее яркое аллегорическое описание родной страны мы находим в лирике еще одного выдающегося поэта Серебряного века – А.А. Блока. В стихотворных произведениях этого автора Россия также предстает в женском облике, нарисованном метафорическими средствами: «*Тебя жалеть я не умею / И крест свой бережно несу... / Какому хочешь чародею / **Отдай разбойную красу!** / Пускай заманит и обманет, – / **Не пропадешь, не сгинешь ты,** / **И лишь забота затуманит / Твои прекрасные черты...***» («Россия») [Блок 2008]. Особую смысловую нагрузку в системе словесно-художественных образов несет словосочетание *разбойная краса*, которое, как отмечает В.А. Маслова, содержит «намек на нечто упрямое, непокорное и вместе с тем сильное, что может выстоять в любых испытаниях» [Маслова 2006, с. 85]. Кроме того, это свободное сочетание вместе с лексическими соединениями *плат узорный до бровей, мгновенный взор* воссоздают реальные черты женщины-России, которая, подобно человеку, может сойти, блеснуть и освежить: «*И с туманом над Непрядвой спящей, / Прямо на меня / Ты сошла, в одежде свет струящей, / Не спугнув коня. / Серебром волны блеснула другу / На стальном мече, / **Освежила** пыльную кольчугу / На моем плече*» («На поле Куликовом») [Блок 2008].

Особенно интересным представляется то, что Россия для А.А. Блока – не просто женщина, а любимая жена: «*О, Русь моя! Жена моя! До боли / Нам ясен долгий путь!*» («На поле Куликовом») [Блок 2008]. В данном случае определяющую роль играет духовное родство, которое и обуславливает тесную и нерушимую связь между лирическим героем и его женой – Россией. По мнению ученых, подобное восприятие поэтом родной страны «рождено личными неудачами, отсутствием семейного счастья, крушением всех надежд на это» [Там же]. Можно говорить о «своего рода сублимации – вытеснении из подсознания

одного образа (Прекрасной Дамы) – другим (Женой-Русью)» [Там же]: «Я – не первый воин, не последний, / Долго будет родина больна. / Помяни ж за раннюю обедней / Мила друга, **светлая жена!**» («На поле Куликовом») [Блок 2008]; «О, нищая моя страна, / Что ты для сердца значишь? / О, **бедная моя жена,** / О чем ты горько плачешь?» («Осенний день») [Блок 2008]. Необходимо отметить, что подобное отношение к нашей стране не очень широко распространено в общенациональной картине мира, но, тем не менее, оно представляет собой большую культурологическую ценность, поскольку предстает перед нами как комплекс ассоциаций, чувств и эмоций, отражающих особенности языкового сознания А.А. Блока и формирующих художественную картину русского народа.

Таким образом, мы можем говорить о том, что в произведениях XX века лингвоментальный комплекс *Россия/русский* обогащается новыми когнитивными признаками, напрямую связанными с общественно-политической обстановкой в нашей стране. в художественной картине мира XX столетия сегмент «государство» лингвоментального комплекса *Россия/русский* включает константы *революция* с признаком «претерпевшая коренные изменения», *социализм* с признаком «проникнутая идеями социализма, отвечающая принципам социализма» и *война* с признаком «принимая участие в войне, сражающаяся». Сегмент «страна» состоит из констант *простор* с признаком «свободное обширное пространство», *прогресс* с признаком «развивающаяся в соответствии с современными требованиями», *бедность* с признаком «не имеющая достаточных средств к существованию». Сегмент «общество» содержит в своем составе константы *труд* с признаком «обладающая способностью много и производительно работать», *мужество* с признаком «обладающая мужеством, стойкая» и *саморазрушение* с признаком «дошедшая до морального падения, расстройства, упадка» (См. Таблица 3).

Когнитивное содержание лингвоментального комплекса *Россия/русский* в художественных текстах XX века

<i>Сегмент</i>	<i>Константа</i>	<i>Когнитивные признаки</i>
Государство	Революция	Претерпевшая коренные изменения
	Социализм	Проникнутая идеями социализма, отвечающая принципам социализма
	Война	Принимающая участие в войне, сражающаяся
Страна	Простор	Свободное обширное пространство
	Прогресс	Развивающаяся в соответствии с современными требованиями
	Бедность	Не имеющая достаточных средств к существованию
Общество	Труд	Обладающая способностью много и производительно работать
	Мужество	Обладающая мужеством, стойкая
	Саморазрушение	Дошедшая до морального падения, расстройства, упадка

§ 3. Лингвоментальный комплекс *Россия/русский*

в языковой стихии XXI века

В ходе нашего исследования особенно интересным представляется рассмотрение лингвоментального комплекса *Россия/русский* на материале художественных текстов представителей современной писательской

интеллигенции. Не заискивая перед читателями, не идя на поводу общественного вкуса, в своих произведениях они выражают неповторимую точку зрения относительно изображаемых ими событий и явлений. Исходя из этого, мы можем говорить, что в современных поэзии и прозе имеет место яркая художественная интерпретация рассматриваемого нами лингвоментального комплекса.

Интересную объективацию в произведениях XXI века получает сегмент «государство». Если мы обратимся к рассмотрению составляющих его констант, то увидим, что определяющую роль здесь, несомненно, играет *власть*: «*Ненавидел **власть** – всю поголовно – и желал **преьерам и губернаторам** смерти – реальной, физической, желательно необычной и медленной*» (З. Прилепин «Санья») [Прилепин 2015]. Как видно из приведенного примера, данная константа объективируется не только при помощи одноименной лексики – *власть*, именующей органы государственного правления, но и при помощи слов, называющих уполномоченных лиц, которые действуют от имени государства – *преьера, губернаторы*. Стоит отметить, что это лишь малая часть вербализаторов рассматриваемой константы. Так, в ее смысловое поле входят следующие группы слов:

– персоналии (*Путин, Медведев, Жириновский, Немцов*): «*Мы **Путин**а переизбрали вчера на второй президентский срок*» (С. Минаев «Долгая дорога в рунете») [Минаев 2008];

– словосочетания и аббревиатуры, именующие политические партии и их членов («*Единая Россия*», *ЛДПР*, «*Союз Созидающих*», *либералы, демократы*): «*В левом углу ринга – политический супертяжеловес, бессменный лидер **ЛДПР** Владимир Жириновский!*» (Д. Глуховский «Перед штилем») [Глуховский 2015];

– слова и свободные сочетания, называющие членов правительства (*президент, министр, преьера, чиновник, член партии, губернатор, советник губернатора, член политсовета, депутат, партийный функционер, политик, человек из мерии, глава кабинета министров*): «*Вот и **президент** наш с **преьером** таковы же, и вечно все путают, кто есть кто, а потому что П и М*» (Т.Н. Толстая «Серебром и чесноком») [Толстая 2014];

– лексемы, указывающие на силовые ведомства нашей страны и их представителей (*ФСБ, милиция, спецназ, оперативники, спецслужбы, МВД, участковый, ГУВД*): «*А что у нас тут во дворике? Не притаился ли за углом транспорт со **спецназом**?*» (З. Прилепин «Санька») [Прилепин 2015].

Иными словами, мы можем говорить о том, что к объективаторам константы *власть* лингвоментального комплекса *Россия/русский* относятся лексемы, именующие должностных лиц, которые в своей совокупности могут быть именованы властями: «... *чтобы рутинное распитие шотландских резервов не превратилось в неприятный разговор об изменении расценок на благожелательность **властей**, Кротов должен был навести на территории марафет*» (Д.А. Глуховский «Че почем») [Глуховский 2015]; «*А оппозиции, в свою очередь, могу предложить заговор против **властей**: "На выживание кикиморы"*» (Т.Н. Толстая «Серебром и чесноком») [Толстая 2014]; «*Он хорош не потому, что защищал от **властей** первых в истории страны оптовых торговцев валютой*» (А. Рубанов «Модильяни рисует Ахматову») [Рубанов 2011].

Интересным представляется то, что в художественной картине мира XXI века действия властей получают резкую, зачастую негативную, оценку: «*Я думал так наивно, что нечисты / лишь эти тряскорукие путчисты, / но **осрамились наши либералы, / такие же вдали и обиралы***» (Е.А. Евтушенко «Ужин в Филадельфии») [Евтушенко 2015]; «*Чудовищная политика должна смениться великолепным, красочным государством – свободным и сильным*» (З. Прилепин «Санька») [Прилепин 2015]. В своих произведениях писатели не раз обращают внимание на несправедность и беззаконие, царящие в современном Российском государстве, в котором правители избираются не путем честного и открытого голосования, а методом подтасовок и жульничества: «*Тут прибавим, тут убавим, тут у нас дурдом проголосует, тут **тюрьма поддержит** единогласно, тут морг, да и студенты на многое еще способны*» (Д.А. Глуховский «Deus ex Machina») [Глуховский 2015]; «*А кого же выберут?*» – «Путина». *Женщина вроде огорчилась. – «Но вы за честные выборы?» – «Я – да, - сказала я, – но что толку-то?»* (Т.Н. Толстая «С народом») [Толстая 2014]; «*Ему было очень*

страшно, а главное, не отпускало чувство ужасной несправедливости. Ошеломляющей несправедливости. Конкретной несправедливости. Такой несправедливости, какая случается раз в четыре года в канун президентских выборов» (С. Минаев «Долгая дорога в рунете») [Минаев 2008].

И подобная несправедливость, согласно произведениям современных авторов, является прочным и непоколебимым фундаментом основ российской государственности XXI века: *«Ну вот, теперь вся ячейка тут, – удовлетворенно проговорил Антон. – Вы обвиняетесь в... в коррупции. Во взяточничестве. В сокрытии улик и предоставлении протекции преступному бизнесу. В продажности вы обвиняетесь...»* (Д. Глуховский «Благое дело») [Глуховский 2015]. Даже телевидение – четвертая власть в Российской Федерации – подчинена беззаконию и служит для сокрытия истинного положения дел в нашем государстве: *«Дедушка, – серьезно произнесла Алиса, – у меня к тебе вопрос. А почему в телевизоре все такое яркое? И почему всегда у всех все хорошо? Так разве бывает?»* <...> *«А это, Алисочка, потому, – рассеянно ответил Штейн, – что телевизор – это окно в другой мир. В волшебную страну Зазеркалье. Там все очень-очень похоже на то, как у нас, но все по-другому. Там люди все счастливые, и у всех все получается. И денег всем хватает»* (Д. Глуховский «From Hell») [Глуховский 2015].

Политики, вещающие с голубых экранов о том, что Россия поднимается с колен, не замечают или не хотят замечать, как на самом деле живет их родная страна, потому что сами они находятся в волшебном Зазеркалье, изобилующем достатком и благополучием: *«Уже материальное не интересовало Пчелкина. И журнал «Форбс» не включал его в свои рейтинги только по настоятельной просьбе его, происходящей от природной скромности. Уже дети его, учащиеся в Лондоне в художественном колледже, могли до конца дней своих заниматься только искусством, никогда не думая о хлебе насущном. И дети их. И дети их детей. И так до седьмого колена»* (Д. Глуховский «Каждому свое») [Глуховский 2015]. Как правило, подобное благосостояние наживалось отнюдь не честным трудом, а путем взяточничества и использования власть имущими своего

служебного положения: «... **Но он мент. Понимаете? Они все крышуют, воруют, наводят на меня налоговую. У меня в Мурманске небольшой бизнес был – налоговую навел**» (Т.Н. Толстая «Превозмогая обожанье») [Толстая 2014]; «Дело увело следователя на такие высоты, где кружилась голова, а воздух был холоден и разрежен. К самым почти что небожителям увело. **И как там, наверху, брали! И сколько! И за что!**» (Д. Глуховский «Благое дело») [Глуховский 2015]. Вербализации высказанной нами мысли способствуют имена прилагательные с неодобрительным и презрительным элементом коннотации – *глупая, жестокая, подлая, дурная, лживая, мерзкая, гадкая, нечестная, предающая, безнравственная*, которые в современных художественных текстах используются авторами для характеристики российских властей: «**И пока «союзники» мечтали лишь о том, чтобы сменить в стране власть, гадкую, безнравственную, лживую, Костенко пытался думать лет на двести вперед минимум**» (З. Прилепин «Санька») [Прилепин 2015].

Несомненно, подобное художественное восприятие наложило определенный отпечаток на содержание лингвоментального комплекса *Россия/русский* в произведениях XXI столетия, в которых объективируются такие его когнитивные признаки, как «управляемая властями, "поступающими вопреки справедливости, нарушающими справедливость"» [Словарь ... 1986, т. 2, с. 482] (актуальная и для художественных текстов XIX века) и «со стремящимися к личной выгоде, наживе, чрезмерно любящими деньги властями» [Словарь ... 1986, т. 2, с. 109].

Если мы обратимся к следующему сегменту исследуемого нами лингвоментального комплекса – «страна», то увидим, что он, как и на протяжении предшествующих столетий, объективирует представление о территориальном, административном, социальном и экономическом устройстве нашей страны. Так, в поле рассматриваемого сегмента входят названия многочисленных городов, рассеянных на просторах бескрайней России: *Москва, Санкт-Петербург, Красноярск, Калининград, Рязань, Электросталь, Тверь, Хабаровск, Владивосток, Тула, Владимир, Тамбов* и мн. др.: «**Я долго ехал в Электросталь. Боялся**

опоздать» (А.В. Рубанов «Тоже Родина» [Рубанов 2011]; «*Во двор вбежал Леша Рогов – парень откуда-то из Сибири. С Красноярска, вроде бы*» (З. Прилепин «Санькя») [Прилепин 2015]. Несомненно, что в ряду наименований перечисленных географических объектов центральное место занимают лексемы *Москва* и *Санкт-Петербург*, объективирующие представление современных авторов о двух столицах – политической и культурной – нашей страны: «*Вот и столицы у нас – Москва и Петербург – в вечном соревновании и вечном балансе, неразрывны и неслиянны*» (Т.Н. Толстая «Серебром и чесноком») [Толстая 2014].

Как и в XIX столетии, столицы играют определяющую роль в жизни нашей страны. Являясь политическими, экономическими и культурными центрами России, они разительно отличаются от периферии, для наименования которой в современных художественных текстах используются слова *глушь*, *провинция*, *регионы*: «*Скрупулезно рассчитал, где должно находиться искомое место <...>, проворочался трое суток в поезде, потом протряся еще трое на «козле» по бездорожью, а теперь вот уже полгода торчит в сибирской глуши*» (Д. Глуховский «From Hell») [Глуховский 2015]; «*Ну вроде понятно, в крупной компании работаешь, да еще и из провинции, хочется быстрее адаптироваться в столице*» (С. Минаев «Tusoons тоже плачут») [Минаев 2008]; «*Наши корреспонденты сообщают, что в течение последних полутора суток в нескольких регионах России неизвестные люди совершили ряд нападений на комиссаров партии "Союз Созидателей"*» (З. Прилепин «Санькя») [Прилепин 2015].

Стоит отметить, что в произведениях XXI века довольно сложно выделить определенные константы, формирующие рассматриваемый нами сегмент. Как правило, в художественных текстах современных авторов особое внимание обращается на политическое устройство нашей страны. Тем не менее, в рамках современной литературы в когнитивном содержании лингвоментального комплекса *Россия/русский* мы можем выделить константу *неразвитость* и соотнесенный с ней признак «находящаяся на низком уровне развития в политическом, экономическом и т. п. отношении, отсталая» [Словарь ... 1986, т. 2,

с. 474]. Подтверждением нашей мысли могут служить произведения XXI столетия, в которых указывается на недостаточный уровень развития некоторых аспектов жизнедеятельности нашей страны. Так, например, одни писатели говорят о ретроградности экономической системы нашего государства: *«Это не я! – побледнел Президент. – Честное слово, не я! Я, конечно, считаю, что нашу страну нужно модернизировать, что мы отстаем, что нам догонять... Но чтобы так...»* (Д. Глуховский «На дне») [Глуховский 2015]; *«В силу ряда объективных внешне- и внутривполитических факторов, ну и по причине тяжелейшей ситуации в экономике страны...»*, – наконец отозвался он (Д. Глуховский «На дне») [Глуховский 2015]. Другие же указывают на неразвитость нравственной культуры русского человека, повергающего Россию в пучину хаоса и беспорядка: *«Едешь и дивишься: отчего по эту сторону границы все так чисто и благостно, и отчего с нашей стороны с совершенно аналогичным населением: карелы, финны – такой глобальный срач? Но этот метафизический вопрос, как всегда, повисал в воздухе и не получал ответа»* (Т.Н. Толстая «Умм») [Толстая 2014]. Поэтому отнюдь не случайными кажутся эпитеты *дикая*, то есть «странная, нелепая» [Словарь ... 1985, т. 1, с. 399] и *неуютная*, то есть «лишенная уюта» [Словарь ... 1986, т. 2, с. 491], которые дают яркую характеристику современной России: *«Это наша родина такая. Большая и дикая. Неуютная. Тут у нас всего навалом, но вот уюта нет, не было и не будет»* (А.В. Рубанов «Тоже родина») [Рубанов 2011].

Несомненно, в подобном положении вещей виноват сам русский народ, деградирующий вместе со своей страной. Доказательством этому может служить содержание сегмента «общество» лингвоментального комплекса *Россия/русский* в произведениях XXI века. Хочется отметить, что ни в XIX, ни в XX столетиях данный сегмент не содержал столь обширной информации о пристрастии русского человека к горячительным напиткам: *«Мы – трое – пили всю ночь. Так бухают за липким столом портового притона три пирата <...>; добыча на сей раз невелика, но ее хватило на несколько бутылок вина и несколько ломтей хлеба...»* (А.В. Рубанов «Носки») [Рубанов 2011]; *«Именно железный принцип:*

больше трех дней подряд не пить – позволял ему изящно балансировать на грани алкоголизма все эти годы, пока его **одноклассники и сослуживцы самозабвенно отдавались белой горячке**» (Д. Глуховский «До и После») [Глуховский 2015].

Действительно, в современных художественных текстах писатели стараются привлечь внимание общественности к одной из самых злободневных проблем России – пьянству, постепенно поглощающему все слои русского общества и способствующему его морально-нравственному разложению: *«Думаешь, этому народу, наполовину состоящему из пенсионеров и наполовину из алкоголиков, нужна почва?»* (З. Прилепин «Санька») [Прилепин 2015]; *«Володя Кравец со своей невестой Татьяной, ее подругой Светкой и спутником Светки Валентином сидели на спинке скамейки и пили пиво, обсуждая планы на ближайший уикенд»* (С. Минаев «Beaujolais Nouveau») [Минаев 2008]. Подобная точка зрения позволяет говорить нам о такой константе лингвоментального комплекса *Россия/русский*, как *пьянство*, то есть «постоянное и неумеренное потребление спиртных напитков» [Словарь ... 1987, т. 3, с. 571], и связанном с ней когнитивным признаком «любящая выпивать, злоупотребляющая алкогольными напитками» [Там же, с. 570].

Такое бессознательное времяпрепровождение, несомненно, свидетельствует о низком уровне духовного развития русского человека. Так, современные писатели не раз отмечают, что современный российский социум в большинстве своем состоит из людей-потребителей, в жизни которых материальное довлеет над духовным: *«Наташке на его принципы было плевать. У нее была своя шкала ценностей, по которой жрать и одеваться было важнее»* (Д.А. Глуховский «Благое дело») [Глуховский 2015]; *«Чем они занимаются? Ежедневно решают гиперсложную, сопоставимую с решением теоремы Ферма задачу, состоящую из трех неизвестных: Куда? В чем? С кем?»* (С. Минаев «The Телки») [Минаев 2008]. По-особенному ярко процессы умственной деградации и морального растрепания наложили свой отпечаток на представителей молодого поколения, которое променяло высокие идеалы предков на пустую работу в офисе или

беспечное тунеядство: «... если ты каждый день выполняешь определенный набор опорно-двигательных функций, легче всего сослаться на неведомую «корпоративную машину», которая перемалывает тебя, чем признаться в собственном умственном бессилии» (С. Минаев «Корпоративные самураи») [Минаев 2008]; «Они приумолкли, глядя, как во дворе, засева на ржавых качелях у песочницы, бритоголовые в трениках сосут пиво. "Что с молодежью-то делается, – сплюнул на пол Сергей Ильич. – В наше время за такое бы... Как теперь во двор выходить?"» (Д. Глуховский «На дне») [Глуховский 2015]. Действительно, писатели XXI века неоднократно указывают на недостаточный уровень интеллектуального развития современного русского человека. Актуализации такого восприятия российского общества способствуют словосочетания *пустые глаза, ничего не выражающие лица, одинаковая серая масса, надоевшие вибрации серого вещества*: «Итак, на пороге XXI века человек преодолел новую стадию в своем развитии. Вследствие развития технологий и скорости передачи информации человек разумный прекратил свое существование. Больше не требуется производить порядком надоевшие вибрации серого вещества, именуемые некоторыми особо оптимистичными членами социума мыслительным процессом» (С. Минаев «Media-sapiens») [Минаев 2008].

Несомненно, подобное художественное осмысление русского общества не могло не наложить отпечаток на актуализацию лингвоментального комплекса *Россия/русский* в произведениях XXI столетия. Так, в связи с подобными воззрениями писателей на процессы разложения и деградации нашей страны, исследуемая его содержание обогащается константой *бездумность* и актуальным в наши дни когнитивным признаком «разучившаяся думать; не обременяющая себя умственной работой». Необходимо сказать, что константы *пьянство* и *бездумность*, организующие сегмент «общество», свидетельствуют о том, что в фокус зрения современных писателей, как правило, попадают только негативные качества, присущие российскому социуму XXI столетия. Высмеивая плохое, писатели дают одностороннюю характеристику современному русскому

человеку. К сожалению, такая односторонность существенно влияет на формирование содержания ментального комплекса, который благодаря такому мировидению наделен когнитивными признаками негативной направленности.

Стоит отметить, что политические и общественные реалии XXI века повлияли не только на содержание лингвоментального комплекса *Россия/русский*, но и на его лексическую объективацию. Так, в современных художественных текстах в качестве его экспликанта концепта *русский* зачастую выступает прилагательное *российский* в значении «относящийся к России: свойственный ей» [Кузнецов 2000, с. 1129]: «*All in all, уважаемые коллеги, используя этот термин для позиционирования нашего нового продукта на **российском рынке**, мы должны придерживаться той терминологии, которая здесь уже прижилась*» (Д. Глуховский «Протез») [Глуховский 2015]. Кроме того, в художественной картине мира XXI столетия наблюдается параллельное использование наименований *русский* и *россиянин*: «*А поймет ли меня кто-нибудь, если я скажу, что если бы мне пообещали, что я никогда не вернусь в Россию и не встречу ни с одним **русским**, то я бы, наверное, повесилась?*» (Т.Н. Толстая «Русский мир») [Толстая 2007]; «*Потому что пока **рас-се-яне** тихо пьют и кладут на все с прибором, все идет своим чередом*» (З. Прилепин «Санькя») [Прилепин 2015]. При всей, казалось бы, схожести данных слов стоит отметить, что они не представляют собой слова с абсолютно идентичным лексическим значением. Так, *русский* – это этноним, именующий представителей восточнославянского этноса, а *россиянин* – это политоним, называющий граждан нашей страны вне зависимости от их национальности. Лексема *россиянин*, таким образом, имеет более широкое значение, актуальное для современной России – многоконфессионального государства, на территории которого проживает множество этносов, имеющих свою неповторимую культуру и самобытную историю: «*"Что вы. У нас же многоконфессиональная страна"*, – успокоил его человек» (Д. Глуховский «From Hell») [Глуховский 2015]; «*... В сложные нынешние времена нужно сплотить наш многонациональный, – он скользнул взглядом по носу Гольдовского, – народ...*» (Д. Глуховский «Одна на всех») [Глуховский 2015].

Таким образом, проанализировав художественные тексты XXI столетия, мы можем говорить о том, что содержание лингвоментального комплекса *Россия/русский* отражает не только воззрения современных писателей на Россию, но и эксплицирует комплексную информацию о политических, экономических, социальных процессах, формирующих жизнь нашей страны в эпоху мировой интеграции. Так, сегмент «государство» формирует константа *власть* с признаками «управляемая властями, поступающими вопреки справедливости, нарушающими справедливость» и «со стремящимися к личной выгоде, наживе, чрезмерно любящими деньги властями», сегмент «страна» содержит константу *неразвитость* с признаком «находящаяся на низком уровне развития в политическом, экономическом и т. п. отношении, отсталая», а сегмент «общество», в свою очередь, включает константы *пьянство* с признаком «любящая выпивать, злоупотребляющая алкогольными напитками» и *бездумность* с признаком «разучившаяся думать, не обременяющая себя умственной работой» (См. Таблица 4).

Таблица 4

Когнитивное содержание лингвоментального комплекса *Россия/русский* в художественных текстах XXI века

<i>Сегмент</i>	<i>Константа</i>	<i>Когнитивные признаки</i>
Государство	Власть	Управляемая властями, поступающими вопреки справедливости, нарушающими справедливость
		Со стремящимися к личной выгоде, наживе, чрезмерно любящими деньги властями
Страна	Неразвитость	Находящаяся на низком уровне развития в политическом, экономическом и т. п. отношении, отсталая

Общество	Пьянство	Любящая выпивать, злоупотребляющая алкогольными напитками
	Бездумность	Разучившаяся думать; не обременяющая себя умственной работой

Выводы к 3 главе:

1. В художественных произведениях XIX века сегмент «государство» лингвоментального комплекса *Россия/русский* включает константы *власть* и *армия*, которые обогащают его когнитивное содержание признаками «управляемая властями, поступающими вопреки справедливости, нарушающими справедливость», «способная, подготовленная к обороне». Сегмент «страна» объединяет константы *холод*, *простор*, *центр/периферия*, *бедность* и соотносимые с ними когнитивные признаки «страна с сильными, устойчивыми холодами», «свободное обширное пространство», «страна с развивающимися столицами и отсталой провинцией», «не имеющая достаточных средств к существованию». Сегмент «общество» организуют константы *необразованность*, *праздность*, *неволя*, *вера*, *неправедность*, *величие* с соответствующими им когнитивными признаками «не имеющая образования, невежественная», «ничем не занимающаяся, живущая без работы, без дела», «ущемленная в правах и интересах, ограниченная в свободе», «признающая существование бога, религиозная», «способная на бесчестные, низкие поступки», «обладающая выдающимися свойствами, качествами, вызывающими преклонение, уважение».

2. В художественной картине мира XX столетия сегмент «государство» лингвоментального комплекса *Россия/русский* включает константы *революция* и *социализм*, которые приносят в его содержание когнитивные признаки «претерпевшая коренные изменения», «проникнутая идеями социализма», «принимающая участие в войне, сражающаяся». Сегмент «страна» состоит из констант *простор*, *прогресс*, *бедность* и соответствующих им когнитивных

признаков «свободное обширное пространство», «развивающаяся в соответствии с современными требованиями», «не имеющая достаточных средств к существованию». Сегмент «общество» интегрирует в своем составе константы *труд, мужество, саморазрушение* и когнитивные признаки «обладающая способностью много и производительно работать», «обладающая мужеством, стойкая», «дошедшая до морального падения, расстройств, упадка».

3. В языковой стихии XXI столетия сегмент «государство» лингвоментального комплекса *Россия/русский* состоит из константы *власть* и соотносимых с ней актуальных признаков «управляемая властями, поступающими вопреки справедливости, нарушающими справедливость», «со стремящимися к личной выгоде, наживе, чрезмерно любящими деньги властями». Сегмент «страна» содержит константу *неразвитость* и когнитивный признак «находящаяся на низком уровне развития в политическом, экономическом отношении, отсталая». Сегмент «общество», в свою очередь, включает константы *пьянство* и *бездумность* и связанные с ними признаки «любящая выпивать, злоупотребляющая алкогольными напитками», «разучившаяся думать; не обременяющая себя умственной работой».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В завершение изучения объективации лингвоментального комплекса *Россия/русский* в языковом сознании носителей языка можно высказать мысль об актуальности нашей диссертационной работы в свете современных лингвистических исканий. В рамках антропоцентризма – ведущей и основополагающей парадигмы языкознания XXI века – язык мыслится как один из субъектов формирования культурных кодов. В связи с этим в конце XX столетия проблема взаимоотношения и взаимовлияния языка, культуры и этноса становится одной из значимых проблем лингвистики антропоцентризма.

Лингвистика настоящего времени рассматривает язык в тесной связи с сознанием и мышлением индивида, его ментальными и мировоззренческими установками, практической и духовной жизнедеятельностью. При таком подходе в качестве центральной единицы исследований, способной дать представление как о собственно языковой, так и когнитивной обусловленности языкового знака, выступает концепт, представляющий собой объективно существующую в языковом сознании индивида многомерную ментальную единицу, кодирующую и отражающую комплексную информацию об объекте действительности, включающую в себя как энциклопедические знания, так и субъективный опыт, а также разносторонний комплекс оценок и ассоциаций. Вследствие подобного богатого наполнения концепт обнаруживает сложную, иерархически организованную, структуру. Особенно ярко неоднородность содержания проявляется в лингвоментальном комплексе – разноплановом, многомерном ментальном образовании, репрезентированном разветвленной, иерархически организованной системой концептов, несущих информацию об одном и том же предмете действительности, но раскрывающих лишь его отдельные грани. Лингвоментальный комплекс – это единство дискретного концептуального ментального образования с языковыми средствами его выражения и актуализации в текстовом пространстве народа. Именно таким ментальным образованием, на наш взгляд, и является предмет нашего исследования – лингвоментальный

комплекс *Россия/русский*, который содержит комплексное представление индивида об окружающей его действительности и может быть смоделирован при помощи комплексного подхода с использованием лингвистических и когнитивных методов.

Анализ материалов лингвистических и энциклопедических словарей показал, что ядро модели концепта *Россия*, который репрезентируется посредством лексем *Россия*, *Русь*, *Российская Федерация*, *Родина₁* (*родина₂*), *Отечество₁* (*отечество₂*), *Отчизна₁* (*отчизна₂*) и др., согласно материалам лингвистических и энциклопедических словарей, включает такие актуальные для русского языкового сознания когнитивные признаки, как «федеративное государство, расположенное в Европе и Азии» и «страна, большинство населения которой составляют русские». Околоядерную зону занимают когнитивные признаки «страна, в которой родился человек и гражданином которой является», «страна, которую любит человек, в ней проживающий», а на периферии находится когнитивный признак «относящийся к России, русский».

Приведенные компоненты объединяются друг с другом отношениями семантической взаимосвязи и группируются в тематические группы, именуемые в нашей работе сегментами концептуального значения. Так, все когнитивные признаки, организующие содержание лингвоментального комплекса *Россия/русский* группируются вокруг таких сегментов значения, как «государство» (например, «федеративное государство, расположенное в Европе и Азии»), «страна» (например, «страна, большинство населения которой составляют русские»; «страна, в которой родился человек и гражданином которой является»; «страна, которую любит человек, в ней проживающий»), «общество» (например, «восточнославянский народ, составляющий большинство населения бывшего СССР и современной России»; «представитель русского этноса»; «относящийся к России, русский»).

Последний сегмент – «общество» – и составляющие его когнитивные признаки, на наш взгляд, наглядно показывают тесную взаимосвязь концептов *Россия* и *русский*, которые образуют единый лингвоментальный комплекс.

Подобная корреляция представляется весьма закономерной, поскольку понятия «государство», «страна», «общество» в сознании русской языковой личности неотделимы друг от друга. В этой связи особое значение имеет и то обстоятельство, что именем концепта *русский* служит автоэтноним – самоназвание нации, представляющее собой средство объективации таких категорий этничности, как «язык», «вера», «духовная культура», «обычаи» и др.

Действительно, этноним – это не просто лексема со строго фиксированным словарным толкованием. Его значение формируют устоявшиеся, исторически обусловленные характеристики ментальных установок и поведенческих стереотипов именуемой им нации или народности. По этой причине концепт *русский* в языковой картине мира русского этноса обладает многослойной и многокомпонентной структурой, начавшей процесс своего оформления несколько столетий назад и обнаруживающей свое развитие и по сей день. Так, анализ дефиниций толковых словарей позволяет нам сделать вывод о том, что ядро данного концепта формируют следующие признаки: «восточнославянский народ, составляющий большинство населения бывшего СССР и современной России», «относящийся к Руси, России».

Уникальным источником для описания лингвоментального комплекса *Россия/русский*, является также «Русский ассоциативный словарь» под редакцией Ю.Н. Караулова (М., 2002). Фиксируя доминантные для русской языковой личности понятия и связи между ними, материалы «Русского ассоциативного словаря» помогают не только рассмотреть наиболее значимые для национального сознания концепты, но и выявить актуальные семантические компоненты репрезентирующих их лексем.

Так, проведенная нами интерпретация ассоциативного поля концепта *Россия* позволяет говорить о том, что для содержания лингвоментального комплекса *Россия/русский* актуальными являются такие признаки, как «своя по рождению, по духу, по привычкам», «обладающая выдающимися свойствами, внушающими преклонение, уважение», «бессильная, находящаяся в состоянии упадка, отсталая», «способная безропотно переносить что-нибудь (страдание, боль,

неприятное, нежелательное)». Проведенный нами анализ ассоциатов, объективирующих концепт *русский*, способствовал выявлению таких когнитивных признаков, как «обладающий ярко выраженными национальноспецифическими особенностями, чертами», «исторически сложившаяся общность людей (племя, народность, нация), имеющая социальную целостность и своеобразно-индивидуальный стереотип поведения», «относящийся к России, связанный с ней».

Большой интерес при выявлении этнокультурного содержания лингвоментального комплекса *Россия/русский* представляет национальная фразеология, анализ материала которой также позволяет выявить когнитивные признаки в структуре рассматриваемого лингвоментального комплекса. Именно в идиомах объективируются такие актуальные для русского языкового пространства когнитивные признаки концепта *Россия*, как «пользующаяся наибольшей любовью», «благочестивая, священная страна, на земле которой чувствуется присутствие Бога» «своя, близкая по рождению, духу, традициям». Что же касается концепта *русский*, то в национальной фразеологии он также предстает как многомерная ментальная единица, содержание которой формируют следующие когнитивные признаки: «специфический, неповторимый, свойственный только России», «отличающийся сообразительностью, способностью быстро смекнуть что-нибудь», «делающий добро другим, отзывчивый», «мужественный и решительный в поступках».

Таким образом, сегмент «государство» в языковом сознании носителей русского языка включает когнитивный признак «федеративное государство, расположенное в Европе и Азии». Сегмент «страна» в рамках русской национальной картины мира включает целый комплекс многообразных признаков: «страна, большинство населения которой составляют русские»; «страна, в которой родился человек и гражданином которой является»; «страна, которую любит человек, в ней проживающий»; «относящийся к Руси, России»; «свойственный, характерный для России»; «своя по рождению, по духу, по привычкам»; «обладающая выдающимися свойствами, внушающими

преклонение, уважение»; «пользующаяся наибольшей любовью»; «благочестивая, священная страна, на земле которой чувствуется присутствие Бога»; «своя, близкая по рождению, духу, традициям»; «бессильная, находящаяся в состоянии упадка, отсталая». Сегмент «общество» в сознании русской языковой личности содержит когнитивные признаки «восточно-славянский народ, составляющий большинство населения бывшего СССР и современной России»; «представитель русского этноса»; «приобщенный к национальной культуре, традициям, обычаям»; «способная безропотно переносить что-нибудь»; «исторически сложившаяся общность людей, имеющая социальную целостность и своеобразно-индивидуальный стереотип поведения»; «отличающийся сообразительностью, способностью быстро смекнуть что-нибудь»; «делающий добро другим, отзывчивый»; «мужественный и решительный в поступках». Исходя из этого, мы можем утверждать, что лингвоментальный комплекс *Россия/русский* содержит комплексную информацию об отражаемом им объекте действительности и включает в свою структуру комплекс представлений, который возник в процессе его функционирования и развития в русской культурно-языковой среде.

Проведенное нами исследование русской художественной картины мира показало, что, репрезентируясь в произведениях XIX, XX и XXI веков, лингвоментальный комплекс *Россия/русский* отличается весьма сложной и упорядоченной структурой. Данный лингвоментальный комплекс представляет собой многомерное ментальное образование, включающее в свое смысловое поле другие, более мелкие в содержательном значении единицы содержания, или константы, которые представляют собой доминанты повторяющихся в текстах о России ключевых слов, являющихся постоянными для текстов определенного периода. Все константы, входящие в структуру лингвоментального комплекса *Россия/русский* группируются вокруг таких смысловых сегментов, как «государство», «общество», «страна/территория».

Анализ русской художественной картины мира XIX века показал, что сегмент «государство» включает здесь константы *власть* с когнитивным признаком «управляемая властями, поступающими вопреки справедливости,

нарушающими справедливость» и *армия* с когнитивным признаком «способная, подготовленная к обороне». Сегмент «страна» содержит константы *холод* с признаком «страна с сильными, устойчивыми холодами», *простор* с признаком «свободное обширное пространство», *центр/периферия* с признаком «страна с развивающимися столицами и отсталой провинцией», *бедность* с признаком «не имеющая достаточных средств к существованию». А сегмент «общество» составляют константы *необразованность* с признаком «не имеющая образования, невежественная», *праздность* с признаком «ничем не занимающаяся, живущая без работы, без дела», *неволя* с признаком «ущемленная в правах и интересах, ограниченная в свободе», *вера* «признающая существование бога, религиозная», *неправедность* с признаком «способная на бесчестные, низкие поступки», *величие* с признаком «обладающая выдающимися свойствами, качествами, вызывающими преклонение, уважение».

В художественной картине мира XX столетия объективация лингвоментального комплекса *Россия/русский* обнаруживает свою динамику. Так, сегмент «государство» включает здесь константы *революция* с признаком «претерпевшая коренные изменения», *социализм* с признаком «проникнутая идеями социализма, отвечающая принципам социализма» и *война* с признаком «принимающая участие в войне, сражающаяся». Сегмент «страна» состоит из констант *простор* с признаком «свободное обширное пространство», *прогресс* с признаком «развивающаяся в соответствии с современными требованиями», *бедность* с признаком «не имеющая достаточных средств к существованию». Сегмент «общество» содержит в своем составе константы *труд* с признаком «обладающая способностью много и производительно работать», *мужество* с признаком «обладающая мужеством, стойкая» и *саморазрушение* с признаком «дошедшая до морального падения, расстройтва, упадка».

В произведениях XXI века также имеет место яркая художественная интерпретация лингвоментального комплекса *Россия/русский*. Если мы обратимся к рассмотрению его структуры, то увидим, что содержание исследуемого нами лингвоментального комплекса не только отражает воззрения писателей на Россию

XXI века, но и эксплицирует комплексную информацию о политических, экономических, социальных процессах, формирующих жизнь нашей страны в эпоху мировой глобализации. Так, сегмент «государство» формирует константа *власть* с признаками «управляемая властями, поступающими вопреки справедливости, нарушающими справедливость» и «со стремящимися к личной выгоде, наживе, чрезмерно любящими деньги властями», сегмент «страна» содержит константу *неразвитость* с признаком «находящаяся на низком уровне развития в политическом, экономическом и т. п. отношении, отсталая», а сегмент «общество», в свою очередь, включает константы *пьянство* с признаком «любящая выпивать, злоупотребляющая алкогольными напитками» и *бездумность* с признаком «разучившаяся думать; не обременяющая себя умственной работой».

Таким образом, мы видим, что лингвоментальный комплекс *Россия/русский*, посредством своих лексем-репрезентантов и актуальных когнитивных признаков отражает взгляды носителей языка того или иного столетия на социальное, политическое и экономическое устройство нашей страны.

В исторической перспективе в содержании лингвоментального комплекса *Россия/русский* сохранный оказывается константа *власть* с соответствующим ей когнитивным признаком «управляемая властями, поступающими вопреки справедливости, нарушающими справедливость». Объективируясь в текстах XIX века, данная константа не теряет своей актуальности на протяжении нескольких столетий, актуализируясь и в современных произведениях. Поэты и прозаики XIX и XXI вв., чутко реагирующие на несправедливость и беззаконие, не могли не обратить внимание на вседозволенность и бесчинство русских властей, думающих не о благополучии русского народа, а о собственных выгоде и наживе.

Существенными для XIX и XX столетий оказываются константы *бедность* с признаком «не имеющая достаточных средств к существованию» и *простор* с признаком «свободное обширное пространство». Константа *бедность* актуализирует информацию о нищенском существовании России – небогатом государстве с неразвитой экономической системой. Экономический кризис в

нашей стране затянулся на многие годы, а лишение и нужда стали верными спутниками простого русского человека, который первым пожинал плоды неэффективных экономических реформ, проводимых властями. Константа *простор* лингвоментального комплекса *Россия/русский* вербализирует писательское восприятие безграничности русского географического пространства, которое в сознании русского человека представляет собой безмерную территорию, простирающуюся в необозримую даль.

Другие константы (например, *армия*, *неволя*, *революция*, *социализм*, *война*, *прогресс*, *неразвитость*) раскрывают динамику лингвоментального комплекса *Россия/русский*, поскольку являются актуальными для текстов определенного столетия и указывают на реалии, характерные для определенного исторического периода в жизни нашей страны. Так, константа *армия* и соответствующий ей когнитивный признак «способная, подготовленная к обороне» объективируется в поэзии и прозе XIX века и указывают на отвагу, доблесть и стойкость русского народа во времена Крымской кампании и Отечественной войны 1812 г. Константа *неволя* с признаком «ущемленная в правах и интересах, ограниченная в свободе» также актуализируется только в произведениях данного периода, в которых классики не раз говорили о закабаленности и закрепощенности русского народа, страдавшего от крепостного права.

Константа *революция* и признак «претерпевшая коренные изменения», а также константа *социализм* и признак «проникнутая идеями социализма, отвечающая принципам социализма» являются актуальными для произведений XX столетия, в которых яркий писательский отклик получают революционные настроения в России, впоследствии вылившиеся в государственный переворот. Константа *война* с признаком «принимая участие в войне, сражающаяся» также объективируется только в текстах XX века. И это представляется вполне закономерным, потому что писатели не могли обойти стороной военные потрясения, которым неоднократно была подвержена наша страна на протяжении этого периода.

Интересно, что некоторые константы и когнитивные признаки лингвоментального комплекса *Россия/русский* с течением времени меняются на противоположные. Так, в произведениях XX столетия не раз указывается на модернизацию в соответствии с современными требованиями технического и промышленного оснащения России, в связи с чем здесь актуализируется константа *прогресс* с соответствующим ей признаком «развивающаяся в соответствии с современными требованиями». В текстах XXI столетия, напротив, говорится об отсталости всех сфер жизни (экономической, технической, культурной), поэтому неудивительно, что здесь объективируется константа *неразвитость* и когнитивный признак «находящаяся на низком уровне развития в политическом, экономическом отношении, отсталая» с неодобрительным элементом коннотации.

Стоит отметить, что с течением времени в лингвоментальном комплексе *Россия/русский* усиливаются признаки самокритичности, на которые нам указывают константы *необразованность, праздность, несправедливость, саморазрушение, пьянство, бездумность*. Но если в произведениях XIX и XX столетий объективируются константы, указывающие и на положительные качества русского народа (*вера, величие, труд, мужество*), то в текстах XXI века актуализируются константы *пьянство* и *бездумность*, которые говорят о негативном восприятии современными писателями России и населяющего ее народа.

Перспективой исследования можно считать более детальное и углубленное исследование динамики объективации лингвоментального комплекса *Россия/русский* с привлечением произведений, написанных ранее XIX века. В качестве возможных направлений исследования можно выделить и изучение вербализации исследуемого нами лингвоментального комплекса, основанное на материале не только художественных, но и философских, а также публицистических текстов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Бердяев, Н.А. О власти пространств над русской душой / Н.А. Бердяев // Н.А. Бердяев. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. – М.: Философское общество СССР, 1990. – С. 62-68.
2. Блок, А.А. Стихотворения. Поэмы / А.А. Блок. – М.: Дрофа, 2008. – 413 с. – (Библиотека классической художественной литературы).
3. Бунин, И.А. Жизнь Арсеньева. Повести и рассказы / И.А. Бунин / Сост. и вступ. ст. А.А. Саакянц; Ил. Е.И. Дергилевой. – М.: Правда, 1989. – 608 с., ил.
4. Бунин, И.А. Окаянные дни / И.А. Бунин / Сост. А.В. Кочетов; Вступ. ст. О.Н. Михайлова. – М.: Современник, 1991. – 255 с.
5. Глуховский, Д.А. Рассказы о Родине / Д.А. Глуховский. – М.: Изд-во АСТ, 2015. – 384 с. – (Эксклюзивная новая классика).
6. Гоголь, Н.В. Полное собрание сочинений: В 14 т. Т. 6. Мертвые души. Том первый / Н.В. Гоголь / Ред. изд.: Н.Ф. Бельчиков, Н.И. Мордовченко, Б.В. Томашевский; Текст и коммент. подготов. В.А. Жданов, Э.Е. Зайденшнур. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – 923 с.
7. Горький, М. Собрание сочинений: В 16 т. / М. Горький / Сост. и общ. ред. Н.Н. Жегалова. – Т. 5, 10. – М.: Изд-во «Правда», 1979. – 432 с., 383 с.
8. Даль, В.И. Русак / В.И. Даль // В.И. Даль. Повести. Рассказы. Очерки. Сказки. – М.-Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1961. – С. 383-390.
9. Евтушенко, Е.А. Малое собрание сочинений / Е.А. Евтушенко. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. – 576 с.
10. Есенин, С.А. Собрание сочинений: В 2 т. / С.А. Есенин / Слово о поэте Ю.В. Бондарева; Сост., вступ. ст. и коммент. Ю.Л. Прокушева. – Т. 1, 2. – М.: Сов. Россия: Современник, 1991. – 480 с., 384 с.
11. Ильин, И.А. О России / И.А. Ильин. – М.: Российский архив, 1995. – 35 с.

12. Лесков, Н.С. Собрание сочинений: В 11 т. / Н.С. Лесков. / Под общ. ред. В.Г. Базанова, Б.Я. Бухштаба, А.И. Груздева, С.А. Рейсера, Б.М. Эйхенбаума. – Т. 1, 3, 4, 6, 7. – М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1956, 1957, 1958. – 584 с., 518 с., 628 с., 498 с.

13. Лермонтов, М.Ю. Сочинения в двух томах / М.Ю. Лермонтов / Сост. и комм. И.С. Чистовой; Вступ. ст. И.Л. Андроникова. – Т. 1, 2. – М.: Правда, 1988, 1990. – 720 с., 704 с., ил.

14. Лосский, Н.О. Характер русского народа // Лосский Н.О. Условия абсолютного добра. – М.: Политиздат, 1991. – С. 24-237.

15. Минаев, С. Время героев: рассказы, эссе / С. Минаев. – М.: АСТ – Астрель, 2008. – 223, [1] с.

16. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 07.06.16.).

17. Некрасов, Н.А. Полное собрание сочинений и писем: В 15 т. / Н.А. Некрасов. – Т. 1, 2, 3, 4, 5. – Л.: Наука, 1981, 1982. – 722 с., 449 с., 514 с., 690 с.

18. Прилепин, З. Санька / З. Прилепин. – М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. – 349 с. – (Захар Прилепин: проза).

19. Пушкин, А.С. Собрание сочинений: В 10 т. / А.С. Пушкин / Под общ. ред. Д.Д. Благого, С.М. Бонди, В.В. Виноградова, Ю.Г. Оксмана. – Т. 1, 2, 3, 4. – М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1959, 1960. – 528 с., 464 с., 552 с., 552 с.

20. Распутин, В.Г. Собрание повестей и рассказов в одном томе / В.Г. Распутин. – М.: Эксмо, 2017. – 960 с.

21. Распутин, В. Г. Уроки французского. Избранная проза и публицистика / В.Г. Распутин. – М.: «Жизнь и мысль», 2004. – 512 с. – (Библиотека МГПУ).

22. Розанов, В.В. Религия. Философия. Культура / В.В. Розанов. / Сост. и вступит. статья А.Н. Николукина – М.: «Республика», 1992. – 400 с.

23. Рубанов, А.В. Тоже Родина / А.В. Рубанов. – СПб.: Лимбус Пресс: Изд-во К. Тублина, 2011. – 232 с.

24. Симонов, К.М. Собрание сочинений: В 10 т. Том 1. Стихотворения. Поэмы. Вольные переводы / К.М. Симонов. – М.: Художественная литература, 1979. – 670 с.

25. Твардовский, А.Т. Стихотворения. Поэмы / А.Т. Твардовский / Под ред. А. Козловского, И. Израильской. – М.: Изд-во «Худ. лит-ра», 1971. – 688 с.

26. Толстая, Т.Н. Легкие миры / Т.Н. Толстая. – М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2014. – 480 с. – (Татьяна Толстая: проза).

27. Толстая, Т.Н. Река / Т.Н. Толстая. – изд. испр. и доп. – М.: Эксмо, 2007. – 384 с.

28. Толстой, Л.Н. Повести и рассказы / Л.Н. Толстой. – М.: «Ассоциация «Книга. Просвещение. Милосердие», 1994. – 683 с.

29. Тургенев, И.С. Собрание сочинений: В 5 т. / И.С. Тургенев; худож. П.С. Сацкий. – Т. 4, 5. – М.: Русская книга, 1994. – 416 с., 581 с.

30. Тютчев, Ф.И. Полное собрание сочинений: В 6 т. / Ф.И. Тютчев / Отв. ред. Л.Д. Громова-Опульская. – Т. 1, 2, 3 – М.: Классика, 2002. – 528 с., 657 с., 547 с.

31. Чехов, А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения [Текст]: В 18 т. / А.П. Чехов. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького; Редкол.: Н.Ф. Бельчиков (гл. ред.), Д.Д. Благой, Г.А. Бялый, А.С. Мясников, Л.Д. Опульская (зам. гл. ред.), А.И. Ревякин, М.Б. Храпченко. – Т. 7, 8, 13. – М.: Наука, 1977, 1978. – 735 с., 528 с., 527 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абаев, В.И. Статьи по теории и истории языкознания / В.И. Абаев; [сост., отв. ред. В.М. Алпатов]; Ин-т востоковедения РАН. – М.: Наука, 2006. – 150 с. – (Памятники отечественной науки. XX век).

2. Абрамова, Е.С. Концепт «Россия» в дискурсе современных российских масс-медиа: когнитивная структура, динамика, особенности языковой объективации (на материале журнала «Родина» за 1989 – 2011 гг.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.С. Абрамова. – Белгород, 2012. – 24 с.

3. Абросимова, Л.С. Теоретико-методологические установки когнитивного подхода к изучению словообразования / Л.С. Абросимова // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2014. – № 2. – С. 7-14.

4. Алефиренко, Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учебное пособие / Н.Ф. Алефиренко. – 3-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2013. – 288 с.

5. Алефиренко, Н.Ф. Проблемы когнитивной лингвистики: научная монография / Н.Ф. Алефиренко, Н.Б. Корина. – Нитра: Ун-т им. Константина Философа, 2011. – 216 с.

6. Алефиренко, Н.Ф. Современные представления науки о языке: учебное пособие / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 416 с.

7. Алпатов, В.М. Об антропоцентричном и системоцентричном подходах к языку / В.М. Алпатов // Вопросы языкознания. – 1993. – № 3. – С. 15-26.

8. Апанасенко, Э.Г. Концепт «Русские»: денотативные границы, возможности и перспективы (на материале произведений Ф.М. Достоевского и современной публицистики) / Э.Г. Апанасенко // Россия и АТР. – 2007. – № 1. – С. 130-137.

9. Апресян, Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания сознания / Ю.Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 37-67.

10. Арутюнова, Н.Д. Введение / Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке / Отв. ред.: Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. – М.: Индрик, 1999. – С. 3 – 11.

11. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – 896 с.

12. Аскольдов, С.А. Концепт и слово / С.А. Аскольдов // Русская словесность: От теории словесности к структуре текста: Антология / Под общ. ред. В.П. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – С. 267 – 279.

13. Афанасьев, А.Н. Народ-художник: Миф. Фольклор. Литература / А.Н. Афанасьев. – М.: Сов. Россия, 1986. – 368 с.

14. Бабушкин, А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А.П. Бабушкин. – Воронеж: ВГУ, 1996. – 104 с.

15. Барабушка, И.А. Сложный концепт в художественной концептосфере (на материале образа города в русской и английской прозе 2-й половины XX – начала XXI вв.): автореф. дис. ... канд. филол. наук / И.А. Барабушка. – Воронеж: ВГУ, 2013. – 27 с.

16. Баранов, А.Г. Семиологический подход к личности / А.Г. Баранов // Языковая личность: проблемы обозначения и понимания: тез. докл. науч. конф. Волгоград, 5-7 февр. 1997 г. – Волгоград: Перемена, 1997. – С. 17 – 18.

17. Баранова, Л.А. Этноним «русский» в фразеологии русского и европейского языков / Л.А. Баранова // Русское слово в мировой культуре. Материалы X Конгресса Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Санкт-Петербург, 30 июня – 5 июля 2003 г. Пленарные заседания: сборник докладов: В 2-х т. Т. 1 / Под ред. Е.Е. Юркова, Н.О. Рогожиной. – СПб: Политехника, 2003. – С. 335 – 340.

18. Белоусова, А.И. Ономастический концепт «Россия» в заголовочном комплексе газетного дискурса: лингвокогнитивный аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст] / А.И. Белоусова. – Вологда, 2011. – 20 с.

19. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М.: Прогресс, 1974. – 448 с.

20. Березович, Е.Л. Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция / Е.Л. Березович. – М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2014. – 488 с.

21. Березович, Е.Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования / Е.Л. Березович. – М.: Индрик, 2007. – 600 с. (Традиционная духовная культура славян. Современные исследования.)

22. Березович, Е.Л. Проект «Славянского аксиологического словаря» [Электронный ресурс] / Е.Л. Березович, Н.И. Зубов, Р. Plus, А.В. Юдин. – Режим доступа: URL: <http://www.karija.narod.ru> (дата обращения: 25.01.2015).

23. Богин, Г.И. Современная лингводидактика / Г.И. Богин. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1980. – 61 с.

23. Бодуэн де Куртене, И.А. Избранные труды по общему языкознанию: в 2 т. Т. 2 / И.А. Бодуэн де Куртене. – М.: Академия наук СССР, 1963. – 391 с.

25. Болдырев, Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии / Н.Н. Болдырев. – Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2001. – Изд. 2-е, стер. – 123 с.

26. Бугорская, Н.В. Антропоцентризм как категория современного языкознания / Н.В. Бугорская // Вопросы психолингвистики. – 2004. – № 2. – С. 18-25.

27. Буслаев, Ф.И. Преподавание отечественного языка: учебное пособие для студентов пед. ин-тов по спец. «Рус. яз. и лит.» / Буслаев Ф.И. – М.: Просвещение, 1992. – 512 с.

28. Вайсгербер, Й. Л. Родной язык и формирование духа / Й.Л. Вайсгербер / Пер. с нем., вступ. ст. и коммент. О.А. Радченко. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 232 с. (История лингвофилософской мысли.)

29. Вендина, Т.И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка / Т.И. Вендина. – М.: Индрик, 2002. – 334 с.

30. Вендина, Т.И. Этнолингвистика, аксиология и словообразование / Т.И. Вендина // Слово и культура. Памяти Никиты Ильича Толстого. Том I / Ред.

коллегия: Т.А. Агапкина, А.Ф. Журавлев, С.М. Толстая. – М.: Индрик, 1998. – С. 39-48.

31. Верещагин, Е.М. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров / Под ред. и с послесловием академика Ю.С. Степанова. – М.: «Индрик», 2005. – 1040 с.

32. Виноградов, В.В. О художественной прозе / В.В. Виноградов. – М.-Л.: Изд-во Гиз, 1930. – 190 с.

33. Виноградов, В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / В.В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1972. – 639 с.

34. Винокур, Г.О. О задачах истории языка / Г.О. Винокур // Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1959. – С. 207-226.

35. Воркачев, С.Г. Идея патриотизма в русской лингвокультуре: монография / С.Г. Воркачев. – Волгоград: «Парадигма», 2008, – 199 с.

36. Воркачев, С.Г. Культурный концепт и значение [Электронный ресурс] / С.Г. Воркачев. – Режим доступа: URL: [http://www. lincon.narod.ru](http://www.lincon.narod.ru) (дата обращения: 18.11.2015).

37. Воркачев, С.Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа: монография / С.Г. Воркачев. – Краснодар: Изд-во КубГТУ, 2002. – 142 с.

38. Воркачев, С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С.Г. Воркачев // Филологические науки. – 2001. – №1. – С. 64-72.

39. Воробьев, В.В. Лингвокультурология (теория и методы): монография / В.В. Воробьев. – М.: Изд-во РУДН, 1997. – 331 с.

40. Герд, А.С. Введение в этнолингвистику: курс лекций и хрестоматия. 2-е изд., исправл. / А.С. Герд. – СПб: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005. – 457 с.

41. Гердер, И.Г. Идеи и философия истории человечества / И.Г. Гердер – М.: Наука, 1977. – 705 с.

42. Гердер, И.Г. Трактат о происхождении языка / И.Г. Гердер // Гердер И.Г. Избранные сочинения / Сост. В.М. Жирмунский. – М.-Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. – С. 133-153.

43. Гончарова Т.В. Этноним как имя концепта / Т.В. Гончарова, Ю. Шалатонина // О русском языке в историческом, теоретическом и лингвокультурологическом аспектах. К 80-летию доцента Г.Л. Щеулиной. – Липецк: ЛГПУ, 2009. – С. 114-132.

44. Grimm, Я. О происхождении языка (Извлечения) / Я. Grimm // В.А. Звегинцев. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. – Ч. 1. – М.: Просвещение, 1964. – С. 57-68.

45. Гринев-Гриневиц, С.В. Основы антропологической лингвистики: учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений / С.В. Гринев-Гриневиц, Э.А. Сорокина, Т.Г. Скопюк. – М.: Академия, 2008. – 128 с.

46. Грищенко, А.И. Между русскими и россиянами: Современная русская публицистика в поисках новых этнических номинаций / А.И. Грищенко // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История и филология. Т. 11. Вып. 11: Журналистика. – 2012. – С. 124 – 131.

47. Грузинов, И.В. Есенин / И.В. Грузинов // С.А. Есенин в воспоминаниях современников: В 2 т. / Вступ. ст., сост. и коммент. А. Козловского. – Т. 1. – М.: Худ. лит., 1986. – С. 351-364.

48. Гукасова, Э.М. Греческая и русская национальные личности: ценностно-нормативная картина мира (на материале афористики) / Э.М. Гукасова // Проблемы национальных характеров, менталитетов и их проявление в языке: XI Науч.-метод. чтения, Июнь 2001. Тез. – М.: Дипломат. акад. МИД России, 2001. – С. 27-29.

49. Гулин, А.В. Духовный путь Сергея Есенина / А.В. Гулин // Есенин С.А. «Душа грустит о небесах...»: стихотворения и поэмы / Сост. А.В. Гулин. – М.: Детская литература, 2008. – С. 5-36.

50. Гумбольдт, В. фон О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода / В. фон Гумбольдт //

Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию / Общ. ред. Г.В. Рамишвили. – М.: Прогресс, 1984. – С. 37-300.

51. Гумбольдт, В. фон О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода (Извлечения) / В. Гумбольдт // История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. – Ч. 1. – М.: Просвещение, 1964. – С. 85-104.

52. Гуревич, А.Я. Человеческая личность в средневековой Европе: реальная или ложная проблема / А. Гуревич // Развитие личности. – 2003. – № 1. – С. 25-27.

53. Евтушенко, О.В. К вопросу о структуре концепта (на основании сопоставления суперконцептов «Россия» и «Любовь») / О.В. Евтушенко // Русский язык: Исторические судьбы и современность. III Международный конгресс исследователей русского языка. – М.: МГУ, 2007 а. – С. 486-487.

54. Евтушенко, О.В. Концепт «государство» в произведениях современных российских писателей / О.В. Евтушенко // Русское слово в русском мире – 2005. Государство и государственность в языковом сознании россиян / Под ред. Ю.Н. Караулова, О.В. Евтушенко. – М.: Азбуковник: Словари.ру, 2005. – С. 37-55.

55. Евтушенко, О.В. Фрагменты структуры концепта «Россия» / О.В. Евтушенко // Язык как материя смысла: Сборник статей к 90-летию академика Н.Ю. Шведовой / Отв. ред.: М.В. Ляпон. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2007 б. – С. 623-635.

56. Жуков, В.П. Русская фразеология / В.П. Жуков, А.В. Жуков. – М.: Высшая школа, 2006. – 408 с.

57. Залевская, А.А. Языковое сознание: вопросы теории / А.А. Залевская // Вопросы психолингвистики. – 2003. – № 1. – С. 30-35.

58. Зализняк, А.А. Отражение «национального характера» в лексике русского языка / А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина // Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи языковой картины мира: сборник статей. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – С. 307-336.

59. Звегинцев, В.А. О научном наследии Вильгельма фон Гумбольдта / В.А. Звегинцев // Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – С. 356-362.

60. Звегинцев, В.А. Социальное и лингвистическое в социолингвистике / В.А. Звегинцев // Известия АН СССР. – Серия «Литература и язык». – 1982. – № 3. – С. 250-258.

61. Золотова, Г.А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова. – М.: Институт русского языка РАН им. В.В. Виноградова, 2004. – 544 с.

62. Иванцова, Е.В. О термине «языковая личность»: истоки, проблемы, перспективы использования / Е.В. Иванцова // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – № 4 (12). – С. 24-32.

63. Ивин, А.А. Аксиология: научное издание / А.А. Ивин. – М.: Высш. шк., 2006. – 390 с.

64. Карасик, В.И. Языковая личность как предмет изучения антропологической лингвистики / В.И. Карасик // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2011. – № 8. – С. 109-115.

65. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 447 с.

66. Карасик, В.И. Языковые ключи / В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2009. – 406 с.

67. Караулов, Ю.Н. Ассоциативный анализ: новый подход к интерпретации художественного текста / Ю.Н. Караулов // Вопросы психолингвистики. – 2015. – № 3 (25). – С. 14-36.

68. Караулов, Ю.Н. Предисловие. Русская языковая личность и задачи ее изучения / Ю.Н. Караулов // Актуальные проблемы современной лингвистики: учебное пособие / сост. Л.Н. Чурилина. – М.: Флинта: Наука, 2008. – С. 207-214.

69. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 261 с.

70. Кашкин, В.Б. Этнонимы и территория национальной души / В.Б. Кашкин, С. Пейхенен // Русское и финское коммуникативное поведение. – Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. – С. 62-70.

71. Кильдибекова, Т.А. Функционально-когнитивный словарь русского языка как новый тип активного словаря [Электронный ресурс] / Т.А. Кильдибекова, Г.В. Гафарова. – Режим доступа: URL: <http://www.philol.msu.ru> (дата обращения: 19.08.2015).

72. Кобозева, И. М. Немец, англичанин, француз и русский: выявление стереотипов национальных характеров через анализ коннотаций этнонимов / И.М. Кобозева // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. – 1995. – № 3. – С. 102-116.

73. Козырев, В.А. Языковое образование и языковая личность / В.А. Козырев, В.Д. Черняк // UNIVERSUM: Вестник Герценовского университета. – 2008. – № 1. – С. 30-36.

74. Колесов, В.В. Концептология: учебное пособие / В.В. Колесов, М.В. Пименова. – Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2012. – 248 с.

75. Колесов, В.В. Русская ментальность в языке и тексте / В.В. Колесов. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. – 624 с.

76. Кольшикина, И.М. Изображение фрустрирующей языковой личности в русских художественных и эпистолярных текстах: дис. ... канд. филол. наук / И.М. Кольшикина. – Липецк: ЛГПУ, 2012. – 352 с.

77. Корнилов, О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов: [учебное пособие] / О.А. Корнилов. – 3-е изд. испр. – М.: КДУ, 2011. – 350 с.

78. Косарик, М.А. К проблеме традиции и инновации в истории языкознания. Ренессансная и современная лингвистические парадигмы – связь эпох / М.А. Косарик // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. – 1995. – № 5. – С. 104-116.

79. Косицына, Н.О. Лексика религиозной культуры в идиолекте А.А. Фета: дис. ... канд. филол. наук. – Курск: Курск. гос. ун-т, 2010. – 234 с.

80. Кошарная, С.А. Миф и язык: Опыт лингвокультурологической реконструкции русской мифологической картины мира / С.А. Кошарная. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2002. – 288 с.

81. Красных, В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? / В.В. Красных. – М.: Диалог-МГУ, 1998. – 352 с.

82. Красных, В.В. От концепта к тексту и обратно (к вопросу о психолингвистике текста) / В.В. Красных // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. – № 1. – 1998. – С. 53-70.

83. Крючкова, Н.В. Лингвокультурное варьирование концептов / Н.В. Крючкова. – Саратов: Научная книга, 2005. – 164 с.

84. Кубрякова, Е.С. О когнитивной лингвистике и семантике термина «когнитивный» / Е.С. Кубрякова // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2001. – № 1. – С. 4-10.

85. Кубрякова, Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) / Е.С. Кубрякова // Актуальные проблемы современной лингвистики: учебное пособие / сост. Л.Н. Чурилина. М.: Флинта: Наука, 2008. – С. 46-59.

86. Кун, Т.С. Структура научных революций / Т.С. Кун. – М.: Прогресс, 1977. – 300 с.

87. Леонтович, О.А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения: монография / О.А. Леонтович. – Волгоград: Перемена, 2002. – 344 с.

88. Леонтьев, А.А. Язык, речь, речевая деятельность / А.А. Леонтьев. – М.: Просвещение, 1969. – 214 с.

89. Лихачев, Д.С. Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачев // Изв. РАН – СЛЯ – 1993. – №1. – С. 3-9.

90. Макогоненко, Г.П. Творческий путь Михаила Лермонтова // Г.П. Макогоненко // Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений в четырех томах. Т.1. – М., 1986. – С. 3-38.

91. Маркелова, Т.В. Семантика оценки и средства ее выражения в русском языке: учебное пособие по спецкурсу / Т.В. Маркелова. – М.: МПУ, 1993. – 125 с.

92. Маслова, В.А. Когнитивная лингвистика: учебное пособие / В.А. Маслова. – Мн.: ТетраСистемс, 2004. – 256 с.
93. Маслова, В.А. Лингвокультурология: учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А. Маслова. – М.: Академия, 2001 а. – 272 с.
94. Маслова, В.А. Русская поэзия XX века. Лингвокультурологический взгляд: учебное пособие / В.А. Маслова. – М.: Высш. шк., 2006. – 256 с.
95. Маслова, В.А. Современные направления в лингвистике: учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А. Маслова. – М.: Академия, 2001 б. – 183 с.
96. Меграбова, Э.Г. Образ России в дискурсе журнала «Newsweek» / Э.Г. Меграбова, А.И. Эдличко и др. // Языковая репрезентация образа России в публицистическом дискурсе стран Запада и Востока: кол. монография. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2009. – С. 7 – 66.
97. Мельникова, А.А. Язык и национальный характер. Взаимосвязь структуры языка и ментальности / А.А. Мельникова. – СПб.: Речь, 2003. – 320 с. – (Психологический практикум).
98. Миронова, Н.И. Ассоциативный эксперимент: методы анализа данных и анализ на основе универсальной схемы / Н.И. Миронова // Вопросы психолингвистики. – 2011. – Т. 14, № 2. – С. 108-119.
99. Мокиенко, В.М. Образы русской речи: Историко-этимологические и этнолингвистические очерки фразеологии / В.М. Мокиенко. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. – 280 с.
100. Нерознак, В.П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины / В.П. Нерознак // Язык. Поэтика. Перевод. Сб. науч. тр. – М.: Московский государственный лингвистический университет, 1996. – С. 112-116.
101. Никитина, С.Е. Языковое сознание и самосознание личности в народной культуре / С.Е. Никитина // Язык и личность. – М.: Наука, 1989. – С. 34-41.

102. Онищенко, М.С. Оценочность концептов «русские» и «американцы» в русском языковом и когнитивном сознании / М.С. Онищенко // Дискурс, концепт, жанр. – Нижний Тагил: НТГСПА, 2009. – С. 204 – 219.

103. Орлова, О.Г. Актуализация концепта «Russia» («Россия») в американской публицистике (на примере дискурса еженедельника «Newsweek»): автореф. дис. ... канд. филол. наук / О.Г. Орлова. – Волгоград, 2005. – 22 с.

104. Остгоф, Г. Предисловие к книге «Морфологические исследования в области индоевропейских языков» / Г. Остгоф, К. Бругман // Звегинцев В.А. История языкознания XIX-XX веков о очерках и извлечениях. – Ч. 1. – М.: Просвещение, 1964. – С. 187-198.

105. Пеньковский, А.Б. О семантической категории «чуждости в русском языке» / А.Б. Пеньковский // Пеньковский А.Б. Очерки по русской семантике. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 6-27.

106. Пеньковский, А.Б. Россия – Ро(а)с(с)ея / А.Б. Пеньковский // Пеньковский А.Б. Очерки по русской семантике. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 235-241.

107. Пименова, М.В. Душа и дух: особенности концептуализации / М.В. Пименова. – Кемерово: Графика, 2004. – 385 с.

108. Пименова, М.В. Концептуальные исследования. Введение: учебное пособие / М.В. Пименова, О.Н. Кондратьева. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 176 с.

109. Пономарева, Е.Ю. Концептуальная оппозиция «жизнь – смерть» в поэтическом дискурсе (на материале поэзии Д. Томаса и В. Брюсова): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.Ю. Пономарева. – Тюмень: Тюменский гос. ун-т, 2008. – 22 с.

110. Попова, З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2010. – 314, [6] с. – (Лингвистика и межкультурная коммуникация. Золотая серия).

111. Попова, Е.А. Активно развивающиеся и формирующиеся направления в отечественной лингвистике XX века / Е.А. Попова // Щеулин В.В. Избранные

труды по языкознанию. Проблемы общего языкознания. – Т. 5. – Липецк: ЛГПУ, 2004. – С. 91-154.

112. Попова, Е.А. Новые направления в современной отечественной лингвистике / Е.А. Попова // Материалы научной конференции «Язык и языкознание на рубеже столетий» (Липецк, 18 октября 2000 г.) / Ред. В.В. Щеулин, И.В. Коновалова. – Липецк: ЛГПУ, ЛГИУУ, 2000. – С. 47-51.

113. Потебня, А.А. Мысль и язык / А.А. Потебня. – М.: Лабиринт, 1999. – 300 с.

114. Потебня, А.А. Слово и миф / А.А. Потебня. – М.: Правда, 1989. – 624 с.

115. Праведников, С.П. Территориальная дифференциация языка русского фольклора: дис. ... д-ра филол. наук / С.П. Праведников. – Курск, 2011. – 42 с.

116. Прохоров, Ю.Е. Концепт, текст, дискурс в структуре и содержании коммуникации: дис. ... д-ра филол. наук / Ю.Е. Прохоров. – Москва – Екатеринбург: Уральский государственный университет им. А.М. Горького, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2006. – 338 с.

117. Рощина, Л.М. Автор мемуаров как языковая личность / Л.М. Рощина, М.П. Яковлева // Этническое и языковое самосознание. Материалы конференции (Москва, 13-15 декабря, 1995 г.) / Редкол.: В.П. Нерознак (отв. ред.) и др. – М.: Ин-т народов России, 1995. – С. 126-127.

118. Руденко, Д.И. Имя в парадигмах «философии языка» / Д.И. Руденко. – Харьков: Основа, 1990. – 299 с.

119. Свинцова, А.А. Россия в пословицах / А.А. Свинцова // Образ России извне и изнутри. – Калуга: Изд-во «Эйдос», 2008. – С. 146 – 150.

120. Сепир, Э. Статус лингвистики как науки / Э. Сепир // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии: Пер. с англ. / Общ. ред. А.Е. Кибрика. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1993 а. – С. 259-265.

121. Сепир, Э. Язык / Э. Сепир // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии: Пер. с англ. / Общ. ред. А.Е. Кибрика. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1993 б. – С. 223-247.

122. Сепир, Э. Язык. Введение в изучение речи / Э. Сепир // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии: Пер. с англ. / Общ. ред. А.Е. Кибрика. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1993 в. – С. 26-203.

123. Сергеева, А.В. Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность / А.В. Сергеева. – 4-е изд., испр. – М.: Флинта, Наука, 2006. – 320 с.

124. Серебренникова, Е.Ф. Аспекты аксиологического лингвистического анализа / Е.Ф. Серебренникова // Лингвистика и аксиология: этносиметрия ценностных смыслов: коллективная монография. – М.: ТЕЗАУРУС, 2011. – С. 7-27.

125. Сироткина, Т.А. Этническая личность в языковом пространстве региона / Т.А. Сироткина // Филологические науки. – 2009. – №1. – С. 74-80.

126. Скрыльникова, А.Ю. Категориальная и лингвокультурологическая категория чуждости в русском языке: дис. ... канд. филол. наук / А.Ю. Скрыльникова – Липецк, 2008. – 293 с.

127. Соловьев, А.В. Византийское имя России / А.В. Соловьев // Византийский временник. Т. 12. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1957. – С.134-155.

128. Срезневский, И.И. Мысли об истории русского языка / И.И. Срезневский. – М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1959. – 136 с.

129. Степанов, Ю.С. Эмиль Бенвенист и лингвистика на пути преобразований. Вступительная статья / Ю.С. Степанов // Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – С. 5-16.

130. Стернин, И.А. Коммуникативное и когнитивное сознание / И.А. Стернин // С любовью к языку: сборник научных трудов. – М.-Воронеж: ИЯ РАН, ВГУ, 2002. – С. 44-51.

131. Стернин, И.А. Методика исследования структуры концепта / И.А. Стернин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: ВорГУ, 2001. – С. 58-64.

132. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М.: «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
133. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. – М.: Слово, 2000. – 624 с.
134. Токарев, Г.В. Лингвокультурология: учебное пособие / Г.В. Токарев. – Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2009. – 135 с.
135. Толстая, С.М. Семантические категории языка и культуры: Очерки по славянской этнолингвистике / С.М. Толстая. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 368 с.
136. Толстой, Н.И. Этнолингвистика в кругу гуманитарных дисциплин / Н.И. Толстой // Толстой Н.И., Толстая С.М. Славянская этнолингвистика: вопросы теории. – М.: Институт славяноведения РАН, 2013. – С. 19-31.
137. Толстой, Н.И. Язык и культура / Н.И. Толстой // Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М.: Индрик, 1995. – С. 15-26.
138. Топорова, В.М. Русские и немцы в зеркале «своего» и «чужого» / В.М. Топорова // Русское и немецкое коммуникативное поведение. Выпуск 1. – Воронеж: ВГУ, 2002. – С. 111-113.
139. Трафименкова, Т.А. Языковая картина мира и ее отдельные составляющие в типологии картин мира / Т.А. Трафименкова // Язык как система и деятельность – 3. Материалы международной научной конференции. – Ростов н/Д.: Изд-во НМЦ «Логос», 2012. – С. 114-116.
140. Тураева, З.Я. Лингвистика текста (Текст: структура и семантика): учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2103 «Иностр. яз.» / З.Я. Тураева – М.: Просвещение, 1986. – 127 с.
141. Убийко, Н.И. Типологизация концептов в современном языкознании / Н.И. Убийко. – М.: Наука, 1999. – 67 с.
142. Уорф, Б.Л. Наука и языкознание / Б.Л. Уорф // Новое в лингвистике. – Вып. I. – М.: Изд-во иностр. лит., 1960 а. – С. 169-183.

143. Уорф, Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку / Б.Л. Уорф // Новое в лингвистике. – Вып. I. – М.: Изд-во иностр. лит., 1960 б. – С. 135-169.
144. Уфимцева, Н.В. Русские: опыт еще одного самопознания / Н.В. Уфимцева // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М.: Институт языкознания РАН, 1996. – С. 139-162.
145. Уфимцева, Н.В. Системно-целостный принцип и анализ языковой картины мира / Н.В. Уфимцева // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / Ред. кол.: М.Л. Ковшова, В.В. Красных, А.И. Изотов, И.В. Зыкова. – М.: МАКС Пресс, 2013. – С. 122-127.
146. Федосюк, М.Ю. Концепт русского обыденного сознания «русские» по данным Национального корпуса русского языка / М.Ю. Федосюк // Лингвистическая герменевтика. Вып. 2. – М.: МПГУ, 2010. – С. 93-99.
147. Фесенко, Т.А. Специфика национального культурного пространства в зеркале перевода / Т.А. Фесенко. – Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2002. – 232 с.
148. Философия культуры. Становление и развитие / Под ред. М.С. Кагана, Ю.В. Перова, В.В. Прозерского, Э.П. Юровской. – СПб: Лань, 1998. – 448 с.
149. Хроленко, А.Т. Основы лингвокультурологии: учебное пособие / А.Т. Хроленко; Под ред. В.Д. Бондалетова. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 184 с.
150. Чернейко, Л.О., Сонтэ, Х. Концепты «жизнь» и «смерть» как фрагменты русской языковой картины мира / Л.О. Чернейко, Хо Сонтэ // Филологические науки. – 2001. – № 5. – С. 50-59.
151. Чурилина, Л.Н. Концепт «любовь» как фрагмент коллективной и индивидуальной картины мира: ассоциативный аспект / Л.Н. Чурилина // Актуальные проблемы современной лингвистики: учебное пособие / сост. Л.Н. Чурилина. 6-е изд., стереотип. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 416 с.
152. Шаклеин, В.М. Лингвокультурология. Традиции и инновации: Монография / В.М. Шаклеин. – М.: Флинта, 2012. – 301 с.
153. Шахматов, А.А. Очерк современного русского литературного языка / А.А. Шахматов. – М.: Учпедгиз, 1941. – 286 с.

154. Шведова, Н.Ю. Русский язык: Избранные работы / Н.Ю. Шведова – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 637 с. – (Studia philologica).
155. Шведова, Н.Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским синтаксическим словарем» / Н.Ю. Шведова // Вопросы языкознания. – 1999. – №1. – С. 3-16.
156. Шмелев, А.Д. Лексический состав русского языка как отражение «русской души» / А.Д. Шмелев // Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи языковой картины мира: сборник статей. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – С. 25-39.
157. Шмелев, А.Д. «Русская ментальность» в зеркале лексических данных / А.Д. Шмелев // Этническое и языковое самосознание. – М.: Ин-т народов России, 1995. – С. 168-169.
158. Шмелев, А.Д. Русская языковая модель мира: материалы к словарю / А.Д. Шмелев. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 225 с. – (Язык. Семиотика. Культура. Малая серия).
159. Шмелев, А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность / А.Д. Шмелев. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 496 с. – (Язык. Семиотика. Культура).
160. Шулежкова, С.Г. История лингвистических учений: учебное пособие / С.Г. Шулежкова. – 4-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 408 с.
161. Щеулин, В.В. Избранные труды по языкознанию. V. Проблемы общего языкознания / В.В. Щеулин. – Липецк: ЛГПУ, 2004. – 174 с.
162. Щеулин, В.В. О государственном языке России / В.В. Щеулин // Русский язык наших дней в социолингвистическом освещении: сборник научных трудов. – Липецк: ЛГПУ, 2008. – С. 3-11.
163. Щеулин, В.В. Антропоцентризм на современном этапе лингвистики / В.В. Щеулин, Е.А. Попова // Антропоцентризм современной лингвистической ситуации / Отв. ред. Е.А. Попова. – Липецк: ЛГПУ, 2002. – С. 3-27.
164. Юрьева, И.А. Концепт «Россия» как фрагмент русской национальной картины мира периода XX – начала XXI в.: автореф. дис. ... канд. филол. наук / И.А. Юрьева. – Челябинск: ЧГПУ, 2008. – 23 с.

СЛОВАРИ

165. Александрова, З.Е. Словарь синонимов русского языка: Практический справочник: Ок. 11 000 син. рядов / З.Е. Александрова. – М.: Рус. яз. 2001. – 568 с. – (Библиотека словарей рус. яз.).

166. Аникин, В.П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор: пособ. для уч.-ля. – М.: Гос. уч.-пед. изд-во Мин-ва просвещен. РСФСР, 1957. – 240 с.

167. Ассоциативный фразеологический словарь / Добровольский Д.О., Караулов Ю.Н. – М.: «Помовский и партнеры», 1994. – 120 с.

168. Бирих, А.К. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова. – СПб: Фолио-пресс, 1998. – 704 с.

169. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 2000. – 1563 с.

170. Даль, В.И. Пословицы и поговорки русского народа / В.И. Даль. – М.: Эксмо, 2009. – 640 с. – (Русская классика).

171. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. / В.И. Даль. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2003. – Т. 1, 2, 3, 4. – 699 с., 779 с., 555 с., 688 с.

172. Жуков, В.П. Словарь русских пословиц и поговорок / В.П. Жуков. – 7-е изд, стереотип. – М.: Рус. яз., 2000. – 544 с. – (Б-ка словарей рус. яз.).

173. За край свой насмерть стой. Сборник пословиц и поговорок / Сост. А.М. Жигулев, Н.П. Кузнецов. – М.: Воениздат, 1974. – 304 с.

174. Кожевников, А.Ю. Словарь синонимов современного русского языка. Речевые эквиваленты: практический справочник / А.Ю. Кожевников. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2009. – 800 с.

175. Кубрякова, Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина / Под общей ред. Е.С. Кубряковой. – М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. – 245 с.

176. Малые жанры русского фольклора = Пословицы, поговорки, загадки: хрестоматия для филол. спец. ун-тов и пед. ин-тов / Сост. В.Н. Морохин. – М.: Высш. школа, 1979. – 284 с.

177. Мокиенко, В.М. Большой словарь русских поговорок / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. – 784 с.

178. Мокиенко, В.М. Толковый словарь языка Совдепии / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.

179. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: Ок. 65 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов / Под ред. проф. Л.И. Скворцова. – 26-е изд., перераб. и доп. – М.: ООО «Издательство Оникс»: «Издательство «Мир и Образование», 2008. – 736 с.

180. Пословицы. Поговорки. Загадки / Сост., авт. предисл. и коммент. А.Н. Мартынова, В.В. Митрофанова. – М.: Современник, 1986. – 512 с. – (Классическая б-ка «Современник»).

181. Психологический словарь / Под ред. В.П. Зинченко, Б.Г. Мещерякова. – 2. изд., перераб. и доп. – М.: Педагогика-Пресс, 1996. – 438 с.

182. Русские народные загадки, пословицы, поговорки / Сост., авт. вступ. ст. коммент. и слов Ю.Г. Круглов. – М.: Просвещение, 1990. – 335 с.: ил. – (Б-ка словесника).

183. Русские народные пословицы и поговорки / Сост. А.М. Жигулев. – М.: Моск. рабочий, 1965. – 360 с.

184. Россия. Большой лингвострановедческий словарь / Под общ. ред. Ю.Е. Прохорова. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2007. – 736 с.: ил. – (Фундаментальные словари).

185. Русский ассоциативный словарь: В 2 т. Т. 1. / Под ред. Ю.Н. Караулова. – М.: АСТ-Астрель, 2002. – 784 с.

186. Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. – М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1998. – 703 с.

187. Русские военные пословицы и поговорки / Сост. А.М. Жигулев. – М.: Воен. Изд-во Мин-ва обороны Союза ССР, 1960. – 160 с.

188. Русские пословицы и поговорки / Сост. А.И. Соболев; Научн. ред. и авт. предисл. Ф.М. Селиванов. – М.: Сов. Россия, 1988. – 304 с.

189. Святая Русь. Энциклопедический словарь русской цивилизации [Электронный ресурс] / Составитель О. А. Платонов. – Режим доступа: URL: <http://www.modernlib.ru> (дата обращения: 23.11.2015).

190. Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – 3-е изд., стереотип. – М.: Русский язык. – Т. 1, 2, 3, 4. – 1985, 1986, 1987, 1988. – 696 с., 738 с., 752 с., 800 с. (МАС).

191. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. – М. – Л.: Изд-во Академии наук СССР. – Т. 2. – 1951, Т. 8. – 1959, Т. 12 – 1961. – Т. 2. – 1395 с., Т. 8 – с., Т. 12 – 1516 с.

192. Словарь сочетаемости слов русского языка: Ок. 2500 словарных статей / Под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. – 2-е изд., испр. – М.: Рус. яз., 1983. – 688 с.

193. Словарь языка Пушкина: в 4 т. / Отв. ред. акад. АН СССР В. В. Виноградов [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.slovari.ru> (дата обращения: 03.12.2015).

194. Степанов, Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 3-е, испр. и доп. / Ю.С. Степанов. – М.: Академический проект, 2004. – 992 с.

195. Тихонов, А.Н. Новый словообразовательный словарь русского языка для всех, кто хочет быть грамотным / А.Н. Тихонов. – М.: АСТ, 2014. – 639 с.

196. Тихонов, А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. Т. 2 / А.Н. Тихонов. – М.: Русский язык, 1990. – 886 с.

197. Тихонов, А.Н. Школьный словообразовательный словарь русского языка: пособие для учащихся / Тихонов А.Н. – М.: Культура и традиции, 1996. – 576 с.

198. Толковый словарь русского языка: В 4 т. Т. 3 / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: ТЕРРА, 1996. – 672 с.

199. Толковый словарь русского языка: Ок. 7000 словар. ст.: Свыше 35 000 значений: Более 70 000 иллюстрат. примеров / Под ред. Д.В. Дмитриева. – М.:

ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 1582 с. – (Словари Академии Российской).

200. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / Под ред. Г.Н. Складчиковой. – СПб.: Изд-во «Фолио-Пресс», 1998. – 701 с.

201. Универсальный фразеологический словарь русского языка. – М.: Вече, 2001. – 464 с.

202. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 3 (Муза – Сят) / М. Фасмер / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – 2-е изд., стер. – М.: Прогресс, 1987. – 832 с.

203. Фелицына, В.П. Русский пословицы, поговорки и крылатые выражения: Лингвострановедческий словарь / В.П. Фелицына, Ю.Е. Прохоров / Ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина; Под ред. Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Рус. яз., 1988. – 272 с.

204. Фивейская, Е.А. Современная официальная лексика: краткий словарь / Е.А. Фивейская, Н.Д. Севастьянова. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2014. – 352 с. – (Слова, которые следует знать).

205. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. – 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Республика, 2001. – 719 с.

206. Философский энциклопедический словарь / Гл. ред. Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.

207. Фразеологический словарь русского языка / Авторский коллектив: проф. Федосов И.В., канд. ф. н. Лапицкий А.Н. – М.: «ЮНВЕС», 2003. – 608 с.

208. Фразеологический словарь русского языка / Сост. А.Н. Тихонов (рук. авт. кол.), А.Г. Ломов, Л.А. Ломова. – М.: Высшая школа, 2003. – 336 с.

209. Фразеологический словарь русского языка: Свыше 4000 словарных статей / Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.И. Федоров; Под ред. А.И. Молоткова. – Изд. 5-е, стереотипное. – СПб.: Вариант, 1994. – 544 с.

210. Частотный словарь русского языка / Под ред. Л.Н. Засориной. – М.: Русский язык, 1977. – 936 с.

211. Яранцев, Р.И. Словарь-справочник по русской фразеологии: Ок. 800 фразеологизмов. / Р.И. Яранцев. – 2-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1985. – 304 с.

212. Jackendoff, R. Semantic and cognition / R. Jackendoff. – Cambridge: The MIT Press, 1993. – 283 p.

213. Langacker, R.W. Grammar and conceptualization / R.W. Langacker. – Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2000. – 427 p.